

А.М. Феофанов

Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XVIII века

Москва
Издательство ПСТГУ
2011

Рекомендовано для издания Советом исторического факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Рецензенты

А.Ю. Андреев, доктор исторических наук, профессор,
член ученого совета исторического факультета МГУ
Т.Е. Житенев, кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин
Волжского университета им. В.Н. Татищев

Научный редактор

Г.М. Запальский, кандидат исторических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой истории Церкви
исторического факультета МГУ,
научный редактор ЦНЦ «Православная энциклопедия»

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-01-00178а (2008)*

*Монография отмечена молодежной премией памяти
митрополита Макария (Булгакова) в номинации «История Москвы
и историческое краеведение» (2009)*

Феофанов А.М.

Ф Студенчество Московского университета XVIII первой четверти
XIX века. А.М. Феофанов. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. — 256 с. илл.

Монография посвящена истории студенчества Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX в. В ней использован широкий комплекс архивных и опубликованных источников. Дается анализ студенчества с различных сторон: социальной, учебной, бытовой. Характеризуется динамика численности студентов, а также изменения их социального состава, основные параметры учебной деятельности в Московском университете, карьерные достижения выпускников.

Для всех интересующихся русской историей.

УДК
ББК

ISBN

© Феофанов А.М., 2011
© Оформление. Издательство Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного
университета, 2011

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
Историография	9
Источники	21

ГЛАВА 1. ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	36
Динамика численности студентов	36
Сословная принадлежность студентов второй половины XVIII — начала XIX в.	49
Сословная принадлежность студентов 1813—1825 гг.	61

ГЛАВА 2. УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	75
Обучение перед поступлением в Московский университет ..	76
Зачисление в студенты. Вступительный экзамен	89
Возраст студентов, зачисляемых в университет	96
Срок учебы студентов. Организация преподавания	102
Отношение студентов к профессорам	123
Окончание учебы. Ученые степени	132

ГЛАВА 3. БЫТ МОСКОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА	155
Корпоративная униформа	155
Корпоративный суд	163
Условия университетской жизни	169
Студенческие будни	181
Время досуга и отдыха. Развлечения	186
Совмещение учебы и преподавания	195
Церковная жизнь	199

ГЛАВА 4. СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	202
Первые журналы	202

Масонская эпоха.	209
Студенческие общества начала XIX в.	216
ГЛАВА 5. КАРЬЕРА ВЫПУСКНИКОВ	
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.	221
Распределение воспитанников Московского университета. .	222
Карьерные достижения.	231
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	240
АРХИВНЫЕ ФОНДЫ.	246
БИБЛИОГРАФИЯ.	248
Источники.	248
Литература.	252

Введение

История студенчества – одна из важнейших составных частей истории российского высшего образования. Для осознания исторического пути, который прошло студенчество в России за последние два с половиной столетия, необходимо четко уяснить себе его происхождение, начальную фазу бытия. Эта книга как раз обращена к раннему периоду в истории российского студенчества (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.) и к студентам первого в стране Московского университета.

Московский университет был крупнейшим образовательным и культурным центром не только Москвы, но и всей России. Существовавшие к середине XVIII в. учебные заведения, в том числе так называемый Академический университет в Петербурге, не могли в полной мере удовлетворить потребности общества в отечественных специалистах, в то время как эта потребность была весьма велика. Именно поэтому становление и развитие Московского университета происходило при непосредственном участии и поддержке государства, которому требовались подготовленные кадры. Выпускники университета пополняли ряды чиновников, военных, становились литераторами, учеными и придворными, т.е. составляли элиту общества. Но университетское образование далеко не сразу приобрело значимость, ценность в глазах общества. А именно отношение общества к получению образования и определяло, скажем, численность учащихся. Таким образом, большую роль в становлении университета играла не только государственная власть, но и общество. Конечно, и взгляд общества на университет менялся в зависимости от политики, проводимой государством в области не только образования, но и социальной сфере. Сам университет как научный и общественный центр в лице своих ректоров, кураторов или попечителей, профессоров и студентов оказывал влияние на общество, создавая вокруг себя особую социокультурную среду.

К университетскому сообществу помимо самого университета относились открытые при нем гимназия (первоначально она делилась на дворянское и разночинское отделения; с 1806 г. называлась Академической) и Благородный пансион (для дворян). Учащиеся этих заведений неизбежно будут здесь упоминаться, но центральным объектом исследования станет студенчество Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в.

Студенчество мы рассматриваем как особый социум, формирующийся вокруг учебного заведения и вносящий самостоятельный вклад в общественную жизнь. По определению из Большой советской энциклопедии, термин «студенчество» обозначает «собственно студентов как социально-демографическую группу, характеризующуюся определенной численностью, половозрастной структурой, территориальным распределением и т.д.; определенное общественное положение, роль и статус; особую фазу, стадию социализации (студенческие годы), которую проходит значительная часть молодежи и которая характеризуется определенными социально-психологическими особенностями»¹. При этом, несмотря на различия социального происхождения и материальных возможностей, студенчество связано общим видом деятельности, образуя определенную социально-профессиональную группу, что порождает у него «общность интересов, групповое самосознание, специфическую субкультуру и образ жизни, причем это дополняется и усиливается возрастной однородностью, которой не имеют др. социально-профессиональные группы»². Современные социологи указывают, что учащиеся и студенты как представители молодежи «не обладают в полном смысле собственным социальным положением и характеризуются либо своим прошлым социальным статусом – социальным положением родителей, либо своим будущим статусом, связанным с профессиональной подготовкой и намечающейся профессиональной деятельностью»³. Тем более социальное происхождение было важным для сословного общества Российской империи.

¹ Большая советская энциклопедия. М., 1976. Т. 25. С. 19.

² Там же. С. 20.

³ Новейший социологический словарь. Минск, 2010. С. 103.

Как социальная группа студенчество формировалось из представителей всех сословий русского общества, впитывало в себя различные нормы поведения, к тому же насыщало их тем психологическим состоянием, которое свойственно именно учащейся молодежи с ее осознанием общности решения предстоящих жизненных задач и в то же время желанием провести отрезок жизни, отведенный для учебы, так, чтобы его впечатления максимально обогатили последующую жизнь. Именно в таком ключе рассматривается студенчество в работах современных российских историков¹.

В данной работе стоит задача ответить на вопросы, которые, как ни удивительно, до сих пор слабо изучены в историографии. Сколько было студентов в Московском университете во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.? Представители каких сословий преобладали среди студентов на различных отрезках времени? Как долго они учились? К какому результату стремились, заканчивая учебу? Как протекало обучение студентов, каковы были его основные стадии (поступление в университет, слушание лекций, экзамены, получение ученой степени)? Каковы были условия повседневной жизни студентов в период обучения? Каким было участие студентов в литературных кружках и обществах Москвы, каков их вклад в общественную жизнь своего времени? Кем они стали по выходе из университета, насколько успешно развивалась их карьера? Наконец, каково было значение этого раннего этапа первого российского университета для развития высшей школы в России?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо было прежде всего восстановить наиболее полный круг источников и выделить те из них, которые имеют однородный и массовый характер и позволяют определить общие показатели, характерные для студенчества в целом. Кроме того, потребовалось исследование и на индивидуальном уровне, для того чтобы проиллюстрировать те общие тенденции и закономерности в развитии студенчества, которые были обнаружены на «макроуровне». В книге, с одной

¹ См., например: *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX в. Социально-историческая судьба. М., 1999; *Он же.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в. Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.

стороны, даны количественные и качественные характеристики студенчества в целом, а с другой – прослежены судьбы конкретных выпускников. Тем самым социальный подход сочетается с культурологическим, при этом большее внимание уделяется не историко-культурной, а социальной стороне.

В работе применяется просопографический метод, который предполагает создание коллективных портретов различных социальных групп прошлого. Термин «просопография» происходит от двух греческих слов – *πρόσωπον* (лицо) и *γράφω* (пишу) – и означает «описание личностей». Согласно определению, данному историком и социологом Л. Стоуном, просопография – это исследование общих характеристик группы действующих в истории лиц, которое касается двух главных проблем: 1) путей осуществления ими политических акций, 2) путей и вариантов социальной мобильности и реализации своих карьерных устремлений. В более общем смысле под термином «просопография» подразумевается жанр исследований, предполагающий изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа их информации динамических «коллективных биографий» определенных социальных групп, страт и т.п. при возможности изучения биографий отдельных индивидуумов¹.

В нашем случае просопографический метод предполагает изучение студенчества Московского университета на основе тщательного статистического анализа данных, касающихся как можно большего числа представителей этого социального слоя. Мы выявили даты рождения и смерти, социальное происхождение, места жительства, образование, род деятельности, вероисповедание людей и другие характеристики, в результате чего была составлена база данных. Благодаря этому появилась возможность получить новое, многостороннее представление о студентах Московского университета.

Монография написана на основе диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенной мной на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 2006 г.

¹ Юмашева Ю.Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95-127.

Историография

Начало научного изучения студенчества Московского университета относится ко времени подготовки к его 100-летию юбилею, который послужил естественным поводом для создания крупных исследовательских работ, заложивших основы историографии университета. При подготовке к юбилею был собран большой коллектив исследователей под руководством С.П. Шевырева с целью составить три основных труда: собственно историю Московского университета, а также два биографических словаря – университетских профессоров и «питомцев Московского университета».

В созданной Шевыревым «Истории Императорского Московского университета, написанной к столетию его юбилею»¹ автор впервые представил систематическое изложение основных событий и законодательных актов, связанных с деятельностью университета за прошедшие сто лет, не ставя перед собой задачи по их критическому осмыслению и анализу. В каждом из периодов, освещаемых в истории (периодизация строилась по царствованиям и в соответствии со сменой кураторов и попечителей), Шевырев методично перебирал различные стороны университетской жизни, в том числе подробно останавливаясь на преподавании и характеристике студентов. Из них он выбирал прежде всего имена замечательных воспитанников, прославившихся впоследствии на государственной службе или общественном поприще. В поиске информации об этом Шевырев широко использовал студенческие списки из «Московских ведомостей», «Объявления о публичных учениях в Московском университете», многие университетские периодические издания, сохранившиеся протоколы конференции, а позднее – университетские отчеты. В то же время, не исключая несомненной добросовестности и эрудиции, при привлечении источников автор допустил и некоторые ошибки, которые будут исправлены в соответствующих местах настоящей работы. В целом же Шевыревым не ставилась задача комплексного описания студенчест-

¹ Первое издание: М., 1855; репринтное издание с предисловием и именным указателем: М., 1998.

ва Московского университета, его практически не интересовала бытовая сторона жизни студентов, их взаимоотношения с преподавателями, а поэтому мемуарные источники им почти не использовались.

Большой интерес с точки зрения изучения студенчества Московского университета представляет Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета (М., 1855. Т. 1–2), многие из которых сами учились там же, где преподавали. Биографические данные для словаря извлекались составителями не только из официальных источников, но и из воспоминаний или устных рассказов современников, поэтому во многом приобрели сейчас характер первоисточника. Среди них много данных о студенческой жизни будущих профессоров, встречаются сведения о полученных ими в XVIII в. ученых степенях, защищенных при выпуске из университета диссертациях и т.д.

Последнему из названных изданий, готовившихся к юбилею, – Биографическому словарю питомцев Императорского Московского университета – не повезло: к намеченному сроку вышел из печати только один том¹, посвященный выпускникам университета первых десяти лет его существования, а дальше работа прекратилась. Составители словаря под руководством университетского библиографа Д.Д. Языкова расположили в нем воспитанников университета по годам их поступления. Однако сверка их списков за 1756–1759 гг. с имеющимися данными из других источников показывает, что они недостаточно точны. Так, например, за 1756 г. в словаре названы восемь студентов: Семен Герасимов (Зыбелин), Петр Дмитриев (Вениаминов), Данила Яковлев (Ястребов), Дмитрий Аничков, Иван Федоров, Матвей Елисеев, Аввакум Рудаков и Данило Полимасовский. Если последние трое студентов действительно упоминаются в источниках за 1756–1757 гг., то про Зыбелина, Вениаминова и Ястребова точно известно, что они поступили в студенты уже в 1755 г., будучи переведенными в университет из Славяно-греко-латинской академии. То же показывает проверка и в отношении шести студентов, упоми-

¹ Биографический словарь питомцев Императорского Московского университета. М., 1855.

наемых в словаре как воспитанники 1757 г. (Иван Алексеев, Егор Булатницкий, Антон Любинский, Сергей Малиновский, Ефим Орлов, Илларион Садовский): по крайней мере трое из них учились в университете уже в 1756 г. За 1758 г. словарь приводит имена 12 студентов, из которых 6 человек на самом деле поступили в университет в 1755 г. Список за 1759 г. из 12 студентов в целом совпадает со списком произведенных в студенты, помещенным в «Московских ведомостях», но второй полнее, поскольку состоит из 18 человек. В то же время студент Иван Калиновский, указанный в первом списке, был прислан в Московский университет из Новгородской семинарии еще в 1757 г. Таким образом, как памятник историографии Биографический словарь питомцев Императорского Московского университета представляет несомненный интерес (хотя его упоминание из-за незаконченного характера работы крайне редко встречается в историографии), однако относиться к его информации нужно осторожно и по возможности перепроверять непосредственно по источникам.

В выходявших после 100-летнего юбилея дореволюционных исследовательских трудах по истории Московского университета проблемам изучения студенчества уделялось весьма малое внимание. Эта тема специально не рассматривалась ни в одной из крупных работ, ставивших задачу вписать историю Московского университета в институциональную историю системы народного просвещения в России¹. Они интересны лишь с точки зрения изучения того контекста (законодательного, общественно-политического), в котором развивалась студенческая жизнь второй половины XVIII – первой четверти XIX в.

В конце XIX в. закладывается концепция университетской истории в либеральной историографии. Согласно ей, университет призван быть носителем всего «прогрессивного» в русской общественной жизни, перенимать свежие веяния, идущие с Запада, воспитывать русскую интеллигенцию, зарождение кото-

¹ См.: Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование Александра I. СПб., 1865; Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общего образования // Вестник Европы. 1876. № 9–10; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб., 1902; Он же. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1902.

рой относили именно к его заслугам¹. Объективно противостоя тогдашнему университетскому официозу, эта концепция апеллировала к традициям И.Г. Шварца и Т.Н. Грановского. Благодаря ей внимание исследователей к проблемам студенческой жизни несколько повысилось (в частности, именно тогда была сформулирована концепция о значении Дружеского ученого общества для университета и его студентов в 1780-е гг.). Активно обсуждаемой в 1900-е гг. проблемой стал сословный вопрос в русских университетах, который рассматривался на материале столетней давности, в частности на принципах построения всесословного образования, легших в основу устава 1804 г.²

Другой линией дореволюционной историографии, относящейся к настоящей теме, можно назвать исследования различных персоналий и фактов культурной жизни, в особенности литературного процесса, неотъемлемой частью которого во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. являлись студенты и выпускники Московского университета. С последней трети XIX в. одновременно с публикацией большого количества мемуаров начинается серьезное изучение биографий многих государственных деятелей, поэтов и литераторов, живших во второй половине XVIII – первой половине XIX в., среди которых было немало университетских студентов. Попутно выяснялись и многие обстоятельства их студенческой жизни. Эти описания вошли в биографии, опубликованные в Русском биографическом словаре и Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, а также в отраслевых справочниках, например «Русские врачи-писатели» Л.Ф. Змеева³. Все они содержат ценную информацию

¹ См.: Якушкин В.Е. Из первых лет жизни Московского университета // Русский филологический вестник. 1902. № 3–4. С. 140–162; Сперанский М.Н. Московский университет XVIII века и Ломоносов. М., 1912. Во многом этой же традиции придерживались С.В. Бахрушин (Московский университет в XVIII веке // Ученые записки МГУ. М., 1940. Т. 50. С. 5–24) и А.А. Кизеветтер (Московский университет. 1755–1930: Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 9–62).

² См.: Рожественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 9. Отд. 2.

³ Змеев Л.Ф. Русские врачи-писатели. СПб., 1888. Вып. 1. См. также его сочинение: Словарь врачей, получивших степень доктора медицины (и хирургии) в имп. Московском университете до 1863 г. СПб., 1885.

о социальном происхождении и сроке учебы студентов. Значительная часть студентов были дворянами, поэтому важные биографические подробности можно получить в опубликованных справочниках по генеалогии российского дворянства, таких, как «Российская родословная книга» П.В. Долгорукова (СПб., 1854–1857), «История родов русского дворянства» П.Н. Петрова (СПб., 1886), «Родословный сборник русских дворянских фамилий» В.В. Руммеля и В.В. Голубцова (СПб., 1886), «Русская родословная книга» А.Б. Лобанова-Ростовского (СПб., 1895), «Малороссийский родословник» В.Л. Модзалевского (Т. I–IV. Киев, 1908–1914) и др. В современной историографии традицию биографических словарей продолжили Словарь русских писателей XVIII в., «Русские писатели 1800–1917 гг.» (вышло пять томов), хотя последнее издание осталось незаконченным¹.

В послереволюционный период традиция изучения истории Московского университета была прервана и не восстанавливалась в течение нескольких десятилетий. Лишь в канун Великой Отечественной войны большой коллектив историков подготовил серию статей под названием «Очерки по истории Московского университета», вышедшую в свет в юбилейном, 50-м выпуске «Ученых записок МГУ». «Очерки» представляли собой первую попытку построения концепции университетской истории в советской историографии. В целом придерживаясь распространенного в то время социологического подхода, авторы рассматривали университет в качестве выразителя интересов господствующего дворянского класса, верного помощника правительства в борьбе с революционными идеями. В то же время некоторые положения, перенесенные авторами из дореволюционных работ, делали концепцию несвободной от противоречий: так, в очерках был сохранен тезис о положительном значении для университета либеральных реформ М.Н. Муравьева, подчеркивался позитивный просветительский характер деятельности И.Г. Шварца и Дружеского ученого общества. В последующих публикациях эти положения подвергались критике с точки зрения еще более строгих идеологических позиций.

¹ Словарь русских писателей XVIII века. Л.; СПб., 1988–2010. Вып. 1–3; Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989–2007. Т. 1–5.

Настоящее складывание новой концепции истории университета относится к 1955 г., празднованию 200-летнего юбилея и выходу в свет двухтомной «Истории Московского университета». Элементы этой концепции ясно видны, например, в работе М.Т. Белявского «Ломоносов и основание Московского университета» (М., 1955). Задачей историка стало представить в университете «демократическое» начало, берущее истоки от М.В. Ломоносова и его учеников, которое противостоит попыткам дворянства во главе с И.И. Шуваловым бороться с просветительскими задачами университета, ограничивать доступ к обучению. С такой позиции автору было важным доказать тезис о «разночинском» характере университета, его противостоянии дворянской культуре, реакционной и несшей в себе пережитки феодализма. Несмотря на несостоятельность этой концепции, следует отдать должное Белявскому, который ввел в научный оборот множество важных источников о жизни студентов, пытался исследовать (хотя не всегда достаточно точно, как будет показано в книге) первоначальный состав студентов и его последующие изменения. В этом смысле труд Белявского для данной темы представляет большее значение, нежели выпшедшая практически одновременно с ним работа Н.А. Пенчко «Основание Московского университета» (М., 1953), в которой открытие университета больше анализируется с его организационной стороны.

В капитальной «История Московского университета» (М., 1955. Т. 1) главы, посвященные второй половине XVIII – началу XIX в., написаны тем же Белявским. В некоторых параграфах речь идет о московском студенчестве, однако, к сожалению, массовые источники при их написании не использовались, а потому каких-либо серьезных выводов о численности, социальном составе или характере учебы студентов в них не сделано. Изложение ограничивается, как и у С.П. Шевырева, указанием на замечательных питомцев Московского университета с особым вниманием к тем из них, кто обладал «демократическими взглядами». При переходе к событиям первой четверти XIX в. все больше места уделяется проблемам зарождения революционного движения в Московском университете. Соответственно внимание привлекает не регулярная учеба, а, напротив, проявления студенческого протеста (которые, правда, возникают лишь в начале 1830-х гг.).

Новым большим шагом вперед в изучении студенчества Московского университета явилась книга Л.И. Насонкиной «Московский университет после восстания декабристов» (М., 1972). Она посвящена периоду, который непосредственно следует за рассматриваемым в исследовании, а потому с методической стороны очень важна. Автор подняла огромный массив архивных источников, многие из которых впервые вводились в научный оборот. Так же как и в данной работе, основой стало систематическое изучение дел архива Московского университета. Правда, в соответствии с господствовавшей концепцией значительное место в книге уделено росткам революционного движения и студенческим кружкам, но и здесь, опираясь на ранее неизвестные источники, автор сделала много важных открытий, уточнявших и даже переворачивавших устоявшиеся взгляды (например, по поводу кружка Сунгурова). Главное же, что именно в книге Насонкиной в историографию впервые введены систематические данные о численности и социальном составе студенчества, анализируются некоторые проблемы учебного процесса в университете.

Достижения советской историографии были развиты в современный период в исследованиях, вышедших с начала 1990-х гг. до середины первого десятилетия XXI в. За последние годы были переосмыслены многие стереотипы в оценках университетской истории и восстановлены некоторые традиции дореволюционной историографии. Прежде всего возродился интерес к университету с точки зрения истории культуры. Ярким образцом применения культурологического подхода стали выпущенное на историческом факультете МГУ коллективное исследование «Университет для России» (М., 1997), посвященное изучению учебного заведения как части русского культурного пространства XVIII в., и его продолжение под тем же названием (Т. 2: Московский университет в Александровскую эпоху. М., 2001). Главы о студентах в обеих книгах принадлежат Л.Б. Хорошиловой. В этих исследованиях действительно было сказано новое слово в историографии, поскольку впервые студенческая жизнь во всех ее многообразных проявлениях стала самостоятельным объектом исторического изучения. Для описания жизни студентов Хорошилова опирается в основном на мемуар-

ные источники и литературные памятники тех лет, когда они учились. Автором раскрыты связи студентов с обществом, их участие в литературном процессе, театральной жизни Москвы и т.д. Впервые в этих книгах Московский университет предстал не противопоставленным жизни московского дворянского общества по принципу «демократизм» – «реакционность», а, напротив, включенным в нее, являющимся важнейшей частью культурной жизни Москвы.

Серию статей и монографий о медицинском факультете Московского университета от его создания до середины XIX в. посвятили А.М. Сточик и С.Н. Затравкин¹. В этих публикациях заметное место уделено проблемам обучения студентов на медицинском факультете, – в частности, на основании анализа «Объявлений о публичных лекциях» сделано открытие о существовании в последней трети XVIII в. трехгодичных циклов при чтении лекционных курсов.

С 1998 г. начала выходить фундаментальная монография Ф.А. Петрова «Формирование системы университетского образования в России» (второе издание: М., 2002–2003). История студенчества Московского университета затрагивается в первом, втором томах и второй части четвертого тома. Надо отметить, что для периода 1830–1840-х гг. автором на основе университетских отчетов представлены подробные статистические данные о студентах (численность, сословное происхождение, вероисповедание, предварительное образование, распределение по факультетам, успеваемость), и в этом смысле представленный им широкий портрет студенчества непосредственно продолжает те материалы, которые были собраны в книге Л.И. Насонкиной. Однако для второй половины XVIII и первой четверти XIX в. таких обобщений автором в отношении Московского университета не сделано (во втором томе монографии приведены лишь некоторые статистические таблицы, относящиеся к студентам Харьковского университета). Автор основное внимание уделил попыткам выявить научные взгляды, передаваемые студентам в

¹ *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в XVIII в. М., 1996 (второе издание: М., 2000); *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в формах просвещения первой трети XIX в. М., 2001.

учебном процессе, что, представляется, скорее относится к изучению профессоров и научной жизни университета, а также дал характеристики главным из замечательных питомцев первой четверти XIX в. Поэтому многие стороны студенческой жизни и после выхода книг Петрова требуют дальнейшего изучения.

Книги А.Е. Иванова¹ представляют собой первые в отечественной историографии монографические исследования, специально посвященные студенчеству Российской империи XIX – начала XX в. как социально-демографической общности, по своим профессиональным перспективам относящейся к интеллигенции, хотя и не в полной мере ей тождественной. В этих монографиях представлены те аспекты жизни студенчества, которыми в конечном счете определялись его социальная психология (групповое сознание), субкультура, общественно-политическое поведение. Речь идет о мотивации выбора профессии выпускниками разнотипных средних учебных заведений (мужских и женских) в контексте ментальности среды, из которой они вышли; нормативных принципах; социальном и национальном структурировании состава студенчества; его правовом статусе; материально-бытовом положении.

В 2000–2001 гг. вышли две книги А.Ю. Андреева, посвященные Московскому университету². Они являются обобщением его исследований, посвященных университетским реформам, формированию профессорского корпуса университета, вкладу университетских ученых в русскую науку. В качестве специального раздела проблемы изучения студенчества выделены лишь в первой из монографий А.Ю. Андреева. Они решаются там достаточно подробно, с привлечением некоторых важных источников (например, студенческих списков из «Московских ведомостей»), но без претензий на полноту и глубину обобщений, поскольку в книге не представлена связь того достаточного ко-

¹ *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX в.: Социально-историческая судьба. М., 1999; *Он же.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.

² *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000; *Он же.* Лекции по истории Московского университета. М., 2001.

роткого периода времени, который рассматривается (1803–1812), с общим ходом студенческой жизни и тенденциями ее развития в предшествующий и последующий периоды. В данной книге обозначенные А.Ю. Андреевым исследовательские вопросы рассмотрены на гораздо более обширном и полном материале источников за больший период.

Хочется отметить еще одну работу, которая напрямую не относится к историографии Московского университета, – это книга Е.А. Вишленковой «Казанский университет Александровской эпохи» (Казань, 2003). Книга важна в методическом отношении: в ней дальше развиваются те подходы, которые были предложены в труде «Университет для России». Детально обсуждаются и рассматриваются на источниках такие аспекты студенческой жизни, как формирование особого студенческого социума, его соотношение с городским пространством, ритм студенческой жизни и времяпровождение студентов, взаимоотношения студентов внутри университетской корпорации и вне ее и т.д.

Для того чтобы уточнить понятие «разночинцы», которое часто встречается в источниках и литературе, были привлечены работы, где исследуется социальная структура общества. В книге американского историка Элис Виртшафтер¹ освещаются результаты историко-социологического исследования феномена разночинцев в императорской России XVIII–XIX вв. Здесь рассматриваются различные историографические подходы к понятию «разночинцы», анализируются правовая трактовка этой социальной категории и государственная политика по отношению к людям разных чинов, прослеживается происхождение разночинцев, характеризуются общественные воззрения на эту социальную группу. В фундаментальной монографии Б.Н. Миронова², рассматривающего историю имперского периода отечественной истории в междисциплинарном научном контексте, используя элементы «новой социальной истории», показаны динамика социальной структуры российского общества с кон-

¹ Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи. М., 2002.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003.

ца XVII до начала XX в. и роль в этом социальной мобильности. В этом исследовании разночинцы определяются как «субсословие».

В 2009 г. вышла книга А.Ю. Андреева, в которой история отечественных университетов впервые включена в общеевропейский процесс развития их форм, показаны связи российского университетского образования с европейским¹.

Кроме того, из последних изданий следует отметить энциклопедический словарь, посвященный дореволюционному университету, который содержит большое количество биографий (в том числе знаменитых выпускников), а также статей об университетских подразделениях, уставах, а также ученых степенях и званиях².

Таким образом, нынешнее состояние отечественной историографии создает хорошие предпосылки к дальнейшему развитию проблемных исследований о студенчестве Московского университета. Однако для этого прежде всего необходим сбор большого количества первичных источников, который пока еще выполнен специалистами лишь в небольшой мере, а применительно к исследуемому периоду практически не начинался. На разрешение этой задачи и направлена данная работа.

Источники

Комплекс источников по истории студенчества Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в., к сожалению, понес тяжелые утраты. Архив Московского университета практически полностью, за исключением небольших частей, о которых речь пойдет ниже, был уничтожен в пожаре Москвы 1812 г. Тем самым был потерян первичный источниковый материал – документы университетской администрации, дела о студентах – за большую часть рассматриваемого в книге периода. О систематических архивных источниках можно вести речь только с 1813 г., и за этот последний хронологический от-

¹ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

² Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь. М., 2010.

резок (вплоть до 1825 г.) они использованы здесь в значительной мере.

Сохранившиеся источники делятся на несколько основных групп: законодательные документы, регулировавшие статус учащихся Московского университета, делопроизводственные материалы, периодические издания, источники личного характера. На первом месте по значению стоят, безусловно, делопроизводственные источники, они представляют собой огромный массив информации, значительная часть которой представлена в архивных делах.

В Российском государственном архиве древних актов хранится фонд канцелярии Правительствующего сената (ф. 248), в котором среди прочих содержатся дела по Московскому университету, требовавшие решения Сената. В фонде хранится, в частности, реестр решенным делам по университету¹. Из него можно почерпнуть информацию о награждении студентов чинами и выпуске их из университета, о количестве студентов. В рапортах от Императорского Московского университета в Правительствующий сенат в 1775 и 1777 гг. и приложенных к ним ведомостях «Состоящим в Императорском Московском университете профессорам и в обеих гимназиях онаго учителям...»² содержатся сведения о числе студентов, в том числе присутствующих на лекциях на каждом факультете. В фонде-коллекции «Наука, литература и искусство» (ф. 17) РГАДА хранятся «Всепоподданнейшие рапорты» куратора В.Е. Адодурова за 1766–1768 гг. и ведомость Московского университета за 1764 г., в которой помимо численности указана сословная принадлежность студентов (д. 41). В этом же фонде находится «Ведомость о успехах и прилежании каждого ученика Московского университета, как себя они оказали в своих классах, учиненная после большого экзамена» (д. 43), в которой содержатся важные сведения об учебе студентов.

В отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова сохранились 15 томов из архива допетровского университета, спасенные в 1812 г. профессором И.М. Снегиревым и переданные им в университетскую библи-

отеку¹. В составе этих томов рукописные протоколы Конференции университета (его высшего совещательного органа, в который входили профессора под председательством директора) с 1756 по 1770 г. (а также несколько сообщений Конференции в канцелярию за 1786 г.), книги ордеров кураторов Московского университета за те же годы, где, в частности, фиксировалась переписка директоров университета с кураторами. Документы содержат ценные, хотя, к сожалению, неполные сведения о численности, учебе и социальном составе студентов. В 1960-х гг. эти источники были опубликованы в издании «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века» под редакцией Г.А. Новицкого, подготовку документов к печати и их комментирование выполнила Н.А. Пенчко². В 15-м томе мной обнаружен не опубликованный в упомянутом издании документ. После нумерованных листов в этом томе идут незаполненные листы без нумерации. Среди них и затерялся не замеченный публикаторами документ, датированный 3 октября 1795 г. В нем перечислены имена и фамилии без каких-либо комментариев. Нетрудно заметить, что этот список в значительной мере совпадает со списком студентов, принятых в 1795 г., но несколько меньше последнего. Можно предположить, что в документе указаны казеннокоштные студенты, поступившие в этом году.

В ОРК НБ МГУ находится еще один важный источник, частично относящийся к «допетровскому» университету. Это так называемая Книга регистрации студентов и слушателей Императорского Московского университета за 1810–1815 гг.³ В ней содержатся собственноручные записи студентов, в которых они против своей фамилии указывали тех профессоров, лекции которых желали бы прослушать в текущем учебном году. Иногда студенты здесь же указывали и свою сословную принадлежность. Таким образом, данная Книга дополняет материалы по учебе, численности и социальному составу студентов за указанные годы.

¹ ОРК НБ МГУ. 5 Т. 2.

² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1960–1963. Т. 1–3.

³ ОРК НБ МГУ. 5 Т. 335.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Д. 5565.

² Там же. Д. 38.

Архив Московского университета за период с 1813 г. хранится в Центральном историческом архиве г. Москвы в фонде канцелярии Московского университета (ф. 418). Это главный архивный фонд, используемый в данном исследовании. Здесь содержатся журналы заседаний училищного комитета (оп. 74) и советов отделений: словесного, физико-математического, этико-политического и медицинского (оп. 81, 332, 461, 496), а главное – личные дела студентов Московского университета (2-й стол Правления, оп. 109–125). Это дела о принятии в число студентов, их увольнении, отчислении или смерти, переводе на казенное содержание, присвоении студентам кандидатских и докторских степеней, определении их учителями в уездные училища или губернские гимназии, а также о продлении отпусков в связи с болезнью, об удержании жалованья казеннокоштных студентов за неявку в срок из отпуска и т.п. В журналах заседаний содержатся списки студентов соответствующих отделений, иногда с указанием сословной принадлежности учащихся, а также прошения на степень кандидата, в которых человек указывал время своего поступления в университет и свое происхождение.

Многие студенты, поступившие в университет до 1812 г., продолжили обучение после освобождения Москвы от французов, поэтому их дела могут служить источниками и для более ранних лет (обычно 1810–1811 гг.). Также в фонде 418 находятся прошения повторно выдать аттестат, утраченный в 1812 г., бывшим студентам, учившимся в университете в конце XVIII – начале XIX в. (аттестат был необходим для получения чина коллежского асессора). Таким образом, дела архива «послепожарного» университета позволяют восстановить некоторые сведения о нем за «допожарный» период. Например, Петр Иванович Григорьевский обратился в университет в феврале 1813 г. с просьбой «о выдаче нового аттестата взамен утерянного». Как следует из его прошения, в 1792 г. он был записан в дворянскую гимназию при Московском университете своим родителем – коллежским протоколистом Иваном Леонтьевичем, в 1801 г. был произведен студентом, а в 1808 г. уволен «с одобрительным аттестатом». Но по увольнении из университета сразу в государственную службу вступить не смог по причине болезни и занимался тем, что обучал поручаемых ему, как он пишет, «молодых людей, когда

это позволяло ослабление моих припадков». Этими молодыми людьми были крепостные дети, принадлежавшие Василию Александровичу Пашкову¹. Условия занятий на 1811 г. были следующими: Петр обучал детей «числом не более 20» за 50 рублей в месяц, 25 штук сальных свеч, комнату для жилья, дрова и прислугу из одного из поручаемых ему для обучения мальчиков².

В личных делах о принятии в студенты обычно содержится прошение поступающего, прилагаются свидетельство о его происхождении (из губернского депутатского собрания, духовной консистории, мещанского общества), выписка из протокола с решением совета университета о принятии его в число студентов. В прошении поступающий указывал свой возраст, уровень образования, место, где проживал (город, губернию или уезд). Если поступающий являлся выпускником губернской гимназии или семинарии, прилагалось свидетельство из этого учебного заведения. В делах об увольнении присутствует прошение студента об увольнении, свидетельства или аттестаты с указанием прослушанных им лекций, а начиная с 1819 г. и степени (действительный студент, кандидат), с которой выпускник оканчивал университет. Если курс им не был окончен, это оговаривалось особо. Всего среди документов такого рода нами было просмотрено около тысячи дел, никогда прежде не вводившихся в научный оборот; на их основе составлена база данных, послужившая основой для таблиц, приводимых в работе.

Рассмотрим для примера состав дела «Об определении в число студентов Московского университета Гаретовского» от 11 марта 1813 г.³ Первый лист дела – это прошение Герасима Алексеевича Гаретовского, бывшего студента Рязанской семинарии, уволенного по указу Святейшего Синода из духовного ведомства в светское звание «для избрания рода жизни». 31 декабря 1812 г. он получил от рязанского губернского правления паспорт и, как он пишет, «не имея права жить, не будучи причислен к какому-либо званию, обязан явиться в означенный университет» до открытия профессорских лекций. Ему также

¹ Член Государственного совета, знакомый А.С. Пушкина.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 109. Д. 265. Л. 1–5.

³ Там же. Д. 266.

«до востребования учащихся» нужно получить от университета свидетельство для свободного проживания, а также наставление, «какими предметами должно заниматься и какими пособиями руководствоваться». Герасим просит принять его в своекоштные студенты словесного отделения, выдать свидетельство для свободного проживания и получить наставление к подготовительным упражнениям. В аттестате от 29 ноября 1812 г. из Рязанской семинарии указано, что он сын диакона Алексия Мартыновича Гаретовского, уволенный из духовного звания 4 октября того же года¹. В паспорте, приложенном к прошению, причина увольнения из духовного звания объясняется тем, что Герасим неспособен «по причине болезней» к поступлению в духовное звание, почему и уволен в светское².

В ЦИАМ находится и архив канцелярии попечителя Московского учебного округа (ф. 459), где сохранились отдельные документы за 1803–1812 гг. Некоторые сведения о Московском университете этого периода и, в частности, ежегодные отчеты по университету накапливались также в Санкт-Петербурге начиная с создания в 1802 г. Министерства народного просвещения, где они попадали в фонд Департамента народного просвещения (в настоящее время в составе Российского государственного исторического архива: РГИА. Ф. 733. Оп. 95). Отчеты содержат важные данные о численности студентов и количестве произведенных в ученую степень.

Интересны судьбы воспитанников университета после выхода из альма-матер, их карьерное продвижение. Важные сведения о бывших студентах Московского университета указанного периода содержатся в изданных по поручению великого князя Николая Михайловича Московском и Петербургском некрополях, составленных В.И. Саитовым и Б.Л. Модзалевским. Кроме годов жизни в этих справочниках указывается чин, которого достиг человек, что дает возможность понять успешность карьеры бывших студентов. Поскольку многие студенты поступили на государственную службу, то важные сведения об их карьерном росте содержатся в адрес-календарях (месяцесловах) и списках

чинов, состоящих на гражданской службе. Эти официальные ежегодные издания в Российской империи содержали перечни должностных лиц государственных учреждений (центральных и местных) с указанием их чинов, а также времени вступления в службу. Анализ этих изданий дает представление о том, насколько рано студенты определялись на службу (а следовательно, сколько времени длилась их учеба в университете), а также как шла их последующая карьера. Так как некоторые студенты после университета выбрали военную службу, то данные о тех из них, кто служил в офицерских чинах, содержатся в списках Воинского департамента, а также в списках штаб- и обер-офицеров разных лет.

Легче, чем у представителей других сословий, поддаются восстановлению биографические данные у дворян. Значительная часть студентов были дворянами, поэтому ценные биографические данные можно получить в опубликованных справочниках по генеалогии российского дворянства, таких, как «Российская Родословная книга» П.В. Долгорукова, «Русская Родословная книга» А.Б. Лобанова-Ростовского, «История родов русского дворянства» П.Н. Петрова, «Родословный сборник русских дворянских фамилий» Руммеля и Голубцова, «Малороссийский родословник» В.Л. Модзалевского и др.

Важная информация о жизни и деятельности студентов данного периода содержится в архивах. В ЦИАМ хранятся родословные книги дворян Московской губернии, в РГАДА отложились материалы личных фондов общественных и государственных деятелей России и дворянских родов, многие представители которых были студентами второй половины XVIII – первой четверти XIX в. Наиболее точными являются данные формулярных списков¹. Большинство студентов поступало на государственную службу, их послужные списки можно обнаружить в различных федеральных и региональных архивах.

В ЦИАМ в делах Дворянского собрания (ф. 4) сохранились документы о службе бывших студентов (они прилагались к делу

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 109. Д. 265. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

¹ Хотя в них, особенно у дворян, с раннего возраста записанных на военную службу, далеко не всегда указывалось университетское образование, поскольку оно не играло особой роли для продвижения по службе.

для доказательства дворянства): формулярные списки, аттестаты, грамоты на чин. Для дополнительных сведений о студентах, ставших медиками, здесь привлекались документы из фондов московского отделения Медико-хирургической академии (ф. 433) и Медицинской коллегии (ф. 1). В РГАДА отложились материалы личных архивов общественных и государственных деятелей России, а также дворянских родов, многие представители которых были студентами во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. В этом же архиве в фонде Комиссии о сочинении нового Уложения (ф. 342), в которой служили десятки студентов, содержатся формулярные списки, прошения и аттестаты членов комиссии за 1775 г. (д. 137).

В фонде 1349 РГИА (коллекция формулярных списков чинов гражданского ведомства) хранятся документы с информацией о студентах, находившихся в конце XVIII–XIX в. на статской службе. Сведения о студентах, поступивших на военную службу и ставших офицерами, хранятся в коллекции формулярных списков Российского государственного военно-исторического архива (ф. 489).

Некоторые студенты, выбрав дипломатическую карьеру, служили в Коллегии иностранных дел. Их формулярные списки, а также дела о поступлении и увольнении хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в фонде 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел), опись 464 (коллекция формулярных списков).

В поисках информации о карьере бывших студентов мы обратились и к материалам Государственных архивов Владимирской и Рязанской областей. Важно отметить, что формулярные списки и прочие служебные документы позволяют помимо прочего ретроспективно восстановить сведения о сословной принадлежности студентов.

Из опубликованных источников следует указать уставы Московского университета, различные акты, указы, постановления и распоряжения, касающиеся Московского университета. Они изданы главным образом в следующих изданиях: «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения» (СПб., 1864) и «Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения» (СПб., 1866).

Из периодических изданий следует выделить «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», издаваемое в 1803–1819 гг., и особенно газету «Московские ведомости», выходящую с 1756 г., где регулярно освещалась жизнь Московского университета. Приложенные к номерам «Московских ведомостей» ежегодные отчеты о торжественных собраниях в университете, проходивших обычно в июле (после завершения учебного года), являются главным массовым источником о численности и отчасти социальном составе студентов. Начиная с 1759 г. эти отчеты содержали списки юношей, произведенных во время торжественного акта в студенты. В списках перечислялись фамилии всех принятых в студенты, кроме того, упоминались имена учащихся, награжденных медалями за лучшие сочинения, произведенных в ученые степени (кандидата, магистра или доктора). Здесь же приводились и списки отличившихся гимназистов с указанием сословия (дворянин или разночинец), поскольку во второй половине XVIII в. они формально относились к разным гимназиям – дворянской и разночинской. Так как большинство студентов в XVIII в. поступало в университет из гимназии, то и списки гимназистов содержат в себе уникальную информацию о социальном составе будущих студентов. Ранее студенческие списки ни разу не привлекали внимания исследователей как массовый источник, а использовались только для поиска информации о конкретных студентах Московского университета.

К сожалению, отчеты за некоторые годы в «Московских ведомостях» отсутствуют. Так, нет списков студентов за 1762, 1772 (с сентября 1771 по апрель 1772 г. в Москве была чума) и 1806 гг. (за последний год указано только общее количество поступивших – 52 человека). Кроме того, нет фамилий студентов, произведенных летом 1813 г.: прерванные войной занятия в это время еще не возобновились. Отчасти компенсировать эти потери информации можно, опираясь на другие источники. Так, до 1801 г. в отчете указывались не только вновь произведенные в студенты, но и те, кто, уже будучи в звании студента, переводился в университет из ректорского класса университетской гимназии, выполнявшего роль приготовительного курса, необходимого для понимания профессорских лекций. Благодаря этому, сличая фамилии студентов в ректорском классе, переведенных в уни-

верситет в 1763 г., частично можно восстановить список студентов, произведенных в 1762 г. За 1806 г. сохранился годовой отчет Московского университета в РГИА, где поименно названы 30 учеников университетской гимназии, произведенных в студенты¹.

Общее число поступивших в 1813/14 учебном году – 129 человек – указано в «Краткой истории Московского университета», напечатанной в июльском номере «Московских ведомостей» за 1814 г.² «Краткая история», публиковавшаяся в журнале в 1814–1825 гг., представляла собой своего рода отчет о деятельности университета за прошедший учебный год, и в ней обязательно присутствовали сведения о студентах, правда в самой общей форме (число принятых в университет, общее число учащихся). Начиная с 1819 г., после принятия новых «Правил» о производстве в ученые степени, в «Московских ведомостях» перестали печатать списки зачисленных в студенты, заменив их списками окончивших Московский университет с указанием полученной ученой степени (действительного студента, лекаря или кандидата), а также списками произведенных в магистры и доктора. Нами просмотрены «Московские ведомости» с 1759 по 1829 г. (в 1826–1829 гг. заканчивали обучение студенты, поступившие до 1825 г. включительно), в результате в базу данных по студентам была внесена информация о времени поступления, окончания учебы и по возможности о сословной принадлежности.

Важную информацию, позволяющую понять содержание учебной деятельности студентов, можно найти в «Объявлениях о публичных учениях в Императорском Московском университете», которые издавались ежегодно начиная с 1756 г. В них приводились сведения о лекциях, читаемых профессорами в данном учебном году: указывались название курса, время чтения лекции, что помогает воссоздать картину учебной нагрузки студентов, а также самой организации преподавания.

Главным источником, содержащим сведения об участии студентов в литературной жизни XVIII – начала XIX в., служат выпущенные в типографии Московского университета журналы, в издании которых принимали участие студенты в качестве

авторов и переводчиков. Среди таких изданий «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Доброе намерение», «Утренний свет», «Вечерняя заря», «Приятное и полезное препровождение времени», «Весенний цветок» и др. Время выхода большинства из них ограничивалось одним-двумя годами, но встречались и преемственные издания, образующие сквозной ряд на протяжении десятилетия.

К источникам личного характера относятся воспоминания, дневники и переписка людей, учившихся в университете во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. Здесь использованы воспоминания и записки М.И. Антоновского¹, М.И. Багрянского², А.Д. Галахова³, А.И. Георгиевского⁴, М.А. Дмитриева⁵, И.М. Долгорукова⁶, С.П. Жихарева⁷, В.Я. Колокольникова⁸, В.И. Лыкошина⁹, Ф.П. Лубяновского¹⁰, Ф.Л. Ляликова¹¹, Н.Н. Мурзакевича¹², П.С. Полуденского¹³, В.С. Подшивалова¹⁴,

¹ Записки Михаила Ивановича Антоновского // Русский архив. 1885. Кн. 1. Вып. 2.

² Показания доктора Багрянского // Сборник Русского исторического общества. 1868. Т. 2.

³ Галахов А.Д. Записки человека. М., 1999.

⁴ Георгиевский А.И. Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. Т. 161. № 2.

⁵ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.

⁶ Долгоруков И.М., князь. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. СПб., 2004–2005. Т. 1–2; *Он же*. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Ковров, 1997.

⁷ Жихарев С.П. Записки современника. М., 2004.

⁸ Колокольников В.Я. История жизни и дел моих // Сборник Русского исторического общества. 1868. Т. 2.

⁹ Лыкошин В.И. Из «Записок» // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.

¹⁰ Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // Русский архив. 1872. Кн. 1. № 1–6.

¹¹ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания, 1818–1822 // Русский архив. 1875. Кн. 3. № 11. С. 376–387.

¹² Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

¹³ Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете // Москвитянин. 1853. № 24. С. 17–22.

¹⁴ Подшивалов В.С. Автобиография... // Москвитянин. 1842. Ч. 1. С. 178–180.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 181.

² Московские ведомости. 1814. № 56.

В.И. Сафоновича¹, Д.Н. Свербеева², И.М. Снегирева³, И.Ф. Тимковского⁴, Е.Ф. Тимковского⁵, М.П. Третьякова⁶, М.П. Погодина⁷ и Д.И. Фонвизина⁸.

«Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни» И.М. Долгорукова (1764–1823), писателя, поэта, крупного чиновника, является одним из немногих дошедших до нас воспоминаний студентов Московского университета второй половины XVIII в. Представленные в форме записей по годам, семейной истории одной из ветвей рода князей Долгоруковых, эти мемуары содержат в себе сведения о поступлении в университет, содержании профессорских лекций, формах обучения студентов, окончании учебы. Специфика источника в том, что это воспоминания не простого студента, а представителя аристократической фамилии. Долгоруков сам подчеркивает особенное отношение к нему в университете, покровительство администрации и доброжелательность профессоров. «Директор Университета г. Приклонский, – писал Иван Михайлович, – оказывал мне полное покровительство, куратор, престарелый и добрый Мелиссино, являл мне часто знаки своего благоволения, господа профессора принимали во мне участие непритворное, студенты, товарищи мои, были ко мне ласковы, оставалось самому не быть лениву и пользоваться временем. О! Сколь много обязан я был трудам каждого из них... а наипаче родительским стараниям! Мог ли бы я вступить в такое поприще без значительных изде-

¹ Сафонович В.И. Воспоминания // Русский архив. 1903. № 1.

² Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

³ Воспоминания И.М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 4.

⁴ Тимковский И.Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову // Москвитянин. 1851. Ч. 3; Записки Ильи Федоровича Тимковского // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 6.

⁵ Тимковский Е.Ф. Воспоминания // Киевская старина. 1894. № 3; Он же. Московский ун-т в 1805–1810 гг.: Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989.

⁶ Третьяков М.П. Императорский Московский Университет в 1799–1830 гг. // Русская старина. 1892. № 7–10.

⁷ Погодин М.П. Школьные воспоминания. 1814–1820 гг. // Вестник Европы. 1868. № 8. С. 605–630.

⁸ Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Соч.: В 2 т. М., 1956. Т. 2.

ржек их? ...Всеми способствовало покровительство Шувалова, внимание к родителям моим, дары их учителям, услуги и ходатайства неотступные!»¹

В «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» Д.И. Фонвизина содержится упоминание о его производстве в студенты, что особенно ценно, поскольку такой информации в «Московских ведомостях» нет. Дело в том, что Денис Иванович был принят в студенты в 1762 г., а как раз за этот год приложение к «Московским ведомостям» со списком принятых в студенты отсутствует. В «Сборнике Русского исторического общества» были опубликованы показания по делу Н.И. Новикова и московских мартинистов 1792 г., в том числе «История жизни и дел моих» В.Я. Колокольников и «Показания...» М.И. Багрянского. Василий Яковлевич Колокольников, будучи студентом, воспитывался за счет Дружеского ученого общества, вступил в масоны и в 1788 г. был отправлен вместе с Максимом Невзоровым за границу – учиться химии, медицине и вообще естественным наукам. Получив степень доктора медицины в Лейденском университете, Колокольников и Невзоров возвратились в 1792 г. на родину, но были арестованы в Риге как возможные «агенты» мартинистов, связанные с общеевропейским революционным заговором, и заключены в Петропавловскую крепость. Невзоров находился в состоянии психического расстройства, которое началось у него за границей под воздействием революционных событий, и был признан сумасшедшим. Обоих студентов отправили на принудительное лечение в Обуховскую больницу, где Колокольников заболел и вскоре умер. Доктор М.И. Багрянский жил в это время в имении Новикова и добровольно отправился с ним в заключение в Шлиссельбургскую крепость, оказывая ему медицинскую помощь. В своих воспоминаниях Колокольников и Багрянский подробно описали свое происхождение, поступление в Московский университет и учебу, уделяя внимание трудностям, с которыми приходилось сталкиваться небогатым студентам незнатного происхождения. К концу XVIII в. также относятся автобиография В.С. Подшивалова, воспоминания М.И. Антоновского (1780–1783), И.Ф. Тимковского и П.С. Полуденского.

¹ Долгоруков И.М. Указ. соч. С. 38.

«Записки современника» С.П. Жихарева состоят из «Дневника студента» и «Дневника чиновника». Правда, «Дневник студента» в действительности представляет собой не дневник, а литературно обработанную композицию, составленную, видимо, на основе настоящего дневника 1805–1806 гг. и писем того же периода. Местонахождение подлинного дневника неизвестно до сих пор. В своих записках Жихарев описывает культурно-бытовую атмосферу того времени, приводя множество фактов из жизни московского барства. Глазами молодого дворянина-студента показана картина жизни Москвы начала XIX в. «Это благоразумное большинство той эпохи оставило нам наивный и по наивности своей драгоценный памятник в “Дневнике студента”». Если читатели не знакомы с этой замечательной по своей безыскусственности книгой, советую им прочесть ее. Дух отцов наших, вызвавший пламенное бичевание Грибоедова, дышит в ней» – так оценил эту книгу Аполлон Григорьев¹.

Студенческие письма В.Г. Белинского за 1829–1832 гг. родителям² выходят за временные рамки, указанные на обложке данной книги. Впрочем, эти интереснейшие письма прекрасно иллюстрируют университетскую атмосферу (бытовые условия жизни студентов, учебный процесс и пр.) 20-х гг. XIX в., для которой граница александровского и николаевского царствования стала не столь значимым рубежом, как университетский устав 1835 г.

Истории Московского университета с начала царствования Александра I до 1812 г. касаются воспоминания В.И. Лыкошина, И.М. Снегирева, Е.Ф. Тимковского. Также ко времени александровского царствования, но уже к «послепожарному» периоду относятся мемуары А.Д. Галахова, М.И. Дмитриева, Н.Н. Мурзакевича, Ф.Л. Ляликова. В них даются подробности студенческой жизни, характеристики профессоров, описание учебного процесса, бытовых условий проживания студентов, их отдыха, развлечений.

¹ Григорьев А.А. Воспоминания. М., 1988. С. 29.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 11: Письма. 1829–1840.

Дневники и письма Н.И. Тургенева за 1806–1811 гг. были опубликованы в 1911 г.¹ Дневник охватывает московский период жизни Николая Ивановича, когда он был студентом Благородного пансиона Московского университета (1806–1808), а в письмах из Геттингена (1808–1811) встречаются воспоминания о времени его учебы в Московском университете.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся несколько источников личного характера. Это автобиография князя Д.И. Долгорукова, сына уже упоминавшегося И.М. Долгорукова². Из неопубликованных мемуаров следует назвать воспоминания М.П. Погодина³. Там же хранится его дневник за 1820–1825 гг.⁴

«Мое прошедшее, или Воспоминания одного простого смертного» – так называются неопубликованные записки Г.А. Попова, бывшего студентом Московского университета в 1820-х гг.⁵ Двое бывших студентов Московского университета, оставивших свои записки, ступили на стезю монастырского подвига. Это Семен Хрущов и Арсений (Тропольский)⁶.

Известный университетский мемуарист Михаил Прохорович Третьяков не был студентом, но учился в университетской гимназии, а с 1799 г. служил в университетской канцелярии, начав простым писцом и дослужившись до старшего письмоводителя канцелярии попечителя Московского учебного округа. Благодаря своей должности Третьяков хорошо знал все преобразования, происходившие в Московском университете, а также был близко знаком с бытом студентов, что и описал в воспоминаниях за 1799–1830 гг.

Таким образом, в настоящем исследовании впервые вводится в научный оборот целый ряд архивных и массовых ис-

¹ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 1.

² ОР РГБ. Ф. 203. К. 202. Ед. хр. 17.

³ Погодин М.П. Воспоминания о моей учебной и литературной жизни (1808–1814). ОР РГБ. Ф. 231/1. К. № 40. Ед. хр. 3.

⁴ ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 30. № 1; К. 31. № 1.

⁵ ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. 10808.

⁶ ОР РГБ. Ф. 214. Опт. 406. Семен Хрущов, послушник. Путевые записки утлой ладьи по бурному житейскому морю; Арсений (Тропольский), иеромонах. Записки опытов жизни. Мысли о молитве, воспоминания. ОР РГБ. Ф. 214. Опт. 411.

точников по истории студентов Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в. Статистический анализ этих источников дополняется нарративным. Такие страницы жизни студентов, как быт и литературная деятельность, не могут быть освещены без обращения к мемуарам и другим источникам личного характера, поэтому такого рода документы также широко здесь используются и дальнейший рассказ основан на максимально широкой мемуарной базе о Московском университете.

ГЛАВА 1.

Численность и социальный состав студентов московского университета

Невозможно составить себе представление о студентах Московского университета рассматриваемого периода без сведений об их численности и социальном составе. Тем удивительнее, что до сих пор в историографии этот вопрос не получил должного освещения и никакие развернутые данные, способные его разрешить, не привлекались. Все ограничивалось общими фразами о «разночинском характере» Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в., с тем чтобы подчеркнуть его «демократическое» направление. Данная глава ставит задачей проверить эти утверждения, основываясь на массовых источниках – студенческих списках, прежде никогда в полной мере не вводившихся в научный оборот. Для этого вначале будет исследован вопрос, насколько изменялась численность студенчества на протяжении всего изучаемого периода, а затем будут выявлены социальные группы, вносившие основной вклад в формирование студенчества Московского университета в ту или иную эпоху.

Динамика численности студентов

Изучение того, как изменялось количество студентов Московского университета во второй половине XVIII – первой четверти XIX в., значительно осложнено утратой университетского архива в пожаре 1812 г. Можно было бы объявить эту задачу вовсе не разрешимой и довольствоваться отдельными цифрами, которые встречаются в литературе и взяты из различных отрывочных источников. Однако существует, и при том до сих мало использовался, массовый источник, который во многом помогает справиться с такой проблемой.

Прежде чем к нему обратиться, нужно пояснить, что в историографии университетской истории существуют два различ-

ных подхода к определению численности студентов, учившихся в университете¹. В идеале, конечно, хотелось бы знать, сколько именно студентов училось в университете в конкретном году, но как раз такие данные представлены в источниках реже всего. Как отмечает А.Ю. Андреев, в немецких университетах они как регулярный источник появляются лишь со второй четверти XIX в. Что касается Московского университета, то такие данные встречаются в отчетах по университету, представляемых высшим властям: они фигурируют в рапортах куратора В.Е. Адодурова, которые тот по требованию Екатерины II составлял в 1764–1768 гг., а также появляются в отчетах для Министерства народного просвещения с 1804 г.

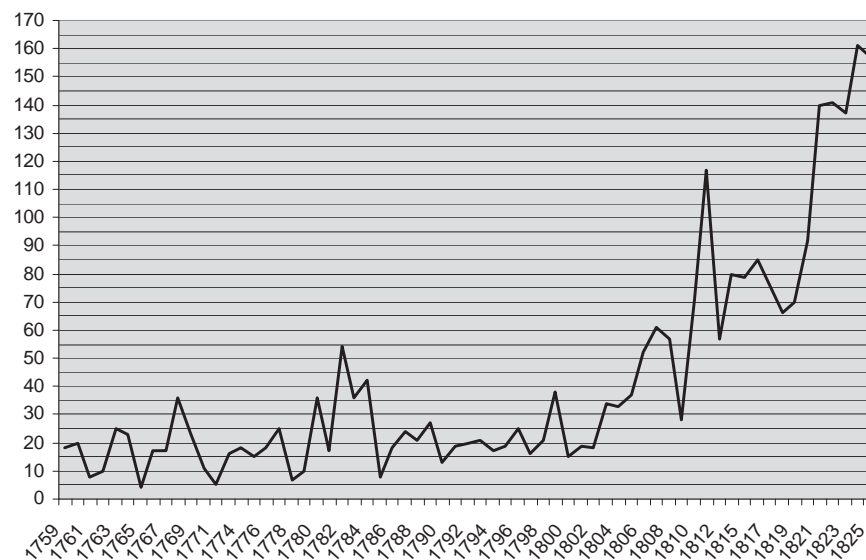
Поэтому для оценки численности студентов в XVIII – начале XIX в. чаще используются другие данные – количество студентов, *поступивших в университет* в конкретном году. Такие сведения содержатся в университетских матрикулах, куда заносили свои имена поступающие студенты. Для Московского университета роль матрикул выполняют списки произведенных в студенты, ежегодно публиковавшиеся в «Московских ведомостях». По ним мы можем судить, сколько человек зачислено в студенты на летнем торжественном акте в университете, что, как правило, совпадало с общим количеством студентов, записанных в течение года. Во-первых, большинство юношей производились в студенты по результатам экзамена накануне торжественного акта (см. главу 2, пункт «название»), а во-вторых, даже если они поступали в другое время, все атрибуты нового статуса, в частности студенческую шпату, они все равно получали только на университетском акте, в торжественной обстановке.

Ниже приведена итоговая диаграмма, которая является основным результатом наших разысканий о численности студентов Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в. За 1759–1818 гг. она построена исключительно по материалам студенческих списков, публиковавшихся в «Московских ведомостях». Особенности этого источника подробно

¹ См.: Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – начала XIX в.: опыт социального анализа // Социальная история: Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 283.

характеризованы в обзоре источников. За 1819–1825 гг., когда в «Московских ведомостях» уже не печатали списки произведенных в студенты, в диаграмму внесены числа, почерпнутые из «Краткой истории Московского университета» за соответствующий год.

Диаграмма 1. Динамика численности студентов, поступивших в Московский университет в 1759–1825 гг.

Следуя графику, можно выделить несколько эпох в динамике численности студентов Московского университета. В начальный период, длившийся вплоть до конца 1770-х гг., максимальное число принятых в студенты не превышало 36 человек, а среднее значение составило 15 поступающих за год. Это, конечно, очень небольшое количество, но нельзя забывать, что речь идет о периоде становления университета. А.Ю. Андреев в цитированной выше статье сравнивает по количеству студентов Московский университет с немецкими университетами того времени (по такому показателю он сопоставим лишь с самыми маленькими из них). Но можно сравнить эти данные с российскими учебными заведениями, например с Санкт-Петербургской

академией наук, в которой в середине XVIII в. насчитывалось ежегодно всего около 16–20 студентов, из них за год поступали не более 8 человек¹. В этом смысле нужно говорить о Московском университете (в отличие от так называемого Академического) как о состоявшемся и имеющем пусть и небольшой, но регулярный приток студентов.

С 1780 г. в динамике численности студентов Московского университета ощущаются результаты воздействия начавшегося в 1779 г. «новиковского десятилетия» (так этот период именуется в историографии, поскольку в 1779–1789 гг. Н.И. Новиков арендовал типографию Московского университета). Но точнее было бы говорить о пятилетии, поскольку в 1785 г. руководимое кругом Новикова и М.М. Хераскова Дружеское ученое общество закрывается и начинаются гонения на «московских мартинистов». Это подтверждает и наша диаграмма. В 1780–1784 гг. количество поступающих в студенты резко возросло и колебалось от 17 до 54 человек при среднем числе 37 человек. Значительное число студентов в эти годы были приняты на содержание Дружеского ученого общества. Так, в 1782 г. 20 человек из 54 произведенных в студенты состояли на иждивении общества (из них из Славяно-греко-латинской академии и других духовных учебных заведений (семинарий) – 14), а в 1783 г. – 10 из 36². В 1784 г. на содержании общества нет уже ни одного из произведенных в студенты. Правда, в гимназии еще в 1785 г. обучались студенты, состоящие на его иждивении³. Они были произведены в студенты в 1782–1783 гг., но продолжали учиться в высших (синтаксических) французских и немецких классах.

С 1785 г. в динамике поступления студентов обозначился спад. Московский университет как центр масонского кружка вызывал беспокойство и недоверие правительства Екатерины II, заинтересованность которого в развитии просветительских начинаний упала, общественные начинания Новикова были подавлены. Сам же университет еще не достиг такого уровня, когда мог бы самостоятельно обеспечивать себе широкий приток

¹ См.: *Марголис Ю.Д.* Академический университет // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. М., 1994. Т. 1. С. 40.

² Московские ведомости. 1782. № 97; 1783. № 55.

³ Там же. 1785. № 58.

студентов. Поэтому с середины 1780-х гг. и вплоть до начала новых университетских реформ (1803) динамика численности вернулась в целом к показателям первых десятилетий, в среднем составляя около 20 поступающих в студенты за год. Исключением явился лишь 1799 г., когда студентами стали сразу 38 человек. Очевидно, это связано с указом Павла I 1798 г., которым был запрещен выезд молодых людей за границу для учебы: «...по причине возникших в иностранных училищах зловредных правил отправление туда молодых людей соизволил воспретить, но, чтоб не ограничить этим способов к образованию, позволено было рыцарству курляндскому, эстляндскому и лифляндскому избрать приличнейшее для учреждения университета место и устроить оный»¹.

Кроме того, еще несколько сюжетов, связанных с Московским университетом, дало павловское увольнение младенцев из гвардейских полков. Вот любопытный отрывок из семейной хроники: «В 1797 г. Аф. Дем. думал, по старинному дворянскому обычаю, записать своего сына Василия в гвардию с тем, чтобы он выслуживал чины и жил дома, но получил уведомление, что теперь пошли новые порядки и приобретать чины таким образом нельзя. Думали послать Василия Афанасьевича в Московский университет, хлопотали через Д.П. Трощинского, но и это не удалось. Пришлось избрать гражданскую службу в малороссийском почтамте»². Так, отец Н.В. Гоголя мог попасть, но не попал в университет. В «воспоминаниях неизвестного» мы читаем, как юного дворянина, записанного с рождения в Измайловский полк подпрапорщиком, вместе с другими в начале царствования Павла I «потребовали на службу». «И хотя мне было 12 лет; но батюшка повез меня в ПБург. Я считал себя уже готовым поступить в службу; но когда ввели ея в настоящем и весьма строгом виде, то оказалось, что мне не под силу было таскать алебарду в пять аршин и быть в параде от 8 до 10 часов на морозе в 25 градусов, как требовалось в Крещенский парад и потом при погребении Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны. Я ходил,

¹ Полное собрание законов. Т. XXV. № 18474 (далее – ПСЗ).

² *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1902. Кн. 16. Вып. 1/3. С. 29–30.

однако, на первый парад в беличьей шубке и порядочно озяб, несмотря на желание поступить в полк. Меня за неявку исключили из службы»¹. В конце концов «неизвестный» с родителями вернулся в Москву, где его отдали в университетский пансион².

Новый период открыл 1803 г., когда одним из результатов университетских реформ стало привлечение общественного внимания к Московскому университету и соответствующее увеличение числа студентов. Количество поступающих с этого момента меняется в несколько раз по сравнению с XVIII в., причем неуклонно растет: в 1803–1809 гг. составляет от 28 до 61 человека, в 1810–1820 гг. – от 70 до 117 человек, в 1821–1825 гг. – от 137 до 161 человека. Можно заметить, что среднее число поступавших в 1810-х гг. удвоилось по сравнению с 1803–1809 гг., а в 1821–1825 гг. еще раз удвоилось, т.е. увеличение количества студенчества шло с ускорением и опережающими темпами. Все это свидетельствует о качественном изменении общественного статуса Московского университета после принятия Устава 1804 г. и о новой роли студентов в обществе, когда обучение в университете стало рассматриваться как необходимое для дальнейшего вхождения в жизнь, успешного начала службы. С этим же изменением статуса связан и четко заметный в данных рубеж между 1809 и 1810 гг., связанный с принятым 6 августа 1809 г. указом об экзаменах на чин. Этот указ устанавливал прямую связь между образованием и производством в чин, требуя от всех желающих получить чины 8-го и 5-го класса предъявить аттестат, полученный от университета и свидетельствующий о сдаче экзаменов по установленной указом программе³. После принятия указа количество желающих стать студентами резко выросло (в Московском университете это особенно заметно по 1810 и 1811 гг., см. диаграмму 1). Как писал позже В.Г. Белинский об этом времени, «студент, с именем которого прежде соединялось понятие о чем-то антиобщественном и беспорядочном, получил среди общества самое настоящее место и значение, всеми признавае-

¹ Начало воспоминаний неизвестного лица, писанных в 1859 году // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1901. Ч. 8. С. 170.

² См. там же. С. 171.

³ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. С. 511–512.

мое и уважаемое; а университет сделался воспитателем молодых людей всех классов и сословий»¹.

Сколько же студентов *одновременно учились* в Московском университете в разные годы рассматриваемого периода? Как уже говорилось, источники не дают полного ответа на этот вопрос, нельзя его вывести и из данных о ежегодном количестве поступавших в студенты, поскольку мы не знаем, сколько человек выбывало из университета за тот же год. Поэтому необходимо более детально рассмотреть дополнительные сведения о студентах для каждого из намеченных выше хронологических отрезков.

Сколько было студентов при основании Московского университета? Согласно первоначальному штату, приложенному к проекту, который И.И. Шувалов представил в Сенат в июле 1754 г., предполагалось иметь 20 студентов на казенном содержании. Сенат увеличил общий бюджет Московского университета, и тогда число казеннокоштных студентов во второй редакции штата составило 30 человек². Все эти места были заполнены достаточно быстро, в мае – августе 1755 г., за счет перевода в университет студентов из духовных учебных заведений³. До 1759 г. в Московском университете можно было встретить лишь казеннокоштных воспитанников, что весьма напоминало практику обучения при Санкт-Петербургской академии наук, где в 1750-х – первой половине 1760-х гг. студентами так называемого Академического университета также были только казеннокоштные воспитанники (и в этом смысле можно сказать, что звание студента являлось тогда скорее «должностью», в которую производили с соответствующим жалованьем, нежели членством в корпорации с определенными правами, как в западном университете).

В 1759 г. – первом году, когда на торжественном акте в Московском университете произошло производство в студенты учеников университетской гимназии, – в Москве появились и

¹ Белинский В.Г. Литературная хроника // Московский наблюдатель. 1838. Ч. 17. № 5.

² См.: Пенчко Н.И. Основание Московского университета. М., 1953. С. 224–225.

³ См.: Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. С. 167.

первые своекоштные студенты (чего никогда не случалось в Академии наук): четверо дворян (Василий и Григорий Каховские, Яков Булгаков, Иван Мухин) и пятеро разночинцев (Иван Неронович, Александр Репьев, Петр Бражников, Семен Башилов, Степан Васильев)¹. С их учетом общее число студентов в этом году уже приблизилось к 40. Известно также, что в 1758–1759 гг. семеро студентов Московского университета были посланы в Кенигсберг, где поступили в тамошний университет; еще один студент (Матвей Елисеев) уволился из Московского университета в октябре 1757 г.²

Впрочем, возникла и регулярная практика, позволявшая увеличивать количество казеннокоштных студентов: их принимали в университет, оставляя на «ученическом содержании» (т.е. на жалованье казеннокоштного ученика); с другой стороны, некоторые из старших студентов начинали сами преподавать в гимназии (не прекращая слушания лекций) и получали поэтому жалованье учителя. В 1760 г. известно 10 таких студентов, которые «в классах учат и ежедневно посещают профессорские лекции», всего же в этом году в университете состояло 54 студента, из них «26 студентов на казенном содержании, да еще 5 студентов на казенном содержании, но без жалования, и 23 студента на своем коште»³.

Как видно, число своекоштных студентов уступало казеннокоштным, и дальнейшее наблюдение показывает, что такое соотношение сохранялось в течение всей второй половины XVIII в. Первые своекоштные студенты известны с 1759 г., однако их число невелико и никогда не превышало казеннокоштных. Так, по данным всеподданнейших рапортов «О успехах, понятии, прилежности и поступках обучающихся в университете учеников и студентов...»⁴ за 1766–1768 гг., из студентов, которые в 1766 г. слушали лекции, на жалованье насчитывалось 25 человек, на казенном ученическом содержании 2, еще 2 были гимназическими информаторами (учителями), а своекоштных студентов было только 6, т.е. всего в университете училось 35 человек. Кроме того, в гимназии в ректорском классе остались 17 студентов, а

¹ См.: Московские ведомости. 1759. № 34.

² См.: Документы и материалы... Т. 1. С. 94.

³ РГАДА. Ф. 199. Порт. 150. Ч. 6. № 18.

⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41. Л. 60–132 об.

по экзамену оттуда было переведено в университет также 17 студентов, поэтому общее количество носивших *звание студента* составило в этом году 69 человек.

В 1767 г. из слушавших лекции на жалованье состояли 28 студентов, на казенном ученическом содержании – 4, своекоштных – 8, еще 2 гимназических информатора, а всего 42 человека. В этом году в высшем классе гимназии было оставлено 7 человек из «прошлогодных студентов» (т.е. они не были допущены к слушанию лекций и остались «на второй год» в гимназии), а 17 человек были «ныне вновь произведены» в ректорский класс. Оттуда же в университет перешли 24 студента. Всего же звание студента в этом году носили 74 человека.

В 1768 г. лекции слушали 29 студентов, намного меньше, чем в прошлом году, в связи с изъятием 20 старших студентов, слушавших лекции на третьем году обучения, для работы писцами и канцеляристами в открывшейся в 1767 г. в Москве Уложенной комиссии¹. Из этих 29 студентов на жалованье состояли 24, всего 2 были своекоштными и 3 – гимназическими информаторами. Кроме того, были произведены в студенты, поступив в высший ректорский класс, 29 студентов, а 15 студентов оттуда были переведены в университет², что дает общее количество студентов в этом году – 73 человека.

В рапорте Императорского Московского университета в Правительствующий сенат от 12 декабря 1775 г. содержатся сведения: «Ныне состоит, благородных и разночинцев, студентов на казенном содержании тридцать, своекоштных тринадцать»³. Таким образом, всего в этом году в университете насчитывалось 43 студента, среди которых своекоштных опять-таки заметно меньше, чем казеннокоштных. В 1787 г. в университете обучались 82 студента (из них 64 казеннокоштных и 18 своекоштных), и в таком сравнительно большом числе еще чувствуется отклик деятельности Дружеского ученого общества во главе с Н.И. Новиковым и И.Г. Шварцем⁴.

¹ См.: Документы и материалы... Т. 3. С. 86.

² См.: Московские ведомости. 1768. № 56.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Д. 5565. Л. 417.

⁴ См.: Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 31.

Последние из отрывочных сведений о числе студентов Московского университета дошли до нас в виде отдельных семидневных рапортов, подписанных директором университета И.П. Тургеневым и относящихся к началу XIX в. Согласно данным документам, 18 февраля 1800 г. в университете насчитывалось 68 студентов (из них 48 на казенном содержании), а в сентябре 1802 г. – 48 казеннокоштных и 13 своекоштных, а всего 61 студент¹.

С 1804 г. в Министерство народного просвещения от Московского университета регулярно начали поступать ежегодные отчеты с указанием численности студентов на конец года². Из них видно, что перед Отечественной войной 1812 г. столь же быстро, как и количество поступающих, выросло и общее число студентов: если в 1804 г. оно еще находилось на уровне XVIII в., составляя 56 человек, то уже в 1808–1811 гг. колебалось около 200–220 человек. Произошел и еще один заметный перелом – после 1804 г., и на весь оставшийся период количество своекоштных студентов превысило число казеннокоштных (которых по штату устава 1804 г. полагалось лишь 40 человек). Таким образом, университет в полной мере стал собранием «приходящих студентов», в нем наблюдались новые явления, изменившие прежнюю жизнь «бурсы» (см. главу 3, пункт « »).

10 ноября 1811 г. был издан важный указ, непосредственно затронувший динамику численности студентов: была введена новая категория учащихся в университете под названием «вольные слушатели». Целью указа было ограничить выходцам из податных сословий доступ в студенты и тем самым затруднить получение ими чина 14-го класса, права носить шпагу и личного дворянства. Отныне они исключались из оклада и получали права на вступление в службу не ранее чем окончат полный курс учебы, а до тех пор именовались «слушатели»³. Однако на деле в категорию слушателей записывались как раз дворяне, желавшие

¹ ОПИ ГИМ. Ед. хр. 8. Л. 1; РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Ед. хр. 177. Л. 26.

² Эти данные за 1804–1811 гг. опубликованы: *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000. С. 287.

³ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. С. 715.

посещать лекции по своему выбору и ускоренно подготовиться к сдаче экзамена на чин. Разрешение на посещение лекций в качестве слушателя выдавал ректор, и оно в 1810-х гг. не требовало никакого экзамена. Поэтому число слушателей было велико и их количество необходимо добавлять к числу студентов, чтобы узнать точные цифры учившихся в университете. Судя по «Книге регистрации студентов и слушателей Московского университета за 1810–1815 гг.»¹, ректор без экзамена допускал к слушанию лекций и до выхода официального указа о введении категории «вольные слушатели» (например, уже в 1810 г. среди них мы встречаем А.С. Грибоедова). В 1811/12 учебном году в эту книгу занесены фамилии 90 вольных слушателей, и тем самым общее число учащихся в этом году достигло 310 человек. Итак, начиная с 1811/12 учебного года при определении численности учившихся в Московском университете надо учитывать и вольных слушателей, и это усложняет дело, поскольку единых данных за 1810-е гг. нет. В «Краткой истории Московского университета» за 1813/14 и 1814/15 учебные годы количество вольных слушателей вообще не указывалось, хотя, судя по мемуарам Д.Н. Свербева, известно, что их там было значительное число.

Представить себе восстановление студенческого корпуса Московского университета после Отечественной войны 1812 г. позволяют сведения из «Московских ведомостей». 3 мая 1813 г. было издано предписание министра народного просвещения о возвращении из Нижнего Новгорода в Москву всех профессоров, учащихся и университетского имущества, а 12 июля обозы с имуществом уже вернулись. С ними прибыли некоторые учащиеся и семьи профессоров Московского университета. 17 августа было возобновлено чтение лекций. Всего в 1813/14 учебном году, «не взирая на причиненные повсюду расстройства», было принято 129 студентов, причем на акте 1814 г. произведены в студенты 80 человек², следовательно, можно счесть, что 49 студентов продолжали учебу с довоенного времени. В отчете о 1814/15 учебном году в «Московских ведомостях» сказано буквально следующее: «Мы имели в нынешнем году 160 учащихся,

¹ ОРК НБ МГУ. 5 Т. 335.

² См.: Московские ведомости. 1814. № 56.

которые получили звание студентов, кроме множества вольных слушателей»¹. С.П. Шевырев решил, что это означает, что всего в 1814/15 г. было принято 160 студентов². Но если обратиться к пофамильным спискам, напечатанным здесь же, то станет ясно, что в этом году было произведено в студенты лишь 79 человек. Таким образом, здесь указано общее число студентов, учившихся в Московском университете к лету 1815 г., но опять-таки без вольных слушателей.

Лишь с 1820 г. «Краткая история Московского университета» начала публиковать количество вольных слушателей, принимавшихся в университет после сдачи обязательного экзамена (такого же, как и у остальных студентов; подробнее см. в главе 2, пункт «Зачисление в студенты. Вступительный экзамен»). Это означало, что теперь наконец категория слушателей стала отвечать своему предназначению и в нее записывались именно выходцы из податных сословий, не имевшие прав на звание студента. Их ежегодное количество было невелико и колебалось в 1820–1825 гг. от 11 до 32 человек, в среднем составляя 22 человека в год. При этом в те же годы общее количество учащихся в университете (куда «Краткая история» включала и слушателей), как мы уже видели, росло стремительно и составило в 1821 г. 494 человека, 1822 – 605, 1823 – 695, 1824 – 768 и 1825 – 800.

Итак, начав со скромной цифры 30 студентов и около 15 поступающих в год, Московский университет к концу первой четверти XIX в. насчитывал уже до 800 учащихся (студентов и слушателей) и свыше 150 поступающих, что вывело его в ряд крупнейших университетов Европы.

Сословная принадлежность студентов второй половины XVIII – начала XIX в.

Сравнительно небольшая численность студентов Московского университета во второй половине XVIII в. объяснялась прежде всего недостаточным притоком из ведущего российского

¹ См.: Московские ведомости. 1815. № 55.

² См.: Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 459.

служилого сословия – дворянства. В глазах дворян того времени обучение в университете само по себе не являлось ценностью, постижение университетских наук считалось роскошью, ненужной для дальнейшей службы, да и «самое слово студент звучало чем-то не дворянским»¹. Отношение определенной части дворянства к университету и просвещению показывает пример из записок Г.Р. Державина. Он рассказывает, как осенью 1762 г., будучи тогда рядовым Преображенского полка, никак «не мог... удовлетворить склонности своей к наукам» и решился идти к И.И. Шувалову «просить, чтоб он его взял с собою в чужие края, дабы чему-нибудь там научиться». Но этому желанию помешала тетка Державина по линии его двоюродной матери, Фекла Саввишна Блудова. По словам Гаврилы Романовича, так как она была «по природе умной и благочестивой, но по тогдашнему веку непросвещенной, считающей появившихся тогда в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют и тому подобные бредни, а Шувалова признавали за их главного начальника, то она ему, как племяннику своему, порученному от матери, и дала страшную нагонку, запрета накрепко ходить к Шувалову, под угрозой написать к матери, буде ее не послушает. А как воспитан он был в страхе Божиим и родительском, то и было сие для него жестоким поражением, и он уже более не являлся к своему покровителю; но отправлял, как выше явствует, наряду с прочими солдатами, все возложенные низкие должности»². Замечу, что и московское, и провинциальное дворянство, и не только в первые годы существования университета, относилось к новому учебному заведению настороженно. М.Л. Назимов, сын мелкого нижегородского чиновника, смог поступить в университет в 1824 г. только после смерти отца, который всячески этому противился³.

Дворяне охотно учились в гимназии, но вместо продолжения учебы в университете предпочитали поступать сразу на

¹ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1868. С. 18.

² Державин Г.Р. Записки. М., 2000. С. 22–23.

³ В провинции и Москве с 1812 по 1826 год. Из воспоминаний старожила М.Л. Назимова.

действительную службу. Разночинцы также не могли образовать постоянный и полноводный поток студентов: они, как правило, не имели средств для обучения в университете за свой счет (а сам университет не мог позволить себе увеличить численность студентов на казенном содержании). Чаще разночинцы поступали в духовные учебные заведения.

Как упоминалось выше, первые студенты были взяты из духовных академий и семинарий и являлись детьми священно- или церковнослужителей. Только в 1759 г.¹ первые дворяне были произведены в студенты из гимназистов. Но и среди гимназистов, поступавших в университет, преобладали разночинцы – это были в основном дети духовенства, мелких чиновников и солдат. Например, из 18 человек, произведенных в студенты в 1759 г., 13 были разночинцами и только 5 дворянами. В 1760 г. – 10 дворян и 10 разночинцев, в 1761 г. – 2 дворянина и 6 разночинцев. На основе напечатанных в «Московских ведомостях» списков гимназистов можно заключить, что в 1766 г. из 17 поступивших насчитывалось 8 дворян и 9 разночинцев, в 1767 г. из такого же общего количества дворянами оказались 7. Среди 36 человек, принятых в 1768 г., было 14 дворян и 16 разночинцев, о 6 нет сведений (один из них, возможно, был из московских купцов). Как исключение, в 1771 г. из пяти поступивших четверо (!) были дворянами.

Однако с начала XIX в. формируется устойчивая тенденция, согласно которой дворяне составляли не менее половины от поступавших, и особенно это стало заметно после проведения университетских реформ. Так, в 1800 г. из 15 поступивших было 10 дворян и только 5 разночинцев. В 1810 г. студентами стали 36 дворян на 71 поступившего, в 1811 г. – не менее 61 дворянина из 117. Итак, минимальная доля дворян среди произведенных в студенты начиная с 1759 г. составляла около четверти (в 1760-х гг.), а максимальная – более половины (в 1800-х гг.). Эти выводы позволяют значительно скорректировать приведенные выше утверждения о «разночинском» характере Московского университета.

М.Т. Белявский, ссылаясь на ведомость Московского университета за 1764 г.², в своей книге указывает, что в этом году в

¹ Исключением служит Д.С. Аничков, поступивший в университет в 1755 г.

² РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41. Л. 2–15.

Московском университете из всех 48 студентов, принятых в разные годы, дворянами были только 9 человек¹. По его подсчетам, 19 человек были солдатскими детьми, 6 – детьми церковников, 3 – канцеляристов, 2 – учителей и 1 – сыном крепостного крестьянина; происхождение 9 студентов неизвестно. Возникает вопрос: как могло получиться, что в Московский университет ежегодно с 1759 г. поступало не менее одной четверти дворян от общей численности произведенных в студенты, и в то же время в 1764 г. дворяне составляли менее одной пятой части? Для проверки данных Белявского была составлена таблица, наглядно демонстрирующая сословный состав студентов Московского университета на 1764 г.

Таблица 1.

**Сословный состав студентов,
учившихся в Московском университете в 1764 г.**

Происхождение	Число студентов
Белгородской духовной консистории секретаря сын	1
Из придворных конюшенных детей	2
Вольноотпущенный	1
Дворцовой конюшенной канцелярии прапорщика сын	2
Из польского шляхетства	1
Из церковников	4
Польской нации бывшего подпрапорного сын	1
Разночинец	9
Слободских полков ротмистра сын	1
Сын артиллерии подпоручика	1
Сын есаула	2
Сын капитана пехотного полка	1
Сын капрала	1
Сын коллежского асессора	1
Сын лейб-гвардии капитана	1
Сын поручика дворцовой конюшенной канцелярии	1
Сын священника	1
Сын секретаря	1
Сын сержанта	5
Сын солдата	9
Сын сотника Сумского полка	1
Сын учителя-саксонца	1
Общий итог	48

¹ См.: Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. Указ. соч. С. 174.

Если обобщить данные, приведенные в таблице, получается следующая картина. Всего к разночинцам в ведомости 1764 г. отнесено 33 человека, из них сведения о родителях имеются у 23 человек. Детей солдат, капралов, сержантов – 14 человек, из придворных конюшенных детей – 1, учителей – 1, мелких чиновников (секретарей) – 1, духовного сословия (священников и причетников) – 5 и 1 вольноотпущенный из крепостных (Гаврило Журавлев). Из обучавшихся в 1764 г. студентов 3 человека (разночинцы) поступили в университет в 1755, 1757 и 1758 гг., 3 – в 1759 г. (1 из польского шляхетства), 7 – в 1760 г. (из них 2 дворянина и 1 сын ротмистра слободских полков), 5 – в 1761 г. (дворян среди них нет), 8 – в 1762 г. (4 разночинца, 3 дворянина и 1 сын сотника Сумского полка) и 22 – в 1763 г. (14 разночинцев, 4 дворянина, 2 иностранца – сын «польской нации бывшего подпрапорного»¹ и сын учителя-саксонца – и 2 сына полкового есаула Малороссийского Нежинского полка). Интересно, что Николай Рубиновский, сын ротмистра слободских полков, отнесенный к разночинцам, обучался в дворянской гимназии, а Алексей Лятошевич, также проходивший по ведомости как разночинец, происходил (как следует из его формулярного списка) «из малороссийского шляхетства»², но учился в разночинской гимназии. Кроме того, как указано в «Московских ведомостях», Иван Травкин, сын солдата, хотя и обучался в разночинской гимназии, но был «из благородных»³.

Итог получается такой: 30 разночинцев, 10 дворян, 3 иностранца и 5 из казацкой старшины Малороссии и Слободской Украины, которая по социальному положению была близка к российскому дворянству, а с 1785 г. оказалась и полностью уравнена с ним в правах. Таким образом, статистику Белявского удалось скорректировать, поскольку иностранцев он вообще не учитывал, а всех разночинцев, чьи отцы находились на военной службе, записал в «солдатские дети», включив в эту категорию

¹ Белявский записал этого студента, Григория Росновского, почему-то в «церковники», хотя чин и национальность его отца, архимандрита Вениамина, ясно указана в деле.

² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 137. Л. 39 об.

³ Московские ведомости. 1758. № 101.

не только детей солдат, но и унтер-офицеров и даже ротмистра, сотника и полкового есаула.

Известно, что с 1759 по 1761 г. в университет поступили 17 дворян (из 46 произведенных в студенты), но к 1764 г. из них продолжали учиться только 3 человека, разночинцев же за это время поступило 29, а продолжали учиться 13 человек. Из данного примера видно, что дворяне в XVIII в., в отличие от разночинцев, учились недолго. Это объясняет, почему процент дворян среди обучающихся был ниже, чем их же доля среди поступающих.

Всего за период от основания Московского университета до начала Отечественной войны 1812 г. нами выявлено по различным источникам около 600 дворян и примерно такое же количество разночинцев из общей численности около 1500 человек, учившихся в то время. Нужно также помнить о многих выпускниках Благородного пансиона конца XVIII – начала XIX в., которые по определению являлись дворянами. Оставаясь в ведении пансионского начальства, они становились посетителями университетских лекций, т.е. фактически студентами, но не попадали в публикуемые списки студентов. Отсюда можно заключить, что число дворян составляло более трети, а скорее всего, около половины всех студентов второй половины XVIII – начала XIX в.

Рассмотрим теперь основные социальные группы студентов подробнее.

Разночинцы. В эту группу входили дети солдат, мещан, купцов, мелких чиновников (канцеляристов, копиистов, приказнослужителей), реже дети секретарей (правлений, департаментов и духовных консисторий), врачей (штаб-лекарей, лекарей и подлекарей), аптекарей, учителей (в семинариях и училищах). Основную же часть разночинцев составляли дети духовенства, в основном сельских священников, реже диаконов, а также пономарей, псаломщиков и других причетников.

Иногда выходцы из духовного сословия могли иметь тесную связь с другими социальными группами: речь идет о детях священников, чьи предки были дворянами, но по каким-то причинам приняли сан. Например, отец Федора Петровича Лубяновского был из дворянского рода, происходящего от польского выходца Андрея Лаврентьевича Лубяновского, но сам служил священником. Предки будущего профессора Московского уни-

верситета Петра Ивановича Страхова были из дворян г. Шуи, а дед перешел в духовное звание. Из дворянского рода происходил и Антон Антонович Прокопович-Антонский, отец которого стал священником в Черниговской губернии.

Существовали и другие комбинации. Студент-поэт Ермил Иванович Костров был сыном дьячка, но после смерти отца (еще до поступления Ермила в университет) вся его семья была переписана в экономические крестьяне. Крепостных крестьян же среди студентов в этот период практически не было (хотя такую возможность им давал «Проект об учреждении Московского университета» 1755 г.). Известно лишь несколько примеров обучения в университете вольноотпущенных. Первый – это Гаврила Журавлев, крепостной бывшего университетского директора князя М.И. Аргамакова; он был определен в Московский университет по данному ему вечно на волю отпускному письму, в 1756 г. поступил в гимназию и принят в студенты 30 июня 1763 г.¹

Кроме того, это В.А. Загорский, студент с 1784 г. и будущий адъюнкт Московского университета², Ф.А. Денисов³, студент с 1802 г., а впоследствии профессор технологии в Московском университете, и П.К. Львов (бывший дворовый человек секунд-майора Сковцова, отпущенный на волю в 1797 г.), студент с 1808 г.⁴ Последний был переименован из студентов вольным слушателем в 1814 г. как «состоящий в окладе», но по окончании курса получил аттестат с наименованием студентом и разрешением поступить на гражданскую службу.

Впрочем, некоторые крепостные могли учиться в Московском университете по разрешению своих хозяев, но не получив вольной и соответственно не будучи студентами. Так обучался крепостной Николай Смирнов, пытавшийся бежать в 1785 г. за границу. Его дело сохранилось среди документов Тайной экспедиции, из материалов дела следует, что Николай был дворовым человеком князей Голицыных. Он был воспитан в доме отца, как сам сообщал: «Его собственным иждивением обучен разным

¹ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41. Л. 13.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 2097.

³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 486. Д. 142.

⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 112. Д. 80

наукам, как то: в перьвых, обучен я был российской грамматике и правописанию, потом принятым в доме учителем обучен начальным основаниям французского и италианского языков». Потом Николай учился «в Московском университете, куда ходил приватно по дозволению г-на директора, ибо формально записан быть не мог, не имея от господ своих увольнения», и где, по его словам, «оканчивал российскую грамматику и начал обучаться российскому красноречию, английскому языку, истории, географии, мифологии, иконологии и начальным основаниям физики и химии; а между тем в праздные дни и часы обучался у разных учителей рисовальному искусству, живописи, архитектуре, геодезии и начаткам математики. Оное учение –, вспоминал Николай, – продолжал ... около 8-ми месяцев, после коего времени за приключившеюся ... болезнию принужден был все то оставить и провести несколько месяцев в праздности». После выздоровления «через несколько времени, по усильной прозбе» Николая его отец позволил «продолжать мои науки дома и условился с г-м Десницким, профессором Московского университета, чтобы он ездил ко мне на дом для обучения аглинскому языку, к коему великую имел я склонность; архитектуру же и рисование продолжал я под смотрением г-на статского советника и архитектора Бланка, в его чертежной. А прочие науки, как то: французской и италианской язык, историю, географию, мифологию и иконологию – по возможности своей продолжал сам; физику же и химию, не могши продолжать без учителя, принужден был оставить». Очевидно, что Николай был не из простых крестьян, его отец, судя по данным дела, состоял управляющим (находился «при правлении») «всеми вотчинами и имением» князей Голицыных. Его семья была весьма состоятельной: перед бегством Николай похитил у отца 3500 рублей. Это подтверждает и то, что Николай смог получить домашнее образование, а его дядя со стороны матери, носивший фамилию Сенявин, был дворянином¹.

Отдельную группу разночинцев в XVIII в. составляли обер-офицерские дети, к ним относились дети личных дворян. Кроме

¹ См.: *Сивков К.В.* Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII в. // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 288–290.

того, встречается и такая категория, как штаб-офицерские дети. Очевидно, это дети тех, кто дослужился до чинов, дававших право на потомственное дворянство, но родившиеся до получения этих чинов; возможно также, что по каким-то причинам их отцы еще не были утверждены в выслуженном дворянском достоинстве.

Дворяне. Среди студентов Московского университета второй половины XVIII в. представлен весь спектр российского дворянства: от столичного до провинциального, от титулованных особ до мелкопоместных фамилий.

Первые титулованные дворяне появились среди студентов Московского университета уже в 1760 г. Это князья Леон Грузинский и Тимофей Гагарин. Следующие представители русской аристократии встречаются в 1768 г. Вплоть до 1794 г. известно только пять лет, за которые список произведенных в студенты включал княжеские фамилии. Всего с 1760 по 1794 г. известно 9 князей – студентов Московского университета. Среди них представители таких фамилий, как Дивеевы, Енгальчевы, Касаткины-Ростовские, Салаговы, Шихматовы. В это же время учился в Московском университете и известный мемуарист, поэт и драматург князь И.М. Долгоруков.

Иван Михайлович Долгоруков, сын князя Михаила Ивановича Долгорукова и внук фаворита Петра II князя Ивана Алексеевича Долгорукова, казненного по указу императрицы Анны Иоанновны, получил хорошее домашнее образование. В Московский университет он попал благодаря совету И.И. Шувалова, друга своего отца, хотя Михаил Иванович первоначально хотел отправить сына в один из заграничных университетов. «Ему хотелось проложить мне дипломатическую дорогу, – вспоминал Иван Михайлович, – и на сей конец он располагал отправить меня в чужие края на несколько лет в хороший университет, но советы Ивана Ивановича Шувалова поколебали его в этом намерении»¹. В результате в 1777 г. юный князь был «записан в Университет Московский и принят по предварительном экзамене в латинском и французском языках»². «Около 4 лет обуча-

¹ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем.... С. 37.

² Там же. С. 37.

ясь дома, – писал он, – я мог уже слушать лекции профессорские. С одобрения двух профессоров, Чеботарева и Аничкова, назначено мне ходить в следующие классы, а именно: к профессору Барсову слушать поэзию, к Аничкову логику и метафизику, к Рейхелю всеобщую историю, к Чеботареву российскую высшую словесность, к Росту физику, а у протопопа Петра Алексеевича толковали мне Катехизис и Закон Божий... и хотя я не был студентом еще, но удачный мой опыт на экзамене отворил мне вход в профессорские лекции, и я начал их слушать ежедневно от 8 часов до 12 утра и от 2 до 6 пополудни. Между студентами один только я был ученик»¹.

Таким образом, не будучи еще произведенным в студенты, Долгоруков уже слушал профессорские лекции, хотя обычно такое право имели лишь студенты, и то только те, которые занимались год (а иногда и больше) в ректорском классе университетской гимназии. В студенты князь был произведен в 1778 г. «По экзаменам высших классов, – вспоминал он, – я удостоен производства в студенты, публично провозглашен им при многочисленном собрании зрителей в аудитории и из рук г. директора Приклонского получил шпагу как отличительный знак студента, получающего, по установлениям Университета, вместе с академическим сим названием право на чин офицерский при выпуске»². В 1779 г. Иван Михайлович был принят авскультантом (протоколистом) в Вольное Российское собрание – литературное общество при Московском университете, а 3 июля 1780 г. записался в 1-й Московский пехотный полк прапорщиком, закончив, таким образом, свое обучение.

Разумеется, среди дворян, учившихся в Московском университете, были представители не только аристократических родов, но и широкой массы служилого дворянства. Если в конце 1750-х и в 1760-х гг. университет действительно имел в целом разночинский характер, то в конце 1770-х – начале 1780-х гг. картина изменяется. В 1779 г. для привлечения к учебе дворян был открыт Благородный пансион, созданный по инициативе М.М. Хераскова. Белявский признаёт, что «создание Благородного пансио-

¹ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем.... С. 37–38.

² Там же. С. 40.

на значительно увеличило число дворян в университете и соответственно уменьшило удельный вес студентов-разночинцев»¹, хотя массового притока дворян в университет так и не произошло, а число студентов не выросло заметным образом (не считая, как показано выше, «новиковского пятилетия» в 1780–1784 гг.). Дворяне охотно учились в Благородном пансионе, но редко продолжали обучение в самом университете.

К сожалению, полных сведений о том, сколько выпускников пансиона затем становились студентами университета, не существует. Дело в том, что воспитанники Благородного пансиона, получая разрешение посещать профессорские лекции, оставались на иждивении пансионного начальства и потому часто не вносились в список студентов. В.И. Сафонович, учившийся в пансионе в 1810–1814 гг., вспоминал, что «те из пансионеров, «которые хорошо учились, оставались долго [в пансионе], держали экзамен для поступления в студенты Университета и, продолжая учение в пансионе, ходили на лекции в Университет»². «Мы, – удивлялся С.П. Жихарев, – действительные студенты, ездим на лекции в университет, а принадлежим еще начальству пансионскому»³.

До 1804 г. есть лишь разрозненные указания среди списков гимназистов на то, что такой-то являлся «пансионером», т.е. воспитанником пансиона. Так, в 1782 г. в студенты были произведены пансионеры Карп Миславский и Иван Цемш. После принятия нового устава в публиковавшемся в «Московских ведомостях» списке произведенных в студенты дворянин, поступающий в университет из Благородного пансиона, впервые упоминается в 1805 г. Это Дмитрий Облеухов, вынесенный по такому случаю в особый разряд этого списка и переведенный в университет, как мы знаем, за блестящие успехи в учебе по особому распоряжению попечителя М.Н. Муравьева⁴. В 1806–1808 гг. не указано никого из выпускников пансиона, произведенных в студенты, что,

¹ Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. С. 176.

² Сафонович В.И. Воспоминания. С. 117.

³ Жихарев С.П. Указ. соч. С. 145.

⁴ См. о нем: Андреев А.Ю. «Мистический» друг Чаадаева: Жизнь и творческая судьба Д.А. Облеухова // Русская литература. 1997. № 2. С. 103–123.

конечно, не значит, что их не было. Например, П.С. Коновалов, из формулярного списка которого известно, что он учился в Благородном пансионе с 1801 г., в списке произведенных в студенты в 1807 г. значится как «обучающийся в университете»¹. В 1809 г. в списках новых студентов присутствуют еще 3 выпускника пансиона, зато в 1810 г. их насчитывается уже 32, в 1811 г. – 30 и в 1812 г. – 20 человек. Очевидно, что эта динамика объясняется принятием указа об экзаменах на чин 6 августа 1809 г., в связи с которым «из-за необходимости сдавать экзамен Антонский»² вносит в список студентов, оглашаемый на летнем акте, большую часть выпускников пансиона за этот год»³. «До 1812 года, – вспоминал М.А. Дмитриев, – воспитанников пансиона производили в студенты без экзамена. Имена назначенных к слушанию университетских лекций провозглашались на торжественном акте пансиона: это происходило зимой, перед Рождеством. С генваря они начинали ходить в университет и были признаваемы студентами»⁴. Интересно, что в 1812 г., когда было введено обязательное требование к студентам по знанию латинского языка, из 30 пансионеров экзамен смогли сдать только 20 человек. Правда, по воспоминаниям В.И. Сафоновича, экзамен был, но, вероятно, он имеет в виду испытание на зимнем акте. Кроме того, он сам был произведен в студенты в 1814 г. без всякого экзамена, по протекции А.А. Прокоповича-Антонского⁵.

Из биографий некоторых дворянских юношей, учившихся в Благородном пансионе, известно, что они потом стали студентами и слушали лекции в Московском университете, хотя в студенческих списках их имена отсутствуют. Среди них, например, будущий профессор Дерптского университета А.С. Кайсаров (слушал лекции с 1795 по 1796 г.), поэты Н.И. Гнедич (поступил в университет в марте 1800 г. и уволился из-за недостатка средств в 1802 г.) и М.В. Милонов (студент с 1805 г., окончил университет со степенью кандидата в 1809 г.), мемуарист Ст. П. Жихарев, декабристы Н.И. Тургенев (оба учились в 1806–1807 гг.), П.П. Ка-

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 117. Д. 492. Л. 3 об.; Московские ведомости. 1807. № 54.

² А.А. Прокопович-Антонский – директор пансиона.

³ Андреев А.Ю. Московский университет... С. 208.

⁴ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 76.

⁵ См.: Сафонович В.И. Воспоминания. С. 140.

верин (учился с января по ноябрь 1809 г.) и М.А. Фонвизин и, конечно, А.С. Грибоедов.

В результате деятельности попечителя М.Н. Муравьева и правительственных реформ в сфере университетского образования начала XIX в. не только резко увеличилась численность студентов, но и изменился социальный состав студенчества. «В образовательный процесс вошло молодое поколение русского дворянства, для многих из которых учеба в университете или его подготовительных заведениях становится необходимым условием для завершения их воспитания и полноправного вступления в общественную жизнь, причем именно студенты-дворяне определяют в этот момент портрет воспитанников университета как с точки зрения московского общества, так и по их влиянию на русскую культуру»¹. С 1807 по 1812 г. в Московский университет уже каждый год поступали титулованные дворяне, обычно 2–3 человека, иногда только 1 (1810). Исключение составляет 1811 г., когда поступило сразу 12 представителей знати, но этот год был и самым массовым по количеству произведенных в студенты для «допожарного» времени вообще. В списках студентов в эти годы появились фамилии не только русских князей, но и немецких прибалтийских баронов, таких, как Энгельгардт, Ридигер, Бистром, Унгерн-Штернберг, Дистерло, Будберг, Засс и др.

Сословная принадлежность студентов 1813–1825 гг.

Начиная с 1813 г. архивные источники представляют нам уже более полные сведения о социальном составе студентов. Из 314 студентов, поступивших в Московский университет с 1813 по 1817 г., известно происхождение 222 человек, из которых 153 дворянина, 7 иностранцев и 62 разночинца. Такое соотношение еще раз подтверждает высказанный тезис, что с начала XIX в. состав студенчества значительно изменился и университет из разночинского с заметной долей дворян он превратился в дворянский с заметной долей разночинцев. Наиболее полные данные о социальном составе представлены за

¹ Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета. С. 153.

1814 и 1815 гг.: известно сословие у 137 человек, т.е. 86 % от числа поступивших. Дворян из них 63,5 % (87 человек), разночинцев – 32 % (43 человека), остальные – иностранцы (около 5 %). А если взять отдельно данные за 1815 г., то здесь социальное положение известно у 90 % принятых в студенты, из которых доля дворян составила 76 % (54 человека). Таким образом, данные свидетельствуют, что дворяне составляли за 1814–1817 гг. гораздо более половины поступающих студентов, а вероятнее всего, около 65–70 %.

Более подробная картина социального состава студентов Московского университета 1813–1817 гг. представлена в таблице 2.

Таблица 2.

Сословный состав студентов, поступивших в Московский университет в 1813–1817 гг.

Социальное происхождение		Число студентов	Процент
Из дворян		153	70
В том числе дети	армейских офицеров	56	25
	гвардейских офицеров	13	6
	чиновников	66	30
	другое	18	8
Из иностранцев		7	5
Из разночинцев		61	28
В том числе	из духовного звания	18	8
	из обер-офицерских детей	24	10
	другое	19	9
Общий итог		221	100

Из таблицы видно, что среди дворян было примерно одинаковое количество детей офицеров и чиновников. Высшие чины, которые имели родители поступивших дворян, это генерал-майор в военной и действительный статский советник в гражданской службе, т.е. 4-й класс по Табели о рангах. Относительно немного встречается представителей титулованного дворянства: это князья Михаил Волконский, Николай Голицын, Михаил Долгорукий и Дмитрий Кропоткин, графы Авраам Волкенштейн и Роман Стакельберг.

Кроме того, среди дворян были двое детей профессоров. Речь идет о сыновьях лейб-медика и профессора Московского университета, действительного статского советника В.М. Рихтера: старший, Михаил, сам будущий профессор и доктор медицины, поступил в число своекоштных студентов физико-математического отделения в сентябре 1813 г.; младший, Федор, поступил в университет осенью 1816 г. Наконец, Степан Бардовский, сын священника Иова, происходил из дворян «Новгород-Северской губернии»¹ и остался записанным в дворянское сословие. Воспитывался и обучался он до университета в доме родителя, что характерно именно для представителей дворянских фамилий, с 1814 г. слушал университетские лекции, а в июне 1815 г. был включен в состав своекоштных студентов словесного отделения.

Среди разночинцев примерно поровну было детей чиновников, чин которых не давал потомственного дворянства («обер-офицерских детей»), и выходцев из духовного звания – детей священно- и церковнослужителей. Также встречаются дети мелких чиновников, не имеющих классного чина, – сыновья губернских регистраторов и канцеляристов. Трое студентов были «природою» из вольноотпущенных. Один из них, Никанор Васильевич Дьячков, из вольноотпущенных действительного тайного советника государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева², учился в Академической гимназии и в 1812 г. был произведен в студенты, с сентября 1813 г. стал слушать лекции на физико-математическом отделении. В августе 1814 г. Дьячков уволился из университета, так как министром юстиции он был уже определен в число канцелярских служителей по 2-му отделению 6-го департамента и приведен к присяге. Другой, Петр Тимофеевич Соколов, был отпущен «вечно на волю» княгиней Анной Леонтьевной Козловской в 1806 г., учился в Академической гимназии. В ноябре 1813 г. он поступил в студенты врачебного отделения, но осенью 1815 г., желая вступить в государственную службу, уволился из университета уже в качестве вольного слу-

¹ Так в деле. В действительности Новгород-Северской губернии не существовало. Новгород-Северский являлся в 1782–1796 гг. центром одноименного наместничества, а с 1797 г. – уездным городом Малороссийской, с 1802 г. – Черниговской губернии.

² Министр коммерции, член Государственного совета.

шателя, поскольку курс обучения не окончил. Среди остальных разночинцев нам встретились дети учителей, мещан, купцов, а также один сын штаб-лекаря.

Известно еще одно имя выходца из низших сословий русского общества, учившегося в 1810-х гг. в Московском университете. С ним связана, быть может, одна из самых загадочных и трагических историй тогдашнего студенчества, ставшая широко известной в русском обществе, но затем забытая. Речь идет об Александре Адриановиче Бугрове, сыне крестьянина казенного села Клещина Мещовского уезда Калужской губернии. Согласно его формулярному списку, он был «в 1811 г. по законном испытании удостоен звания Своекоштного студента; с 1811 по 1814 г. выслушал курс физико-математических наук; с декабря 1814 г. по январь 1819 г. занимался по воле начальства астрономическими наблюдениями в Обсерватории Академии наук в Санкт-Петербурге, утвержден в службе по учебной части и исключен из оклада в январе 1815 г.; по возвращении из Петербурга по законном испытании 18 июля 1819 г. произведен в Кандидаты, а 25 мая 1821 г. в Магистры»¹. В архиве попечителя Московского университета сохранилось несколько дел, из которых следует, что на обучение Бугрова обратил особое внимание министр народного просвещения граф А.К. Разумовский, по запросу которого юноша после успешного окончания университетского курса был уволен из крестьянского звания, исключен из подушного оклада и направлен продолжать учение в Санкт-Петербург². В июле 1821 г. попечитель Московского университета князь А.П. Оболенский ходатайствовал об «отправлении магистра Бугрова в чужие края» для подготовки к занятию в университете кафедры астрономии, вакантной с 1811 г. Молодой ученый должен был пробыть несколько лет «в лучших иностранных университетах», а затем «устроить обсерваторию и инструменты» в Москве³. На командировку Бугрова уже было получено согласие министра, когда 13 октября 1821 г., накануне «столь желанного отъезда в чужие края», Бугров застрелился.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 361. Л. 36.

² ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 11. Д. 6. Л. 45, 47 об.; Д. 7. Л. 44, 47, 50.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 361. Л. 1–4.

Причина его гибели так и осталась нераскрытой. В архивном деле присутствуют подробные показания свидетелей, отчеты ректора и других университетских чиновников, а также письмо отца, крестьянина Адриана Бугрова, с трогательными воспоминаниями о том, как он сына «по горячеейшей отеческой любви воспитал сам и научил российской грамоте, арифметике и геометрии, наставил правилам христианского закона» и как его сын «достигнул хорошего познания и принят был в Императорский Московский университет». Отец не мог поверить в версию самоубийства и просил тщательнее расследовать все обстоятельства смерти¹. О том, что судьба Бугрова взволновала тогдашнее московское общество, свидетельствуют воспоминания Н.В. Сушкова. Он хорошо запомнил Бугрова, когда однажды зимой, приехав вместе с А.А. Прокоповичем-Антонским из пансиона в университет, встретил в горнице мужика в тулупе с черной бородой. «Учиться пришел? – спросил его Антонский, – чай издалека, из деревни-то. Милости просим! Садись-ка покуда вот у нас. А уж поговорим». Сушкову было весело встречать мужика на лекциях, где тот представлялся ему вторым Ломоносовым. Среди суматохи 1812 г. Сушков потерял его из вида, но потом до него дошли рассказы о том, что Бугров воевал в ополчении, вернулся в университет, занимался астрономией, но впоследствии «самовольно кончил жизнь»². И кажется неслучайным совпадением, что схожая история легла в основу замысла незавершенной драмы А.С. Грибоедова «1812 год», в которой рассказывается о бывшем крестьянине, затем ополченце, который приобрел «новые понятия» и, будучи не в состоянии справиться с трагическими противоречиями жизни, покончил с собой. Судьба Бугрова с большой вероятностью могла быть известной Грибоедову, который в 1823 г. долго жил в Москве и общался со средой литераторов, близких Московскому университету.

Из иностранцев в таблицу 2 попали 7 человек, а всего в 1813–1825 гг. известно 23 иностранца, учившихся в Московском уни-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 361. Л. 11–13.

² Сушков Н.В. Московский университетский благородный пансион и его воспитанники. М., 1858. С. 30.

верситете, не считая русских немцев и армянских дворян, родители которых не являлись российскими подданными. Это были англичане, немцы, французы, датчане, греки и др.

Из англичан среди студентов известен Николай Гарднер, сын «великобританского фабриканта Франца Гарднера», принятый в сентябре 1813 г. в число своекоштных студентов физико-математического отделения. В декабре 1816 г., видимо не окончив курса обучения, он уволился из университета¹. С января 1814 по октябрь 1817 г. в числе своекоштных студентов словесного отделения учился Александр Чиколлини (Чекулини), сын умершего капитана датской службы Иосифа Чекулини, родившийся в Москве. Он учился в Московском уездном училище, в 1809 г. был переведен в Московскую губернскую гимназию, из которой в 1813 г. поступил в университет². Окончив занятия в 1817 г., он некоторое время служил переводчиком в Коллегии иностранных дел, а позднее занимал должность главного цензора Санкт-Петербургского почтамта, дослужился до чина действительного статского советника. В ноябре 1814 г. в своекоштные студенты словесного отделения Московского университета поступил «из иностранцев французской нации» «вечно российский подданный» Павел Гаврилович Дельсаль, сын содержателя известного в Москве пансиона. В январе 1818 г. он уволился из Московского университета³.

Еще одним интересным примером студента иностранного происхождения, учившегося в Московском университете, был грек Николай Бонифацио, из «Валахских дворян», «уроженец Константинопольский». Он прежде находился в свите князя А.К. Ипсиланти, сына господаря Молдавии и Валахии, бежавшего в 1806 г. в Россию. В 1802–1808 гг. Николай учился в Бухаресте, а с 1811 г. посещал в качестве слушателя лекции в Московском университете, причем, по отзыву профессора Мудрова, «оказывал успехи», чем профессор был «весьма доволен» и рекомендовал его для включения в число студентов. В 1814 г. Бонифацио был включен в число своекоштных студентов врачебного отде-

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 109. Д. 300. Л. 1–3.

² Там же. Оп. 110. Д. 151. Л. 1–3.

³ Там же. Оп. 111. Д. 84. Л. 1–7.

ления, 15 октября 1815 г. выдержал экзамен, в 1816 г. произведен в доктора медицины¹.

В июне 1815 г. в число казенных студентов этико-политического отделения был принят Алексей Иванович Лаконте, сын придворного танцмейстера. 15 декабря 1805 г. он поступил в Академическую гимназию, но война прервала обучение. 5 октября 1812 г. Алексей записался в Нижегородское ополчение пятидесятым начальником 2-го пехотного полка, в декабре 1813 г. он был утвержден в чине прапорщика, а 1 января 1814 г. назначен командующим сотней. Вернувшись из похода, он поступил в университет². По воспоминаниям А.В. Никитенко, который находился с Лаконте в приятельских отношениях, это был «молодой человек, очень красивый, тонко образованный, с мягкими, изящными манерами», при этом он «вообще представлялся личностью загадочной. Он перед тем служил в военной службе, даже участвовал в походе против французов в качестве вольноопределяющегося, но был уволен без чина, за недостатком каких-то документов. Едва ли он не был чьим-то сыном любви. Француз по фамилии и по изысканной любезности и тонкости обращения, он говорил и писал по-русски так, как в то время у нас говорили, а тем более писали немногие. У него был приятный голос, и он часто услаждал наш слух пением модных романсов, которые передавал со вкусом и экспрессией под аккомпанемент гитары. С его красивого лица никогда не сходила тень грусти, и это меня особенно к нему привлекало. Неопределенность его положения и самое покровительство генерала, видимо, тяготили его, но он или не хотел, или не знал, как выбиться на свободу»³.

В 1817 г. в студенты физико-математического отделения был зачислен будущий профессор, доктор медицины Александр Фишер фон Вальдгейм, который родился в Майнце на Рейне 24 апреля 1803 г. в семье профессора Григория Ивановича Фишера фон Вальдгейма, доктора медицины Лейпцигского университета. В 1804 г. отец, приглашенный преподавать в Московский

¹ Там же. Оп. 109. Д. 230; см. также: *Змеев Л.Ф.* Русские врачи-писатели. Вып. 1. С. 27.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 111. Д. 127. Л. 1–3.

³ *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. СПб., 1904. Т. 1. С. 101.

университет, привез сына в Москву, где тот учился в гимназии и Благородном пансионе. После окончания физико-математического отделения со степенью кандидата Александр перешел на медицинский факультет, который окончил в 1825 г. со степенью доктора медицины¹. Среди поступивших в университет иностранцев известны сыновья знаменитого пробста Гейдеке, управляющего Михайловским училищем при лютеранской церкви в Москве. Это Лев и Владимир (в крещении Вальдемар) Гейдеке, поступившие в 1818 и 1823 гг. соответственно².

В сентябре 1819 г. в число студентов Московского университета был принят Александр Овер, сын французских эмигрантов, будущий терапевт и хирург, один из основоположников клинко-патолого-анатомического направления в отечественной медицине. Родился он 18 сентября 1804 г. в России. Его отец был доктором прав и королевским адвокатом. Окончив Московскую гимназию, Овер поступил вольным слушателем в Московскую медико-хирургическую академию, в 16 лет перешел студентом на медицинский факультет Московского университета, после четырех лет учебы на котором опять перешел в Академию и в 1823 г. (в 20 лет) стал доктором медицины³. Известно, что в университете учились армянские дворяне, братья Яков и Давид Арзановы. Оба поступили в 1820 г. и окончили курс со степенью кандидата⁴. Армянином был и Соломон Тергукасов, поступивший в университет в сентябре 1820 г., а в 1825-м удостоенный звания акушера и степени доктора медицины⁵.

Карл Вильгельм Эдуард Хоге был сыном учителя Рижского публичного училища св. Иоанна иностранца Михаила. Родился Карл 5 августа 1807 г. в Москве и был крещен 21 августа в старой лютеранской церкви. В 1823 г. поступил в число своекоштных студентов университета, а в 1827 г., окончив курс, был утверж-

¹ Московские ведомости. 1817. № 55; см. также: *Биографический словарь профессоров...* Т. 2. С. 528.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 115. Д. 378; Оп. 120. Д. 355.

³ Там же. Оп. 116. Д. 301; см. также: *Биографический словарь профессоров...* Т. 2. С. 160.

⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 117. Д. 439; Оп. 121. Д. 34; См. также: *Московские ведомости.* 1823. № 56.

⁵ См.: *Московские ведомости.* 1825. № 55.

ден действительным студентом по отделению нравственно-политических наук¹. Сыном швейцарского уроженца был Иван Яковлевич Крапп, принятый в число своекоштных студентов медицинского отделения в августе 1823 г. Родился он 24 сентября 1807 г. и был крещен католическим священником Казимиром Качановским. Восприемниками его были надворный советник Иван Штаммер и Дарья Гейлер. Несмотря на то что крещен был в католической церкви, он «причастился в первый раз Святых Таин 22 мая 1822 г. в старой евангелической церкви св. Михаила у пастора Адама Христиана Павла Кольрейора». Иван рано потерял отца, но его приютил директор Московского военного госпиталя, статский советник Штаммер, взявший «сего бедного сироту Ивана Краппа на собственное свое воспитание» (юноша приходился ему внучатым племянником). Обучался Иван в училище св. Михаила с 1816 по июнь 1823 г., после чего и поступил в университет².

Федор Данилович Шнейдер, знакомый А.С. Пушкина, поступил в число студентов медицинского отделения. До этого он обучался в училище св. Михаила. Из билета, выданного ему 22 августа 1824 г. «на свободное в Москве пребывание по 2 января 1828 г.», известно, что его полное имя Фридрих Христиан Шнейдер, он был прусским подданным, родившимся в Москве, не записанным ни в какое сословие и не состоявшим ни в каких податях³. Окончив курс, в 1829 г. Фридрих был утвержден лекарем 1-го отделения⁴. В 1829 г. он принимал участие в русско-турецкой войне. Осенью 1830 г. его послали в Симбирск для помощи в борьбе с холерой. Позднее в Москве Шнейдер служил штаб-лекарем в полиции, а затем врачом при Московской дирекции училищ⁵. Флегонт Шпиноль, сын «нежинского грека Дмитрия Юрьева», был принят в число студентов университета физико-математического отделения в сентябре 1824 г. До этого начиная с 1 сентября 1821 г.

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 120. Д. 409; См. также: Московские ведомости. 1827. № 59.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 120. Д. 362. Л. 1–5.

³ Там же. Оп. 121. Д. 314. Л. 1–4.

⁴ См.: Московские ведомости. 1829. № 56.

⁵ См.: *Ершова Л.* Тайны фамильных портретов // Ульяновский литературно-краеведческий журнал «Мономах». 2006. № 4 (47).

он обучался в Ярославской губернской гимназии, где и окончил курс. Его отец, Дмитрий Шпиноль, ездил из Нежина «в разные Российской империи города и места по купеческой коммерции, которая по Высочайше дарованным греческому нежинскому обществу привилегиям и преимуществам» грамотой 20 декабря 1801 г. была позволена без записи в купечество¹. Видимо, в результате такой деятельности Дмитрий и обосновался в Ярославле, где вырос его сын. В 1825 г. в лекари 1-го отделения из числа воспитанников был произведен еврей Соломон Иосиф.

Итак, проанализированные нами данные за 1810-е гг. продемонстрировали явное преобладание среди студентов Московского университета учащихся из потомственного дворянства, а среди разночинцев – детей личных дворян. В то же время именно к этим годам относится наибольшее разнообразие в происхождении студентов Московского университета: от князей до вольноотпущенников и государственных крестьян. Затем картина несколько изменилась. По архивным делам удалось выявить социальное положение 153 студентов, поступивших в Московский университет в течение 1823 г. Дворян из них 79 человек (52 %), разночинцев – 66 (43 %), а еще 6 иностранцев и 2 воспитанника Московского воспитательного дома.

Таблица 3.

**Сословный состав студентов,
поступивших в Московский университет в 1823 г.**

Социальное происхождение		Число студентов	Процент
Из дворян		79	52
В том числе дети	офицеров	27	18
	чиновников	36	24
	другое	16	10
Из разночинцев		66	43
В том числе	из духовного звания	28	18
	из обер-офицерских детей	34	22
	другое	4	3
Остальные		8	5
Общий итог		153	100%

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 121. Д. 368.

Таким образом, внутри группы студентов из дворян соотношение детей офицеров и чиновников в 1823 г. сравнительно с 1813–1817 гг. практически не изменилось, лишь несколько повысилась доля последних. Среди разночинцев по-прежнему первое место по численности заняли «ober-офицерские дети», а второе – выходцы из духовного звания. Но практически исчезли лица других категорий разночинцев. Это связано с тем, что все учащиеся податного состояния в обязательном порядке были отнесены к званию вольнослушателей и могли получить степень кандидата или действительного студента только после завершения ими полного курса обучения и увольнения их Синодом или Сенатом из оклада. Правда, среди «ober-офицерских детей» был один студент, чей отец являлся выходцем «из отпущенных вечно на волю дворовых людей». Это Александр Скороспелов, поступивший в своекоштные студенты университета осенью 1823 г. Но ко времени его поступления отец, учитель Архитекторской школы Мемнон, уже имел чин титулярного советника¹. В 1827 г. Александр окончил свое обучение в университете и получил степень действительного студента по нравственно-политическому отделению².

Лишь трое из поступивших в студенты в 1823 г. являлись детьми мелких служащих без классов чин (полкового лекаря, губернского регистратора и канцеляриста). И лишь один человек представлял податные сословия. Это сын купца Иван Никифорович Вакаев, принятый в студенты этико-политического отделения в сентябре 1823 г. Но он еще до поступления в университет являлся канцеляристом, служащим при Правительствующем сенате в 6-м департаменте. До университета он обучался с июля 1810 г. в Московском коммерческом училище, где являлся полным пансионером, имевшим «дарованную от Государя императора пансионерам привилегию носить шпагу», а также получил дозволение от Сената на слушание лекций в университете в звании студента. По увольнении Московским мещанским обществом он был определен 19 июля 1823 г. в число канцелярских служителей и только затем смог поступить в

¹ Там же. Оп. 120. Д. 335. Л. 1–2.

² См.: Московские ведомости. 1827. № 59.

число студентов университета¹. Случай исключительный: Вакаев имел увольнение от мещанского общества (что само по себе было сделать достаточно непросто), затем стал государственным служащим, а также имел специальное разрешение от Сената на «звание студента».

Таким образом, из соотнесения социального состава и динамики численности студентов за 1813–1825 гг. видно, что увеличение количества учащихся связано с некоторым увеличением притока в университет разночинцев с 1820 г., который, однако, еще не переломил установившегося с начала XIX в. «дворянского» характера студенчества. Надо также учесть, что часть разночинцев – из податного состояния – могли обучаться в университете лишь в качестве вольных слушателей. Но не следует забывать, что относительное уменьшение доли дворян связано еще и с тем, что после указа 14 февраля 1819 г., придававшего особый статус Благородному пансиону и сравнившего его выпускников в правах со студентами, практически прекратилось поступление учащихся оттуда в университет, где они в предшествующие годы составляли значительную часть студенческого состава.

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 120. Д. 381. Л. 1–3.

ГЛАВА 2.

Учебный процесс в московском университете

Учебный процесс в Московском университете получал различные формы реализации и за период от основания университета до первой четверти XIX в. значительно изменялся. Во второй половине XVIII в. обучение в университете еще очень тесно было соединено с учебой в университетской гимназии. Это соответствовало известной мысли М.В. Ломоносова, выраженной им в письме И.И. Шувалову, что университет без гимназии «как пашня без семян»¹. Согласовывалась такая организация учебы и с близким Ломоносову опытом Петербургской академии наук, когда любой ее воспитанник вначале обязательно оканчивал гимназию, а затем «производился в студенты», оставаясь при этом фактически в ведении гимназии и переходя лишь в ее старший класс. В такой системе университет представлял в прямом смысле «высшую школу», т.е. непосредственное продолжение школы средней.

Однако в ходе реформ Московского университета в начале XIX в. значение гимназии падает. Типичным (а после закрытия гимназии в 1812 г. и единственно возможным) для первой четверти XIX в. становится зачисление студентов в университет «со стороны», после окончания одного из средних учебных заведений или после получения юношами домашнего образования. Это наложило свой отпечаток на учебный процесс, привело к введению новых требований к поступающим. С другой стороны, у студентов этого времени появилось и больше возможностей организовывать свой учебный процесс по собственному усмотрению, выбирать предметы и профессоров. Одновременно ужесточался и контроль за текущими результатами учебы, что

постепенно привело к утверждению обязательных для всех студентов экзаменов по окончании каждого года слушания лекций. В результате после короткого периода действия «свободы обучения» в первые годы XIX в. в Московском университете закрепилась курсовая система учебы (окончательно оформленная в ходе университетских реформ 1830-х гг.), что вновь, как и в XVIII в., утверждало в организации учебного процесса элементы планомерности и последовательности предметов. В то же время в университетах Западной Европы по традиции большое место отводилось самостоятельному и индивидуальному характеру обучения.

Учебный процесс в Московском университете будет рассмотрен в этой главе в соответствии со своими основными этапами: поступлением студентов в университет (включая анализ их начального образования и возраста); затем собственно учебой – ее ходом, длительностью в различные эпохи, организацией лекций, экзаменами; наконец, выходом из университета и получением университетского аттестата. Отдельно будут затронуты отношения, складывавшиеся между студентами и профессорами в процессе учебы.

Обучение перед поступлением в Московский университет

Согласно п. 23 «Проекта об учреждении Московского университета» от 12 января 1755 г., «всяк желающий в Университете вышним наукам учиться должен явиться у директора, который прикажет профессорам его экзаменовать, и ежели явится способен к слушанию профессорских лекций, то, записав его в число университетских студентов и показав ему порядок учения, приличный его склонности и будущему состоянию, отослать при письменном виде к тем профессорам, у кого какие лекции слушать имеет»¹. Тем самым проект, как это было принято в немецких университетах, ориентировался на запись в Московский университет приходящих «со стороны» студентов (в Европе такое зачисление называлось имматрикуляцией). Как видно из

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 10. С. 514.

¹ ПСЗ. Т. 14. № 10346.

процитированного параграфа, имматрикуляция в Московский университет в противоположность европейским должна была быть бесплатной, но зато требовала определенной проверки знаний.

Однако на деле в первые годы существования Московского университета, когда ему не хватало студентов и от университетских властей требовались определенные усилия для их привлечения, даже последнее условие не соблюдалось столь строго. Как в 1730–1740-е гг. привлекали учеников в Петербургскую академию наук, так в 1750-е гг. практиковались прямые переводы учащихся в Московский университет, прежде всего из духовных училищ.

Так, самые первые студенты Московского университета были переведены сюда в соответствии с решением Святейшего Синода от 3 мая 1755 г. Всего тогда было решено перевести 30 человек, из которых уже в конце мая Славяно-греко-латинская академия прислала 6 человек: Петра Дмитриевича Вениаминова, Семена Герасимовича Зыбелина, Петра Семеновича Семенова, Василия Алексеевича Троепольского, Данилу Яковлевича Ястребова, Ивана Алексеевича Алексева. 26 мая прибыли воспитанники Крутицкой семинарии Илларион Мусатов (Садовский) и Иван Ильин. В итоге к концу августа из Славяно-греко-латинской академии, Крутицкой, Новгородской, Псковской, Нижегородской, Смоленской, Троицкой, Белгородской семинарий и Харьковского коллегиума было направлено 25 человек. К ним нужно добавить еще киевского семинариста Антона Любинского, присланного из Тверской семинарии Семена Лобанова, а также Матвея Елисеева, Ефима Орлова, Панкратия Полонского, Максима Тихомирова и Илью Семенова (семинарии, из которых они прибыли, не указаны)¹.

Ученики различных духовных учебных заведений продолжали поступать в университет в 1756–1758 гг. А в 1759 г. на торжественном акте университета впервые были произведены в студенты выпускники университетской гимназии², и с этого момента именно она стала основным поставщиком студентов.

¹ РГАДА. Ф. 1183. Д. 103. Л. 10–12.

² См.: Московские ведомости. 1759. № 34.

Основной задачей гимназического курса являлась подготовка будущих студентов к слушанию профессорских лекций (это, естественно, не означало, что в университетской гимназии учились только будущие студенты, напротив, как указывалось выше, подавляющее количество учеников гимназии ограничивалось только посещением начальных уроков и не продолжало учебу в университете). Главными предметами, преподававшимися в гимназии, были русский язык, математика (арифметика и геометрия), география, история, современные иностранные языки (французский, немецкий, английский, итальянский) и латинский язык. Необходимо отметить, что господствующим языком преподавания в университете была латынь и без ее знания понимание лекций было бы невозможным.

Систему преподавания в университетской гимназии можно назвать предметной, в том смысле что продвижение ученика вперед в одном предмете не было связано с его успехами в других. Полная учеба в гимназии была рассчитана на четыре-пять лет и делилась на пять школ: российского, немецкого, французского и латинского языков, а также начальных оснований наук (математики, истории, географии, философии, натуральной истории и др.). Каждая из школ состояла из нескольких классов, которые были организованы от низших к высшим ступеням обучения. Так, например, обучение русскому языку делилось на четыре класса: чтения и письма, грамматики, синтаксиса, красноречия. Время обучения в одном классе ограничено не было, и многие ученики проводили в каждом по несколько лет. Учитель высшего класса латинской школы носил звание ректора гимназии и входил в университетскую Конференцию. Именно он отвечал за преподавание латинского и греческого языков в университете (а в конце XVIII в. не только вел занятия с учениками гимназии, но и читал лекции студентам), фактически являясь «профессором классической филологии» еще до возникновения соответствующей кафедры.

Ректорский класс занимал в гимназии особое место. Юноши продолжали в нем учиться и после производства в студенты и лишь только после окончания этого класса могли приступить к слушанию университетских лекций. Предназначение ректорского класса во второй половине XVIII в. поясняет выдержка из

протокола Конференции от 22 августа 1758 г.: «Ввиду того, что многие наши ученики оказали весьма хорошие успехи в латинском языке, Конференция полагает, что следовало бы, ради поощрения, произвести, по примеру других университетов, наилучших кандидатов в студенты в день тезоименитства Е.И.В. Они останутся, однако, в классе г. ректора и других, чтобы совершенствоваться до ближайшего экзамена»¹. Таким образом, ректорский класс был необходим для того, чтобы вновь произведенные студенты могли совершенствовать свои познания в латинском языке, чтобы понимать профессорские лекции, а также в философии, программа которой в гимназии изучалась сокращенно, а для университета требовалась в более полном виде².

Например, Матвей Яковлевич Мудров, будущий профессор и доктор медицины, до поступления в Московский университет учился в духовной семинарии и народном училище в Вологде, но при последующем зачислении в студенты в 1795 г. не был сразу допущен к слушанию лекций, а был принят в ректорский класс, «дабы выказать свои способности и благонравное поведение»³. П. Илл. Страхов говорит о подобных случаях как о правиле: «Гимназии оказывали самому университету в успехе просвещения живейшее содействие тем, что никто не мог вступить в университет прямо без предварительного приготовления в гимназиях, даже полные кончалые студенты духовных академий и семинарий, желавшие усовершенствовать познания свои в университете, принимаемы были прежде в гимназию, записывались в соответственные их познаниям классы, и сообразно с оказанными здесь успехами в науках и поведении сперва удостоивались звания студента и награждались шпагами, а после того, еще по новом экзамене и по одобрении поведения их, допускались уже к слушанию факультетских лекций у профессоров»⁴.

Кроме окончивших курс университетской гимназии (с 1806 г. называвшейся Академической) определенное количество студентов поступало в университет из Благородного панси-

¹ Документы и материалы... Т. 1. С. 128.

² См.: *Страхов П.И.* Краткая история академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете. М., 2000. С. 4.

³ Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 118.

⁴ *Страхов П.И.* Указ. соч. С. 3–4.

она. Пансион при университете был открыт в 1779 г. для детей дворян, а с конца XVIII в. приобрел репутацию ведущего в Москве элитного учебного заведения, где преподавали университетские профессора и помимо обучения наукам воспитанникам прививались литературный вкус и навыки светского поведения. Как и в гимназии, преподавание в пансионе было организовано по классам каждого из предметов и ученики высших классов получали право на посещение университетских лекций. Для учащихся Благородного пансиона на рубеже XVIII–XIX вв. производство в студенты также не противоречило тому, что они продолжали находиться в пансионе, участвовали в пансионских актах в качестве старших воспитанников. Примеры мы находим в биографиях братьев Андрея, Александра и Николая Тургеневых, Дмитрия Дашкова, Николая Грамматина, Владимира Одоевского и др.¹

Некоторое число студентов для Московского университета в XVIII в. предоставляли открытые с конца 1780-х гг. в губернских городах главные народные училища (например, как упоминалось выше, будущий профессор М.Я. Мудров окончил Вологодское народное училище, а другой будущий профессор – А.Ф. Мерзляков – Пермское народное училище)². После 1804 г. вклад увеличился с учреждением московской и других губернских гимназий. В «Московских ведомостях» это начинает отмечаться уже с 1804 г.³ Первыми поступившими в университет из Московской губернской гимназии были Павел Ильич Петров, будущий писатель, служивший переводчиком при Императорском Вольном экономическом обществе, и Иван Федорович Шамшин, дослужившийся до чина действительного тайного советника, занимавшего пост члена Совета Государственного контроля.

В 1807 г. впервые встречаются поступившие в университет из провинциальных губернских гимназий. Это были питомцы Калужской гимназии Николай Прохоров и Андрей Афанасьевич Никитин. Первый вернется в Калужскую губернию, где будет

¹ См.: *Сушков Н.В.* Указ. соч. С. 101–105.

² См.: Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 109, 118.

³ См. также: *Гобза И.* Столетие Московской 1-й гимназии. 1804–1904. М., [1904].

служить по ведомству Министерства народного просвещения, в том числе и в воспитавшей его Калужской гимназии. А второй достигнет должности статс-секретаря Государственного совета и станет одним из основателей Вольного общества любителей российской словесности. Особое место в ряду провинциальных гимназий занимала Казанская, созданная в 1758 г. и находившаяся в ведении Московского университета. Лучшие воспитанники оттуда переводились в Москву и зачислялись в студенты университета. Такой перевод зафиксирован в 1767 г., когда в студенты поступили четверо гимназистов из Казани: Федор Бабушкин, Семен Беспалов, Григорий Горенков, Андрей Иванов, причем последние двое из переведенных вернулись затем обратно в Казанскую гимназию уже в качестве учителей¹. Воспитанником Казанской гимназии с 1801 г., а затем и Казанского университета был Петр Герасимович Воскресенский, в будущем получивший в Московском университете степень доктора медицины и преподававший здесь анатомию².

Воспитанниками духовных учебных заведений были не только первые студенты, в дальнейшем вклад этих училищ в формирование студенчества Московского университета продолжал оставаться весьма заметным. Сюда поступали из Славяно-греко-латинской и Киево-Могилянской академий, Троице-Сергиевой, Крутицкой, Астраханской, Тверской, Вологодской, Калужской, Вятской, Нижегородской, Севской, Новгород-Северской, Суздальской, Владимирской, Переяславской и Воронежской семинарий, Харьковского коллегиума. Известно, что Смоленский епископ Парфений (Сапковский), который «любил науки и им покровительствовал», «для введения в семинарию изящных наук посылал на отчете своем в Московский университет студентов обучаться, кои в семинарии ввели французский, простой греческий языки, исторический, географический и математические классы»³. Из питомцев Смоленской семинарии, поступивших в Московский университет, известен Семен Мар-

¹ См.: Документы и материалы... Т. 2. С. 39; Т. 3. С. 45.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 110. Д. 120, 310; См. также: Московские ведомости. 1811. № 54; 1817. № 55; Биографический словарь профессоров... Т. 1. С. 168.

³ Мурзакевич Н.А., священник. История города Смоленска. Смоленск, 1903. С. 117.

тынович Ивашковский, ставший профессором греческой словесности. Охотно посылались студенты и из Киево-Могилянской академии в университет, известный, по словам митрополита Киевского Иерофея (Малицкого), «как источник просвещения», который привлекает «внимание всех любителей наук»¹.

Таким путем прошли многие другие будущие профессора: И.С. Андреевский, Ф.И. Барсук-Моисеев (Барсук-Мойза), А.А. Прокопович-Антонский, А.П. Данилевский (все они получили начальное образование в 1780–1790-х гг. в Киево-Могилянской академии); А.М. Брянцев, обучавшийся сначала в Вологодской семинарии, а потом в Московской славяно-греко-латинской академии; С.Е. Десницкий – в Троицкой семинарии; И.А. Двигубский – в Харьковском коллегиуме; Ф.К. Курика, один из первых профессоров медицины в Московском университете, – в Черниговском коллегиуме; Т.И. Перелогов – в Суздальской, а потом Владимирской семинарии; Г.Ф. Покровский (в будущем профессор политики и философии в Ярославском Демидовском высших наук училище) – в Астраханской семинарии; Ф.Г. Политковский – в Черниговской семинарии; И.Ф. Тимковский – в Переяславской семинарии; Н.Е. Черепанов – в Вятской семинарии; В.М. Черняев (профессор ботаники Харьковского университета) – в Воронежской семинарии.

Наконец, поступающие в Московский университет могли иметь домашнее образование. Обычно его получали дети дворян или купцов. Скажем, Иван Иванович Давыдов обучался дома, потом в Тверском дворянском училище, «где дети бедных дворян получали предварительное образование для поступления в кадетские корпуса». Там он был замечен попечителем Московского университета Муравьевым и в 1808 г. взят в Москву, где несколько месяцев посещал Академическую гимназию, заслужил награды по пяти классам и был произведен по экзамену студентом в том же 1808 г., хотя одновременно продолжал числиться в высшем классе гимназии по немецкому языку².

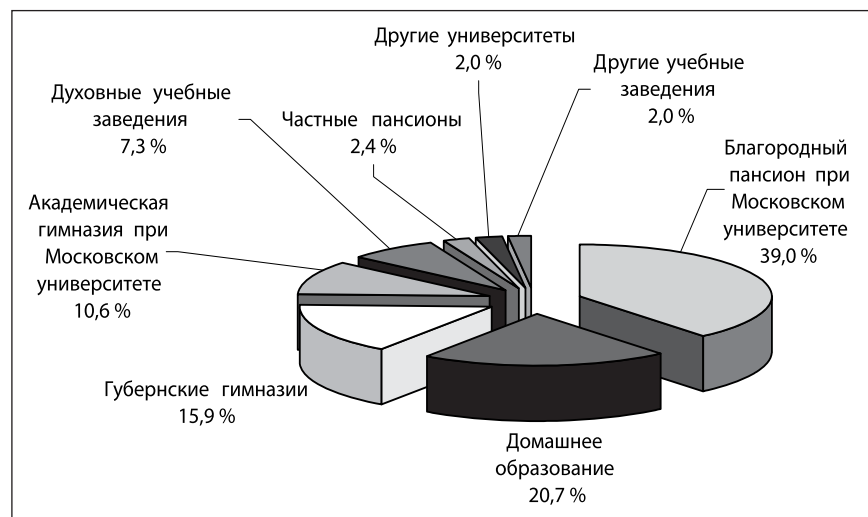
¹ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 310.

² См. там же. 1808. № 54. С. 1389–1391.

Николай Александрович Старынкевич до своего поступления в Московский университет учился в Шкловском кадетском корпусе, Аркадий Алексеевич Альфонский – в училище при лютеранской церкви пробста Гейдеке. Василий Иванович Козлов учился в Московской практической коммерческой академии, одним из учредителей которой был его отец, московский купец Иван Кузьмич. Пробыв в ней всего год, Василий в 1810 г. перешел в Московский университет.

Начиная с 1813 г. сохранившийся архив Московского университета дает возможность оперировать массовыми систематическими данными об образовании студентов. Данные за 1813–1817 гг. представлены в следующей диаграмме.

Диаграмма 2. Образование, полученное студентами перед поступлением в Московский университет (1813–1817)

Как видно из диаграммы, наиболее значительная доля поступивших в эти годы выходила из Благородного пансиона, что показывает несомненный интерес дворян к высшему образованию в это время. Домашнее образование также по преимуществу имели дворяне, разночинцы с таковым упоминались лишь в виде исключения.

Известно, что в Благородном пансионе было произведено в студенты в 1814 г. 10 человек, в 1815 – 19, в 1816 – 33, в 1817 – 22¹. Итого 84 за 1814–1817 гг. Поименно известны 96 воспитанников Благородного пансиона, поступивших в университет за эти годы. Это объясняется тем, что некоторые записанные на лекции в эти годы учились в пансионе до 1812 г.

Из поступивших в 1813–1817 гг. разночинцев домашнее образование имели только шесть человек: дети аттестованного учителя Петр и Владимир Дефоржи, сын титулярного советника Николай Цветков, сын губернского секретаря из Курска Авенир Красовский, сын штаб-лекаря из Харькова Павел Кужелевич и сын московского купца Алексей Марков. Несколько человек из дворян учились в вольном пансионе купца Блемера, частных пансионах Дельсаль и А.П. Терликова (кандидата Московского университета). Среди поступивших из пансиона г. Дельсаль был и его сын, «иностранец французской нации, вечно российский подданный» Павел Гаврилович Дельсаль, обучавшийся, по его словам, в пансионе «родителя моего»². В 1815 г. он был включен в число своекоштных студентов словесного отделения и окончил университет в 1818 г.

Разночинцы из духовного звания, поступившие в это время в университет, имели в основном семинарское образование. Эти студенты прошли обучение во Владимирской, Воронежской, Калужской, Орловской, Рязанской, Тульской, Троице-Сергиевой семинариях, Киевской и Московской духовных академиях, а еще два человека учились в Московской славяно-греко-латинской академии до ее преобразования в Московскую духовную академию³. Дети чиновников, поступившие в университет, обычно оканчивали губернские гимназии. Среди них помимо Московской нужно назвать Выборгскую, Вологодскую, Казанскую, Курскую, Могилевскую, Новгород-Северскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую, Дерптскую. Несколько человек учились в Ярославском Демидовском высших наук учили-

¹ См.: Краткий отчет пансиона с 1814 по 1817 г. // Речь, разговор и стихи, читанные в публичном акте, бывшем в Благородном пансионе. М., 1817. С. 39.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 111. Д. 84. Л. 1.

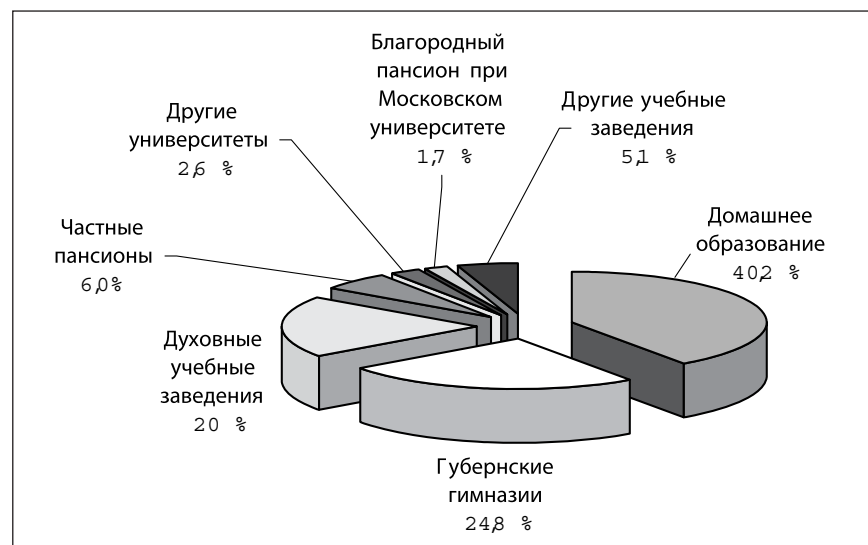
³ Там же. Оп. 109. Д. 282; Оп. 110. Д. 167, 187, 195, 199; Оп. 111. Д. 67, 72; Оп. 113. Д. 289, 308, 360.

ще и Московской Медико-хирургической академии. Всего пять человек до поступления в Московский университет посещали лекции в Харьковском, Дерптском (по двое) и Казанском (один) университетах.

Из Академической гимназии поступали в 1813–1814 гг. те, кто учились в ней до 1812 г., поскольку сама гимназия к этому времени уже была распущена. После уничтожившего ее пожара 1812 г. 12 старших гимназистов поступили в число студентов университета и учение в ней более не возобновлялось¹.

Аналогичные данные об образовании студентов, поступивших в Московский университет в 1823 г., представлены в следующей диаграмме.

Диаграмма 3. Образование, полученное студентами перед поступлением в Московский университет (1823)

Заметно, что среди студентов, поступивших в 1823 г., первое место досталось домашнему образованию. Как правило, этот термин означал, что подготовкой будущих студентов к университету занимались родители, но в одном из случаев поступающий (Дмитрий

¹ См.: *Страхов П.И.* Краткая история... С. 64.

рий Погорельский) сообщал, что обучался в доме своего брата, кандидата Московского университета Платона Погорельского¹.

На втором месте по числу поступающих находятся выпускники Московской, а также провинциальных губернских гимназий: Владимирской, Воронежской, Нижегородской, Новгород-Северской, Рязанской, Тверской, Тульской, Черниговской, Ярославской и гимназии Войска Донского. Чуть меньшее число студентов училось в духовных семинариях: Московской, Перервинской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Тверской, Ярославской, а также Московской и Санкт-Петербургской духовных академиях. Некоторые из поступивших окончили частные пансионы г. Чермака, доктора Ф.И. Кистера² и профессора А.В. Болдырева, один – частный пансион в Белгороде.

Лишь два человека, записавшиеся в студенты в 1823 г., учились до этого в Благородном пансионе. Конечно, сразу бросается в глаза существенная разница в числе поступивших из этого заведения в 1813–1817 и 1823 г.: если в первом случае пансионеры были самой многочисленной группой среди поступивших в университет, то теперь они исключение. Однако на самом деле удивление должна вызвать не малочисленность поступивших из Благородного пансиона в 1820-х, а скорее их наличие. Суть произошедших изменений объясняет обращение к императорскому указу от 14 февраля 1819 г., согласно которому «воспитанники, кончившие полный курс учения, в Пансионе преподаваемый, вступают в гражданскую службу, смотря по степени их успехов, с чинами от 14-го до 10-го класса включительно; а в военную на том основании, как Университетские Студенты, и происходят в высшие чины, не подвергаясь более испытаниям, которые определены Указом 6-го Августа 1809 года»³. Указ не

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 120. Д. 365. Л. 1.

² Федор Иванович Кистер (Kuster) (1772–1849) – педагог, уроженец Брауншвейга, доктор прав Московского университета, директор школы при евангелическо-лютеранской церкви, с 1819 г. содержатель одного из лучших в Москве пансионов (см.: Программа и отчет учебного заведения Ф. Кистер. М., 1837). Был также лектором немецкого языка в Московском университете.

³ Речь, разговор и стихи, произнесенные на публичном акте Университетского Благородного пансиона 1819 года Сентября 14-го дня. При сем Акте отчет Пансиона с 1817 по 1-е Июля 1819 года. С. 27.

только уравнивал выпускников Благородного пансиона со студентами, окончившими университет, но даже позволял превзойти их в правах на чин (ведь отличники, оканчивающие пансион, получили 10-й класс, а университетские студенты, выпускавшиеся со званием кандидата, – лишь 12-й). Именно поэтому после 1819 г. зачисление в университет после пансиона не приносило никаких преимуществ при прохождении службы и должно было являться чрезвычайной редкостью. В рассмотренном нами 1823 году по крайней мере один такой случай связан с особыми обстоятельствами. Речь идет о Павле Черепанове, сыне скончавшегося в этом году профессора всеобщей истории Н.Е. Черепанова, смерть которого, очевидно, и определила переход сына из пансиона в университет¹.

Отметим также среди поступивших нескольких выходцев из Московского коммерческого училища и Московского воспитательного дома. «Классическое отделение Московского Воспитательного Дома, по составу наук, действительно можно было назвать гимназией», и среди его учащихся был Григорий Ефимович Щуровский, будущий профессор геологии и минералогии Московского университета². Трое студентов до своего поступления обучались «на иждивении благотельницы Дарьи Николаевны госпожи Лопухиной»³, а Александр Венсович, сын покойного профессора Ивана Федоровича, получил образование в доме своего «благодетеля статского советника и кавалера г. профессора Матвея Яковлевича Мудрова». Один студент перевелся из Казанского и двое из Дерптского университетов. Среди последних Александр Осипович Армфельд, будущий доктор медицины, профессор Московского университета.

Кроме того, в период 1818–1825 гг. в студенты поступали учившиеся в Киевской духовной академии, Московской и Санкт-Петербургской медико-хирургических академиях. Некоторые до Московского университета прошли через несколько учебных заведений. Например, Иосиф Козлов в январе 1807 г. поступил в Орловское главное народное училище, по открытии в 1809 г.

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 120. Д. 402.

² См.: Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 649.

³ В ее частном училище учился Андрей Иванович Дельвиг, двоюродный брат поэта.

Орловской губернской гимназии учился в ней по 1 июля 1811 г., 22 августа того же года перешел в Московскую губернскую гимназию, а 25 августа 1815 г. стал студентом Московского университета.

В Московский университет с 1813 по 1825 г. переводились также студенты Виленского, Харьковского и Санкт-Петербургского университетов. Некоторые из них учились в Москве прежде. Так, например, Иван Вахнов, с 1809 г. бывший в числе казенных воспитанников Академической гимназии Московского университета, в 1812 г. «при вторжении неприятеля» выехал из Москвы, 14 ноября того же года поступил в Харьковский университет вольным слушателем, 21 августа 1813 г. был произведен в студенты, а в 1814 г. перевелся в Московский университет на медицинское отделение.

Зачисление в студенты. Вступительный экзамен

Как же происходила запись в университет и проверялись начальные знания будущего студента? Уже упоминалось, что в первые годы при переводах групп студентов в Московский университет из духовных училищ такая проверка отсутствовала и формализация записи студентов была сведена к минимуму (университет даже не вел тогда книг регистрации студентов – так называемых матрикулярных книг, или просто матрикул, характерных для любого европейского университета). Надлежащий уровень знаний гарантировался тогда тем, что студенты уже успешно проучились несколько лет в семинариях или академиях и, таким образом, обязаны были знать латинский язык, на котором читались большинство лекций в Московском университете в первые десятилетия его существования.

С рубежа 1750–1760-х гг., т.е. с началом производства в студенты лучших учеников университетской гимназии, в протоколах Конференции впервые появляется упоминание о регулярном проведении вступительного экзамена в студенты, совпадавшего по времени с другими экзаменами в гимназии и падавшего на вторую половину апреля (с 1762 г. – на июнь). Так, 22 апреля 1760 г. в протоколе значилось: «После экзамена в гимназии выбраны из казеннокоштных дворян 42 человека, ко-

торые могут оставаться в университете, прочие же уволены, по большей части – ленивые и неспособные к учению, но они могут посещать классы в качестве своекоштных. Между разночинцами оказалось 50 успевающих... На этот раз произведены в звание студентов четверо из казеннокоштных дворян (приводятся имена. – А.Ф.) и четверо разночинцев». Экзамен, видимо, был достаточно строгим, если всего из 42 успешно учившихся дворян и 50 разночинцев для производства в казеннокоштные студенты были выбраны только по четыре человека. К ним присоединили еще четырех дворян и двух разночинцев в качестве своекоштных студентов¹.

Традиционный порядок, который сложился во второй половине XVIII в. при проведении экзамена в университетской гимназии, по собственным воспоминаниям подробно излагает П. Илл. Страхов: «Учитель класса приводил всех учеников своим порядком попарно в большую аудиторию, где в переднем углу близ дверей библиотеки ставился накрытый красным сукном большой четырехугольный стол, за которым в креслах и спиною к библиотеке сидел Директор, с правой стороны от него сидел Инспектор, а кругом стола сидели Профессоры, приглашенные к тому Директором... Директор, приняв списки, передавал большой Инспектору, а сей, привстав с места своего, перекликал по этому списку по одиночке всех вообще учеников, отмечал не являвшихся; выкликнутые один за другим садились за столы... Остававшиеся на экзамене должны были при себе иметь только чистую бумагу и перья, тетрадей же и книг туда приносить не позволялось. Обыкновенно по перекличке выходил на середину залы Инспектор или по назначению Директора кто-либо другой из членов-экзаменаторов и громким явственным голосом диктовал общую для всех задачу... и каждый ученик должен был писать четким и чистым скорописным почерком и, подписав внизу свое имя и прозвание, подать за красный стол любому Профессору-экзаменатору или Инспектору, который просматривал написанное, замечал ошибки, расспрашивал, почему он написал одно так, а другое иначе, заставлял и еще тут же при себе писать что-нибудь... Если ученик оставался почему-нибудь недоволен

¹ См.: Документы и материалы... Т. 1. С. 169.

своим экзаменом у Профессора, то мог подойти к другому и еще просить себе экзамена, даже и после мог о том же просить у третьего Профессора, и ему не отказывали. При допущении такой свободы ученикам приступать к экзамену Университетское Начальство имело в виду сугубую пользу: оно тут могло видеть справедливость и пристрастие учителей и хорошо рассмотреть степень умственных способностей и нравственные наклонности ученика, и если примечало в нем признаки упрямой неосновательной настойчивости, своенравия, то здесь же на экзамене старалось кроткими и благоразумными советами исправить сии душевные недостатки¹.

О том, что подобный вступительный экзамен в 1770-х гг., когда университет ощущал заметный приток студентов, касался уже и тех из них, которые привозили свидетельства других училищ, сообщает М.И. Антоновский. Он так описывает свое поступление в Московский университет. Согласно «изъявленному письменному желанию умершего г. тайного советника, члена Иностранной Коллегии, Петра Васильевича Бакунина иметь при своих сыновьях Павле и Модесте (назначенных тогда к отправлению в чужие края для наук) из лучших Киевской Академии студентов гувернера или наставника», Антоновский был «удостоен от оной Академии в оное звание, когда ему еще было только 18-ть лет от рождения; но по встретившимся обстоятельствам не мог он отправиться с сими господами в звании наставника: ибо лучше пожелал, по всегдашней его охоте к наукам, в числе других четырех Киевской Академии студентов будучи призываем от Московского императорского университета, вступить яко достойный в студенты оною, в который 1779 года прибыл с аттестатом из Киевской Академии, отменно одобряющим его довольные успехи в изящных науках, прилежание и способность к оным немалые, как и честное поведение, соответственное рыцарскому его происхождению, и после довольно строгого экзамена в конференции сказанного университета пожалован шпагою, яко знаком студента университетского»².

¹ Страхов П.И. Краткая история. С. 18–20.

² Записки Михаила Ивановича Антоновского. С. 149.

Порядок и предметы вступительного экзамена не были строго определены, но, несомненно, главное место среди них во второй половине XVIII в. занимала проверка знания латинского языка. Так, Ф.П. Лубяновский вспоминал, как он приехал в Москву один в конце декабря 1792 г. и просил разрешения слушать лекции в Московском университете. «По правилам, сказано мне, – писал он, – без предварительного экзамена это не допускается. В назначенный впоследствии для экзамена день введен я в обширную конференц-залу с тронем и портретом императрицы под балдахинем. Профессоры, сидя за столом, рассуждали. Ректор (на самом деле директор университета. – А.Ф.), подозвав меня к себе, спросил, чему и где я учился, и благосклонно затем предоставил мне написать на латинском языке, что сам придумаю, о необходимости и пользе учения. “Изъясните нам вкратце, – говорил он мне, – ваши мысли об этом важном предмете”. Профессор Страхов, заметив, вероятно, что я струсил, сказал мне ласковое слово и указал комнату, где я, заключась от всего мира, должен был пройти сквозь огонь испытания. Собрался я с духом, написал, что мог и сумел, и предстал перед ареопаг. Ректор мне же поручил прочесть вслух и внятно написанное. Слушали со вниманием. Ректор, обратясь к собранию с довольным лицом, громко сказал *optime* [отлично, превосходно – лат.], и никий же осуди. Помню, как сердце мое в тот момент уж подлинно разыграло радостью. Единогласно положено выдать мне вид на профессорские лекции. Дверь храма наук мне отверзлась»¹. О похожем испытании вспоминал и принятый в студенты в 1790 г. И.Ф. Тимковский: его также экзаменовали по латинскому языку, и профессор А.А. Барсов был «грозен и суров для меня в приеме, когда я после *curriculum vitae* в данной теме изъяснил предпочтение латинского языка греческому»².

В уставе 1804 г. подтверждалась необходимость сдачи вступительного экзамена перед зачислением в студенты, хотя его программа по-прежнему не оговаривалась. Согласно п. 109 устава, «никто не может быть принят в Университет Студентом, не имея нужных познаний для слушания курсов, в Университете

¹ Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. С. 108.

² Тимковский И.Ф. Записки // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 38.

преподаваемых», а согласно п. 110, «желающий оными пользоваться должен представить Правлению Университета свидетельство о своем состоянии и свидетельство Директора Гимназии о поведении, прилежании и успехах в преподаваемых там Науках; прочие вне Гимназии обучавшиеся испытываемы быть должны в Комитете, от Ректора назначаемом, в языках и начальных основаниях нужных Наук, и со свидетельством, какое получают о знаниях, являются в Правление»¹.

Однако для начала XIX в. сохранились разноречивые сведения о том, был ли этот «экзамен в Комитете» в действительности проверкой знаний или сугубой формальностью. В условиях изменившегося социального состава студентов важную роль в том, получит ли юный дворянин звание студента (и связанные с этим права на чин 14-го класса!), начали играть сословные связи. Так, для бедного провинциального дворянина, не имевшего знакомств в столичной среде, каким был Е.Ф. Тимковский, экзамен, который он держал в 1806 г. вместе с воспитанниками Академической гимназии, был, по его воспоминаниям, довольно строгим². И в том же 1806 г. братья Александр и Владимир Лыкошины, представители богатой фамилии смоленских дворян, имевшие в Москве собственный дом и посещавшие впоследствии лекции вместе с гувернером, миновали вступительный экзамен без особых хлопот. Как вспоминал старший из братьев, Владимир, «в назначенный день съехались к нам к обеду профессора: Гейм, Баузе, Рейнгард, Маттеи и три или четыре других... За десертом и распивая кофе профессора были так любезны, что предложили Моберу (гувернеру Лыкошиных. – А.Ф.) сделать нам несколько вопросов; помню, что я довольно удачно отвечал, кто был Александр Македонский и как именуется столица Франции и т.п. Но брат Александр при первом сделанном ему вопросе заплакал. Этим кончился экзамен, по которому приняты мы были студентами, с правом носить шпигу; мне было 13, а брату 11 лет»³.

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 252.

² См.: Тимковский Е.Ф. Московский университет в 1805–1810 гг.: Из воспоминаний. С. 60.

³ Лыкошин В.И. Из записок // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 33.

Естественно, при наплыве в Московский университет в начале XIX в. слабо подготовленных студентов вновь встал вопрос об их способности понимать лекции профессоров, в особенности читающиеся на иностранных языках. Так, об учившемся в 1806–1812 гг. А.С. Грибоедове говорили, что он «почти один из русских был в состоянии следить за лекциями немецких профессоров, читавших по латыни»¹. Неудивительно, что именно знания латыни от студентов-дворян решили потребовать университетские профессора во время экзаменов летом 1812 г. Тогда воспитанников Благородного пансиона, среди которых был М.А. Дмитриев, постановили перед производством в студенты проэкзаменовывать по полной программе по латыни. Пансионские учителя, желая помочь студентам и избежать нареканий, заранее готовили к этому экзамену и заставили выучить наизусть одну из од Горация, которую экзаменующиеся и должны были затем перевести перед комиссией. Но во время экзамена случилась беда: как пишет Дмитриев, ректор И.А. Гейм, «видно, подзревал подготовку, вскочил в ярости с своих кресел, подбежал к Стопановскому (учителю из пансиона. – А.Ф.), вырвал у него из рук книгу и начал диктовать другую оду. Как сошел с рук этот перевод, не понимаю: вероятно, ему попала ода, тоже несколько нам известная, а понимать всего Горация а *livre ouvert* мы не могли! – Затем задали нам перевод с русской прозы на латинскую: и тут судьба помогла мне. Не знаю почему, мне вздумалось подать свой перевод профессору Черепанову. Добрый старик переправил его и сказал тихонько: “Перепишите, государь мой, да подайте Ивану Андреевичу”, то есть тому же ректору Гейму. – Я переписал и подал; Гейм подписал *orthème*; и слава Богу»². В результате и в этом году 20 пансионеров, т.е. вполне обычное их число, были произведены в студенты, несмотря на то что, видимо, не отвечали требованиям некоторых профессоров.

В дальнейшем новые попытки ужесточить требования к поступающим пришлось отложить: после пожара 1812 г. принципиально важным для Московского университета было просто набрать студентов в количестве, достаточном для начала чтения

¹ Там же. С. 338

² *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 77.

лекций. Д.Н. Свербеев вспоминал, что поступил в студенты в 1813 г. чрезвычайно легко: «нисколько не подготовившись к слушанию университетских лекций», он был «допущен в университет без всякого экзамена», и даже «грозный ректор» И.А. Гейм, взглянув на него и удивившись «нежной юности» поступающего (Свербееву было тогда 14 лет), лишь покачал головой¹. Правда, как показывает рассмотрение личного дела Свербеева в архиве Московского университета, в 1813 г. он приступил к лекциям лишь в звании «вольного слушателя», а в студенты был произведен 20 марта 1814 г. после «испытания», произведенного профессорами².

Естественно, шедший в университет после принятия устава 1804 г. процесс законодательного оформления вступительного экзамена и строгого определения требований, предъявляемых к поступающим в студенты, несколько задержался из-за последствий разорения 1812 г. и был завершён в 1817 г. В этом году попечитель А.П. Оболенский утвердил положение о вступительных экзаменах в университет, согласно которому требовалось «производить в студенты тех токмо, которые знают Арифметику, главные основания Всеобщей и Отечественной Истории, логики и риторики и правила российского и латинского языка, вменяя хотя не в обязанность, но в похвалу и одобрение знание иностранных языков»³. Это положение действовало вплоть до начала нового этапа университетских реформ 1830-х гг. В то же время, как видно из предыдущего параграфа, все большее количество будущих студентов в 1820–1830-е гг. могли представить свидетельства об окончании гимназий, что позволило в последующем С.С. Уварову сделать акцент именно на выпускников гимназий и приравнять требования вступительного экзамена в университет к выпускному гимназическому.

Возраст студентов, зачисляемых в университет

Насколько же в действительности юными или, напротив, зрелыми и умудренными для дальнейшего постижения наук являлись будущие студенты при своем поступлении в Московский

¹ См.: *Свербеев Д.Н.* Из воспоминаний. С. 64.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 110. Д. 421. Л. 4.

³ Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3133. Л. 4.

университет? Точный ответ значительно затруднен вследствие несовершенства наших источниковых данных. Прежде всего, при отсутствии архива за вторую половину XVIII – первое десятилетие XIX в. мы в наших реконструированных списках студентов можем установить год их рождения (и соответственно возраст на момент поступления) только при наличии каких-либо дополнительных сведений. Такие данные есть, во-первых, в сохранившихся в РГАДА ведомостях об успехах студентов, учившихся в университете в 1764–1768 гг., здесь наряду с другой информацией приводится возраст студентов. Во-вторых, год рождения известен у тех студентов, которые впоследствии стали писателями, переводчиками, военными, государственными и общественными деятелями, так что студенческие списки можно дополнить данными, взятыми из биографических словарей. Всего для «допожарного» университета таким способом удалось разыскать сведения о возрасте 248 студентов, однако вопрос, насколько репрезентативной является такая выборка, остается открытым. Поэтому в приводимых ниже данных важны не столько общие показатели, значения которых в действительности могут колебаться вплоть до нескольких процентов, сколько те исторические тенденции, которые стоят за цифрами.

Чтобы лучше проследить эти тенденции и их изменения с течением времени, данные о возрасте студентов второй половины XVIII – начала XIX в. целесообразно разделить на две хронологические группы.

Таблица 4.

Возраст студентов, поступивших в Московский университет в 1755–1812 гг.

Возраст	1755–1803		1804–1812	
	Кол-во студентов	Доля	Кол-во студентов	Доля
Менее 15 лет	13	6 %	9	21 %
15 лет	19	9 %	9	21 %
16 лет	23	11 %	6	14 %
17 лет	35	17 %	5	12 %
18 лет	31	15 %	9	21 %
19 лет	31	15 %	1	2 %
20 лет	17	8 %	1	2 %
Старше 20 лет	37	18 %	2	5 %
Общий итог	206	100 %	42	100 %

Из таблицы видно, во-первых, что большинство студентов при поступлении в Московский университет имело возраст от 15 до 19 лет. Абсолютный рекорд для второй половины XVIII в. зафиксирован в случае с Евгением Сырейчиковым (в будущем преподавателем университетской гимназии, получившим там звание экстраординарного профессора философии): он был произведен в студенты из гимназии в возрасте 11 лет в 1768 г., когда студенческий состав был значительно ослаблен после изъятия нескольких десятков человек для канцелярской работы в Уложенной комиссии¹. В начале XIX в. такие случаи встречались несколько чаще: в 11 лет поступил в студенты университета Александр Лыкошин (он уже упоминался в книге) и, по-видимому, А.С. Грибоедов, его товарищ (если допустить более позднюю из двух возможных дат рождения писателя). Причем Грибоедов в 13 лет уже окончил словесное отделение университета со степенью кандидата, а в дальнейшем продолжал слушать лекции на этико-политическом отделении².

Во-вторых, при сравнении двух групп оказывается, что студенты второй половины XVIII в. в целом поступали в университет в более старшем возрасте, чем студенты начала XIX в. после принятия устава 1804 г. Так, 13–14-летние студенты в доустановный период были все-таки редким исключением, а из числа студентов 1804–1812 гг., возраст которых нами установлен, 14-летних оказалось 6 человек, т.е. столько же, сколько тогда было 16-летних. В целом доля студентов, которым на момент поступления исполнилось 13, 14 или 15 лет, в 1804–1812 гг. составила 42 %, тогда как в 1755–1803 гг. – лишь 15 %. Можно также заметить, что наиболее типичный возраст для студентов второй половины XVIII в. равнялся 17–19 годам, тогда как в 1804–1812 гг. 19- и 20-летних встретилось лишь по одному человеку.

О наличии такого явления, как уменьшение возраста студентов в начале XIX в., свидетельствуют строки из так называемой «Жалобной песни московских студентов», датированной как раз этим временем: в ней ректора Х.А. Чеботарева (возглавлявшего

¹ РГАДА. Ф. 17. Д. 41. Л. 63 об.

² См.: Андреев А.Ю. Грибоедов в Московском университете // А.С. Грибоедов: Хмелитский сборник. Смоленск, 1998. Вып. 1. С. 257–258.

университет в 1803–1805 гг.) упрекают в том, что «мальчиков в семь лет студентами творит»¹. Очевидны социальные причины этого явления. Именно устав 1804 г., закрепивший за званием студента университета права на чин 14-го класса, стимулировал дворянские семьи к тому, чтобы стремиться отдать своих детей в студенты как можно раньше и тем самым обеспечить им быстрый старт по лестнице чинов для дальнейшего прохождения службы (явление родственное тому, как в XVIII в. дворянские дети с младенчества числились в полках).

То, что при зачислении в университет в начале XIX в. в дворянских семьях ценилось прежде всего *звание* студента, а не приобретенная тем самым возможность постигать науки, прекрасно передает дневник С.П. Жихарева. «Звание мое не безделица и порадует моих домашних, – пишет он, ставший студентом в 1805 г. в 16 лет. – Правду сказать, если б кто шесть месяцев назад вздумал предрекать мне, что в нынешний новый год я поеду поздравлять родных и знакомых моих в синем мундире с малиновым воротником и при шпаге, я бы принял это за обидную насмешку. Однако ж это сбылось». И дальше Жихарев тут же переходит к описанию разговоров с его родными и покровителями из числа сановного московского дворянства, которые целиком посвящены перспективам дальнейшей службы, а вовсе не учебе: «Предчувствую, что недолго слушать мне добрых моих профессоров. Отец, обрадовавшись моему 14 классу, торопит службою»².

Таким образом, «омоложение» студенчества Московского университета в начале XIX в. связано с притоком в студенты молодых дворян и соответственно уменьшением доли студентов, происходивших из духовного и других недворянских сословий, которые преобладали во второй половине XVIII в. и для которых как раз было свойственно начало университетской учебы по окончании университетской гимназии или духовных семинарий в возрасте 17–19 лет.

Этот вывод подтверждается и детальным рассмотрением возрастной структуры поступающих студентов в «послепожар-

¹ Русский архив. 1886. № 3. С. 388.

² Жихарев С.П. Дневник студента // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 53, 55.

ном» университете. Хотя здесь мы уже опираемся на дела университетского архива, однако вынуждены констатировать, что их информация не является полной. В своих прошениях о зачислении в университет будущие студенты указывали возраст далеко не всегда, т.е. и в приведенной ниже таблице приходится иметь дело с выборкой, не претендующей на абсолютную точность цифр.

Таблица 5.

Возраст студентов, поступивших в Московский университет в 1813–1823 гг.

Возраст	1813–1817		1823	
	Кол-во студентов	Доля	Кол-во студентов	Доля
Менее 15 лет	9	9%	0	0%
15 лет	15	15 %	3	4 %
16 лет	30	31 %	29	35 %
17 лет	20	20 %	24	29 %
18 лет	5	5 %	11	13 %
19 лет	8	8 %	6	7 %
20 лет	2	2 %	7	8 %
Старше 20 лет	9	9 %	3	4 %
Общий итог	98	100 %	83	100 %

Общую картину возрастного состава студенчества 1810-х гг. хорошо передает Д.Н. Свербеев: «В наше время можно было разделить студентов на два поколения: на гимназистов и особенно семинаристов, уже бривших бороды, и на нас, аристократов, у которых не было и пушка на губах. Первые учились действительно, мы баловались и проказничали»¹. В самом деле, судя по проанализированным архивным делам, категорию студентов старше 19 лет в подавляющем большинстве составляли выходцы из духовных учебных заведений. Самым великовозрастным, поступившим в 1813 г. в своекоштные студенты Московского университета из Тульской семинарии, имея от роду 30 лет, был Андрей Глаголев, сын местного священника². Впрочем, бывали

¹ Свербеев Д.Н. Из воспоминаний. С. 65.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 109. Д. 293. Л. 2.

исключения и среди студентов-дворян, таких, как Готлиб Богданович Геско, поступивший в своекоштные студенты в 1823 г. в возрасте 26 лет¹.

Все же большинство дворян поступало в более раннем возрасте: как видно из таблицы, доля 14-, 15- и 16-летних студентов в 1813–1817 гг. еще была достаточно велика. Продолжали встречаться в эти годы как исключения и примеры более раннего поступления: так, Александр Мухин, сын профессора Московского университета Е.О. Мухина, учившийся в Благородном пансионе, в 1818 г., будучи неполных 13 лет, был зачислен на словесное отделение Московского университета, которое окончил в 1821 г. действительным студентом².

Желание как-то нормализовать ситуацию с возрастом студентов и ввести ее в строгие подзаконные рамки вызвало к жизни распоряжение Министерства народного просвещения от 29 января 1820 г. «О правилах допущения к слушанию университетских лекций», согласно которому впервые были введены возрастные ограничения для поступающих. Указывалось, что «никто не должен быть принят в студенты моложе 17 лет, за исключением особо уважительных случаев», а кроме того, подчеркивалось обязательное знание поступающими латыни (что в Московском университете пытались соблюдать без особого успеха с начала 1810-х гг.). Также выставлялось требование, чтобы «никто из учеников подведомственных университету учебных заведений не был принят в вольные студенты, если не окончил еще всего курса наук, в оных определенных»³. Последняя норма позднее, в 1831 г., помогла лучше мотивировать введение возрастного ограничения: ведь «хотя в уставе университета и не определено лет возраста для поступления в студенты», но поскольку в гимназию не принимали моложе десяти лет, а срок гимназической учебы составлял семь лет, то «ученик, кончивший курс в гимназии, не может поступать в университет моложе 17 лет, и с сим надлежит сообразовываться и относительно принимаемых в университет молодых людей, получивших частное воспитание»⁴.

¹ Там же. Оп. 120. Д. 321. Л. 2.

² Там же. Оп. 115. Д. 298.

³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 405.

⁴ Там же. С. 764.

Таблица 5 с данными о возрастном составе студентов в 1823 г. позволяет судить, насколько удалось достичь целей, преследуемых министерством. Обращает на себя внимание, что, в отличие от периода 1813–1817 гг., среди принятых в университет полностью отсутствуют юноши моложе 15 лет: в этом смысле производство «мальчиков» в студенты удалось прекратить. Редким исключением стали и 15-летние студенты. Однако 16-летние остались, и притом в довольно большом количестве, что, очевидно, отражало давление на университетских профессоров со стороны дворянского общества.

Как могло проходить зачисление в студенты не достигших положенного возраста молодых дворян после 1820 г., описывает А.Д. Галахов. «По уставу, – вспоминал он, – я не имел права на поступление в университет: мне еще не было шестнадцати лет. Боясь помехи со стороны начальства, если б оно захотело в точности следовать постановлениям, отец выпросил у директора гимназии рекомендательное письмо к ректору университета, Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому. И вот с этим письмом явился я к нему в сентябре 1822 г. Прочитав его и просмотрев мой аттестат, он сказал мне: “Аттестат твой очень хорош, директор хвалит тебя, как прилежного юношу, и потому можешь подать прошение, хотя тебе и недостает трех месяцев до положенного возраста”. Слова эти свалили гору с моих плеч»¹. В этом отрывке помимо снисходительности ректора и желания отца Галахова добиться более раннего зачисления своего сына обращает внимание и то, как именно трактовали в Московском университете ограничение в 17 лет: речь шла не о *семнадцати полных годах*, но о том, чтобы поступающему в студенты *шел семнадцатый год*.

Срок учебы студентов. Организация преподавания

Согласно п. 22 «Проекта об учреждении Московского университета» срок учебы студентов был установлен в три года, «в которое время каждый студент все предлагаемые во оном

¹ Галахов А.Д. Записки человека. С. 72.

науки, или по крайней мере те, которые могут ему служить к будущим его намерениям, способно окончить может». Причем подчеркивалось, что нельзя «прежде того срока никого против его воли и желания от наук не отлучать и к службе не принуждать»¹. Законодательство подразумевало, таким образом, что в течение по крайней мере трех лет студенты университета могут пользоваться слушанием любых лекций, выбирая те из них, что «служат к будущим намерениям». Неявно заключенный в этих словах принцип «свободы обучения» роднил Московский университет с европейскими, например немецкими, университетами эпохи Просвещения.

Однако на деле во второй половине XVIII в. в Московском университете постепенно начала складываться несколько иная система преподавания. Первые студенты (речь идет о присланных в мае 1755 г. из Славяно-греко-латинской академии Семене Зыбелине, Петре Вениаминове и их товарищах) действительно провели в университете ровно три года, во время которых в полном соответствии с буквой проекта слушали «все предлагаемые во оном науки»: российское и латинское красноречие, арифметику, геометрию, логику, метафизику, нравственную философию, естественное и международное право, всеобщую историю, языки². Обращает на себя внимание отсутствие всякой специализации у первых студентов (хотя будущие профессора Зыбелин и Вениаминов, из рапорта которых мы и узнаём о прослушанных предметах, впоследствии стали медиками). Речь пока шла об общей подготовке студентов, и неудивительно, что для дальнейшего освоения избранных специальностей они были отправлены потом «доучиваться» в университеты Западной Европы. Такой факт вовсе не умаляет уровень Московского университета, но вполне понятен, учитывая, что система преподавания в Москве находилась еще на стадии зарождения.

До 1758 г. лекции в университете не делились по факультетам. С начала второго семестра 1758 г. в опубликованных «Объявлениях о публичных лекциях» впервые зафиксировано разделение занятий в университете по юридическому, медицинскому

¹ ПСЗ. Т. 14. № 10346.

² См.: Документы и материалы... Т. 2. С. 172.

и философскому факультетам, что открывало возможность для дальнейшей специализации студентов. Так, сообщалось, что прибывший в том же году новый профессор И.Х. Керштенс «для приуготовления тех, кои Медицине обучаться желают, в особливо для Математических, Физических и Медических лекций учрежденной аудитории преподавать имеет Физику Теоретическую и Экспериментальную»¹.

С возникновением специализированных факультетских лекций увеличился и срок учебы студентов. Иван Сибирский, будущий профессор химии Московского университета, поступил в 1764 г. в своекоштные студенты, а в 1768 г. был зачислен в казеннокоштные студенты медицинского факультета, который окончил в 1770 г., проведя в университете, таким образом, шесть лет². Схожим образом сложилась в 1760-х гг. университетская учеба Алексея Артемьева и Ивана Борзова: оба они начали ее как своекоштные студенты (Артемьев – в 1764-м, а Борзов – в 1765-м), в 1767 г. были переведены в казеннокоштные студенты по юридическому факультету и завершили учебу летом 1770 г. Причем, как сказано в рапорте исполнявшего тогда обязанности директора университета И.И. Тейльса, «не только предписанное в 22 статье апробованного об университете Проекта трехлетнее время, но и гораздо более студентами были и разные курсы в философическом и юридическом факультетах окончили»³.

Сибирский, Артемьев и Борзов, по сути, были первыми «выпускниками» Московского университета, в том смысле что, как сообщал в том же рапорте Тейльс, прослушали все полагающиеся науки факультета, а «некоторые в оном курсы неоднократно повторяли». Эти примеры показывают, что для фактического окончания университета тогда требовалось не менее шести лет. И действительно, такая длительность учебы официально утвердилась в конце 1760-х гг. в результате нескольких распоряжений куратора и решений Конференции. На заседании Конференции 26 июня 1766 г. «по приказанию его превосходительства

¹ Реэстр публичных лекций, которые в Императорском Московском университете Августа с 13 дня 1758 г. продолжаться имеют. М., 1758. С. 1.

² РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41. Л. 48; См. также: Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 334.

³ Документы и материалы... Т. 3. С. 397.

г. куратора (В.Е. Адодурова. – А.Ф.) профессора совещались относительно учеников, которых следует перевести в университет на ближайшем торжественном акте 30 числа сего месяца, и постановили: необходимо, чтобы упомянутые студенты пробыли на философском факультете три года и не ранее, чем по истечении этого срока были переведены на прочие факультеты, исходя из того, что философский курс может быть пройден самое меньшее в этот период времени»¹.

Это распоряжение вводило принципиально иной по сравнению с проектом 1755 г. ход учебы студентов в Московском университете: если раньше все факультеты трактовались как равные, то теперь философский приобретал значение подготовительного, изучение предметов которого *предшествовало* началу обучения на «высших» факультетах – юридическом и медицинском. Статусом подготовительного философский факультет обладал в средневековых университетах, тогда как в эпоху Просвещения его науки сравнивались с науками других факультетов и даже по своему значению выходили вперед, поэтому в данном распоряжении Конференции сказались традиции «старых» университетских корпораций, перенесенные в Москву немецкими профессорами. Этот порядок поддержал и куратор В.Е. Адодуров, что проявилось уже в следующем, 1767 г., когда университет вынужден был отдать большую часть своих студентов для нужд Уложенной комиссии и просил куратора разрешить перевести на высшие факультеты тех студентов, которые уже один год «занимались философскими предметами», но куратор этого не разрешил². Окончательно срок учебы студентов был зафиксирован постановлением Конференции от 25 июня 1769 г.: время, которое студенты должны были «употребить на изучение различных дисциплин», на юридическом факультете устанавливалось в три, а на медицинском – в четыре года³. Это соответствовало полному курсу в шесть лет для юристов и семь лет для медиков.

В реальности продолжительность обучения могла быть даже и более продолжительной, но зачастую и более краткой (в таком

¹ Там же. Т. 2. С. 263.

² См. там же. Т. 3. С. 86.

³ См. там же. С. 210.

случае студенты, очевидно, не оканчивали университета). Для периода от основания университета до принятия устава 1804 г. длительность обучения удалось определить у 219 студентов. Результат представлен в следующей таблице.

Таблица 6.

Продолжительность обучения студентов | в Московском университете в 1759–1803 гг.

Длительность учебы	Кол-во студентов	Доля
Менее 1 года	5	2 %
1 год	31	14 %
2 года	35	16 %
3 года	53	24 %
4 года	37	17 %
5 лет	21	10 %
6 лет	13	6 %
Более 6 лет	22	10 %
Общий итог	219	100 %

Как видно из таблицы, лишь 16 %, т.е. примерно один из шести поступавших во второй половине XVIII в. студентов, обучались шесть и более лет и могли претендовать на то, что полностью окончили курс. Большая же часть студентов (в сумме свыше 80 %) проводили в университете от одного до пяти лет. Лишь немногие выбывали сразу после начала обучения (что говорит о достаточно высоком качестве отбора на вступительных экзаменах). Встречались, но довольно редко и случаи очень длительной учебы. Скажем, медик, в будущем профессор анатомии и судебной медицины Московского университета Иван Венсович провел на студенческих скамьях десять лет – с 1787 по 1797 г., – прежде чем получил звание кандидата медицины, соответствующее выпускнику (причем до этого успел позаниматься и юридическими науками)¹. Его товарищ по факультету Максим Успенский, произведенный в студенты в 1791 г., провел в университете столько же времени, т.е. десять лет, и окончил курс с представлением диссертации в 1801 г., после чего был пос-

¹ См.: Биографический словарь профессоров... Т. 1. С. 154.

лан продолжать учебу в Германию, в знаменитый Геттингенский университет, где также провел немало времени¹. Последний случай, как кажется, близок к типу «вечного студента», встречавшегося в европейских университетах той эпохи.

Со складыванием новой, ориентированной на длительное пребывание в университете системы преподавания утрачивала смысл для студентов и «свобода обучения». Дело в том, что профессора начиная с рубежа 1760–1770-х гг. и до начала XIX в. не просто объявляли свои курсы по собственному желанию, но располагали лекции в определенном порядке, иногда обмениваясь предметами друг с другом.

На материале «Объявлений о публичных учениях в Московском университете» этот факт впервые отметили А.М. Сточик и С.Н. Затравкин². Они выделили на медицинском факультете четыре профессорских курса, а с 1790 г. – пять: химия и практическая медицина, анатомия и хирургия, натуральная история, теоретическая медицина, акушерство. Каждый из курсов охватывал три года и сочетал в себе несколько предметов, читавшихся в строгом порядке друг за другом. Так, например, С.Г. Зыбелин в 1770–1790-х гг. вел курс химии и практической медицины таким образом, что в один из годов начинал обучать химии, на следующий год переходил к изучению «силы простых лекарств» и фармацевтики, на третий год читал «правила медицины практической», а затем вновь переходил к химии и повторял весь цикл. Курс «теоретической медицины», читавшийся сначала Зыбелиным, затем И.А. Сибирским, а с 1777 г. М.А. Скиаданом, включал в первом году физиологию, изучение которой продолжалось в первом семестре второго года, а оставшиеся три семестра трехгодичного цикла посвящались патологии и «прочим частям теоретической медицины»: гигиене, семиотике, терапии. С помощью такой организации преподавания «на протяжении... 40 лет последовательность изложения отдельных предметов в пределах каждого из курсов не менялась»³. Соответственно прием и выпуск студентов медицинского факульте-

¹ См.: Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 135.

² См.: Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. С. 244–249.

³ Там же. С. 245.

та также происходили раз в три года (лишь один раз, с 1789/90 по 1792/93 учебный год на факультете случился четырехлетний цикл в связи с выделением в самостоятельный курс акушерства). Студент, пропустивший предмет в одном из семестров, мог его «наверстать» лишь в следующем цикле, через три года: понятно, что в таких условиях «свобода обучения», т.е. возможность выбора студентами предметов для изучения в конкретном году, оказывалась невозможной.

Подходя с помощью той же методики, что применили Сточик и Затравкин, к анализу организации лекций на юридическом факультете, мы находим и здесь существование трехлетних циклов из ряда предметов (материалами для анализа здесь послужили «Объявления» о лекциях за 1760–1790-е гг.). В конце 1760-х – первой половине 1770-х гг. профессор К.Г. Лангер последовательно в течение трех лет сменял чтение предметов: естественного права, политики и народного права. Профессор Ф.Г. Дильтей читал в первый год лекции по «универсальной положительной юриспруденции», во второй год – по вексельному праву, в третий год объяснял военное, морское право, историю российского права, а также «книги Пандектов, содержащие уголовное право применительно к русским законам», после чего вновь возвращался к «универсальной положительной юриспруденции». Впрочем, циклические курсы на юридическом факультете не приобрели такой устойчивости, как на медицинском, по видимому из-за того, что профессора-юристы чаще сменялись. К тому же к концу XVIII в. их стало не хватать, и ведущий в 90-х гг. профессор юридического факультета И.М. Шаден был вынужден объединить курс юридических дисциплин с читавшейся им ранее на философском факультете нравственной философией. В результате появился огромный цикл, состоявший из нравственной философии (или «науки образования нравственности и совести, яко основания всех узаконений и наблюдения оных»), естественного права («правил всякого законодательства»), затем «всеобщего права публичного, народного и приватного» и, наконец, политики («науки о правлении государства»). Данный цикл тянулся четыре или даже пять лет в зависимости от того, как скоро Шаден проходил нравственную философию и естественное право. В то же время другие профессора 1790-х гг. на

юридическом факультете, по-видимому, не встраивались в этот цикл: И. Пургольд, а затем Ф.Г. Баузе из года в год читали римское право по «Юстиниановым институциям» (хотя из «Объявлений» не всегда ясно, повторяли ли они одни и те же лекции или переходили в новом учебном году от толкования «первой книги институций» ко второй и так далее). Один и тот же курс вел и преподаватель «практического законоведения» З.А. Горюшкин: начиная с 1786 г. он разъяснял «сочинение всех бумаг, относящихся до судебных дел, и порядок производства самих дел».

Обратившись же к анализу лекций философского факультета, мы, напротив, не обнаружили здесь циклов, и это неудивительно: зачисление на факультет происходило каждый год, и необходимо было обеспечить возможность студентам регулярно получать знания по всем основным предметам. Поэтому профессора вели здесь одногодичные курсы, давая студентам некоторый простор для выбора, хотя сам набор обязательных предметов был устойчивым и, лишь прослушав все из них, можно было переходить к лекциям других факультетов. В 1790-х гг. к таким предметам относились российское и латинское красноречие, логика и метафизика, всеобщая история, опытная физика, механика и начала астрономии, натуральная история (т.е. обзор «трех царств природы»: растений, животных и ископаемых).

Одним из главных изменений, достигнутых в уставе 1804 г. по отношению к преподаванию в Московском университете, стало возвращение представления о равноправии факультетов. К тому же, согласно новому делению университета на отделения словесных наук, нравственных и политических наук, физико-математических наук и врачебных познаний, ни одна из названных структур не являлась преемником прежнего философского факультета, а потому не могла рассматриваться как przygotowательная. Это означало, что студенты каждый год имели возможность зачисляться на любой из факультетов или покидать его, откуда вытекала необходимость в течение года прочитывать весь набор предметов факультета и, следовательно, невозможность продолжения циклических курсов, как в XVIII в. Согласно уставу, прослушать полностью все курсы одного факультета студенты могли за три года (для словесного, нравственно-поли-

тического и физико-математического отделений) или за четыре года (для медицинского отделения)¹.

Тем не менее и в уставе 1804 г. сохранялось представление о «подготовительных науках». В п. 112 говорилось, что «между науками, в Университете преподаваемыми, находятся такие, которым необходимо должны учиться все желающие полезными быть себе и Отечеству, какой бы образ жизни и какую службу ни избрали», а потому только тот «может перейти в Отделение наук, соответствующих будущему состоянию, кто прослушал Науки Подготовительные»². Необходимость такого подготовительного курса сохранялась в XIX в., тем более что значение университетской гимназии упало, ректорский класс исчез, а выпускники губернских гимназий часто оказывались не подготовленными к слушанию университетских лекций. «Гимназический аттестат, – вспоминал А.Д. Галахов, – не всегда верно указывал меру надлежащей подготовки к слушанию профессорских лекций»³.

Однако в первые годы после принятия устава прохождение курса «подготовительных наук» никак не было формализовано, что позволяло студентам слушать лекции сразу на нескольких отделениях. Так, для большинства студентов начала XIX в. из яркой плеяды молодых дворян, будущих декабристов И.Д. Якушкина, П.Я. Чаадаева, Н.М. Муравьева и др., вопрос, на каком отделении они учились, имеет лишь относительный смысл. Все они слушали лекции ведущих профессоров, относившихся к словесному, нравственно-политическому и физико-математическому отделениям (по понятным причинам обходя лишь медицинский факультет)⁴. Так, С.П. Жихарев, учившийся в 1805–1806 гг., посещал лекции по физике, натуральной истории, философии, статистике, эстетике, чистой математике, истории, российскому праву, теории законов, теории поэзии, приложению алгебры к геометрии на русском языке; истории натуральной и сравнительной анатомии, естественному и народному праву, химии, нравственной философии и астрономии на французском; высо-

¹ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 239.

² Там же. С. 241.

³ Галахов А.Д. Указ. соч. С. 73.

⁴ См.: Андреев А.Ю. Московский университет... С. 217.

кой геометрии, ботанике и немецкой литературе на немецком¹. Якушкин, учившийся в 1808–1811 гг., вспоминал, что «в студенты был произведен... в Московский университет по факультету словесности, а впрочем, никаким предметом в особенности не занимался»². Он слушал лекции по российской словесности, всемирной и российской истории, эстетике, «теории законов и прав знатнейших народов», «военным наукам», статистике, чистой математике и физике. Сохранившаяся до наших дней Книга регистрации студентов и слушателей Московского университета за 1810–1815 гг.³ подтверждает ту же картину: значительное количество студентов, отмечаясь в книге, записывались на лекции профессоров нескольких факультетов.

Сам процесс выбора прекрасно поясняет в своих мемуарах М.А. Дмитриев. «Не знаю, – пишет он, – обязаны ли были в наше время казенные студенты принадлежать к какому-нибудь факультету, кроме медицинского, который всегда стоял особняком, но мы, своекоштные, могли выбирать предметы разных наук по своему усмотрению. По большей части в этом выборе мы руководствовались указом 1809 года, то есть слушали необходимо те лекции, которые требовались для получения коллежского асессорства, а другие выбирали уже по собственной склонности к той или другой науке. Это представляло большую выгоду в отношении к просвещению вообще. Менее выходило специалистов, но более людей образованных»⁴. Сам Дмитриев слушал лекции по словесности, церковнославянскому языку, эстетике, теории изящных искусств, археологии и русской истории, метафизике, естественному праву, теории законов, римскому праву и истории римского права, практическому законоискусству, теории русских законов, всеобщей истории, статистике, политической экономии, физике и немецкому языку. «Таким образом, – писал он, – я составил курс моего учения из предметов, принадлежащих к трем факультетам. – Одни удовлетворяли требованиям указа 1809 года; другие – кругу знаний, необходимых для литературного образования, к которому я всегда чувствовал непреодолимое влечение. – Само собою разумеется, что все эти предметы

¹ См.: Жихарев С.П. Указ. соч. С. 74.

² Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 468.

³ Хранится в ОРК НБ МГУ, 5 Тз 335.

⁴ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 111.

я слушал не вдруг, а разделил их на все годы полного курса, начав или с самонужнейших, или с легчайших»¹.

В соответствии с изменившимся характером обучения студентов после введения устава 1804 г. поменялось и их распределение по срокам учебы. Для студентов, поступивших в 1804–1812 гг., оно представлено в следующей таблице (в ней в силу отсутствия архива использованы лишь данные о тех студентах, время окончания учебы которых удалось установить по другим источникам).

Таблица 7.

**Продолжительность обучения студентов
в Московском университете в 1804–1812 гг.**

Длительность учебы	Кол-во студентов	Доля
Менее 1 года	2	2 %
1 год	12	11 %
2 года	26	24 %
3 года	27	25 %
4 года	17	16 %
5 лет	9	8 %
6 лет	8	7 %
Более 6 лет	6	6 %
Общий итог	107	100 %

Из сравнения этой таблицы с предыдущей заметно, что в новую эпоху срок учебы студентов сократился. По крайней мере, полностью исчезли случаи пребывания в университете по десять лет (лишь в одном случае студент, поступивший в 1812 г., числился в университете восемь лет, что, очевидно, связано с Отечественной войной, и в пяти случаях студенты учились по семь лет, притом у четырех из них в этот срок также вошел период войны). А.С. Грибоедов провел в университете шесть лет – с 1806 по 1812 г. (правда, у нас нет точных сведений, учился ли он здесь с 1808 по 1810 г.) В 1808 г. Грибоедов получил степень кандидата на словесном факультете (в возрасте лишь 13 лет!), т.е. он провел там лишь два года, причем в том возрасте, когда, скорее

¹ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 112.

всего, не мог в полной мере воспринимать преподаваемые науки. Неудивительно, что в 1810 г. мы вновь видим его имя в Книги регистрации студентов, где Грибоедов записался на лекции профессоров нравственно-политического отделения¹. Его пример показывает, что окончить факультет, получив в нем степень кандидата, в первые годы после принятия устава 1804 г. можно было и за два года, а многие молодые дворяне, не получив этой степени, поступали после двух лет слушания лекций в действительную службу в 14-м классе (как, например, П.Я. Чаадаев и И.Д. Якушкин). М.П. Третьяков напрямую связывает такую практику молодых дворян с новым уставом: «...прослушав год, а много два профессорские лекции, они получали без экзамена студентские аттестаты с правом на чин 14-го класса, ибо тогда не было еще издано особенных правил, по которым назначался срок для производства по экзамену в ученые степени»².

Всего же около половины студентов провели в университете от двух до трех лет (для второй половины XVIII в. этот показатель равен 40 %) и 21 % – свыше четырех лет (для второй половины XVIII в. – 26 %).

После 1813 г. в связи с общей тенденцией к нормативному упорядочению поступления и выхода студентов из университета сроки учебы, предписанные уставом, начинают выдерживаться более жестко. Важной вехой на пути предотвращения досрочного выхода студентов из университета явилось введение степени «действительного студента», которая с 1819 г. только и давала право на чин 14-го класса и для получения которой необходимо было непрерывно слушать лекции в течение трех лет³.

Эта реформа серьезным образом сказалась на судьбе Ф.И. Тютчева. Дело в том, что он начал посещать лекции Московского университета в 1816 г. в возрасте лишь 13 лет, но был при этом записан не в студенты (против раннего приема в которые, как мы видели, тогда уже накапливались возражения у университетских профессоров и в министерстве), а в вольные слу-

¹ См.: Андреев А.Ю. Московский университет.... С. 211.

² Третьяков М.П. Императорский Московский Университет в 1799–1830 гг. // Русская старина. 1892. № .

³ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 1135–1136.

шатели. Лишь в сентябре 1819 г., когда ему исполнилось 16 лет, Тютчев подал прошение о зачислении в своекоштные студенты и был принят туда после сдачи вступительного экзамена. Однако уже на следующий год он ходатайствовал о разрешении ему выдержать «испытание для получения степени действительного студента», объясняя это тем, что уже три года «до поступления в студенты» посещал лекции в качестве слушателя. Попечитель кн. А.П. Оболенский поддержал просьбу юноши, а министр кн. А.Н. Голицын разрешил экзамен, но впредь подобные просьбы запретил, чтобы не дать повода «к послаблению общих правил» и чтобы «склонять вольных слушателей скорее записываться в число студентов, чем всякое сомнение прекратится и по имеющемуся за таковыми надзору большее число молодых людей будет выслушивать весь курс и приобретать все нужные познания»¹.

На вопрос, сколько именно лет учились студенты с 1813 по 1825 г., дает ответ следующая таблица, составленная по архивным данным.

Таблица 8.

**Продолжительность обучения студентов
в Московском университете в 1813–1825 гг.**

Длительность учебы	Кол-во студентов	Доля
Менее 1 года	39	5 %
1 год	18	2 %
2 года	53	6 %
3 года	376	45 %
4 года	207	25 %
5 лет	94	11 %
6 лет	25	3 %
Более 6 лет	19	2 %
Общий итог	831	100%

Из таблицы видно, что подавляющее большинство студентов (70 %) теперь учились три-четыре года, т.е. проходили пол-

¹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2002. Т. 1. С. 279–280.

ный курс обучения, а значит, усилия министерства в этом вопросе достигли своей цели. «Надзор» за учебой в университете, на который указывал кн. А.Н. Голицын в приведенной выше цитате, заключался в конце 1810-х гг. и в том, что исчезло право выбора студентами прослушиваемых курсов. Был решен вопрос с упорядочением курса «приуготовительных наук». Для этого с 1814 г. в Московском университете действовал специальный комитет, который должен был установить программу преподавания для поступающих и высказать конкретные предложения, чтобы компенсировать расхождения гимназических и университетских программ обучения¹. Работа комитета, продолжавшаяся около трех лет, закончилась в мае 1817 г. принятием советом университета двух постановлений, утвержденных попечителем Московского учебного округа кн. А.П. Оболенским.

Первое из них уже цитировалось и устанавливало требования на вступительном экзамене. Вторым постановлением с 1817/18 учебного года вводился единый для всех вновь поступающих «приуготовительный класс», который, согласно предложению профессоров – членов комитета, должен был включать в себя два самостоятельных курса. Первый, основной задачей которого было максимально подготовить студентов к слушанию ординарных профессорских лекций, составили так называемые вспомогательные науки. Их перечень практически полностью совпадает с набором дисциплин, сдававшихся абитуриентами на вступительном экзамене: «Чистая Математика, Логика и нравственность, Всемирная и Отечественная история, Всеобщая и Российская География, Главные основания Натуральной истории и Физики»². Курс вспомогательных наук, продолжавшийся один учебный год, должны были проходить все, «кто из вступающих в Университет окажется не очень успевающим в какой-либо части наук, назначенных для экзамена»³, а таких, судя по жалобам профессоров на уровень начальной подготовки студентов, было подавляющее большинство. «Учение в университете, – вспоминал А.Д. Галахов, – продолжалось три года. Но из них первый

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3133. Л. 4.

² Там же. Л. 4 об.

³ Там же. Л. 5.

проходил в слушании не предметов выбранной специальности, а предметов общих, набранных из разных факультетов. Я не могу сказать положительно, по какому поводу принята была такая мера, но, рассуждая теперь, нахожу ее бесполезною ввиду тогдашнего положения гимназий и университетов. Этот общий или сборный курс служил как бы переходною ступенью от общеобразовательного учения к учению университетскому»¹.

М.Л. Назимов вспоминал, как после сдачи экзаменов ему «передали радостную весть, что я зачислен с ними в студенты на ординарные лекции. Здесь я должен разъяснить, что значило тогда быть принятым на ординарные лекции. Всем хорошо известно, что в двадцатых годах и наши казенные гимназии, и частные пансионы, и домашнее воспитание далеко не соответствовали приготовлению к слушанию университетских лекций, несмотря на самые снисходительные приемные экзамены»². Вероятно, многие провалившиеся на вступительных экзаменах, но имеющие гимназический аттестат, поступали на службу, не решаясь вернуться домой для помощи родителей («средства к отстранению недостатков их в научном образовании»). «Для отстранения такого промежутка между университетом и средними учебными заведениями, лишавшего многих возможности кончить университетский курс, учреждено было при университете приуготовительное отделение. Цель и назначение этого отделения заключались в том, чтобы слишком еще молодые люди, не выдержавшие экзамена, не возвращались по домам, часто в дальние места, а обучались еще гимназическим предметам с добавлением и университетского первого курса. Они назывались также студентами, но должны были пробыть в университете лишний год, т.е. поступающие в медицинский факультет не четыре, а пять лет, а в прочие факультеты вместо трех четыре года»³.

Благодаря курсу «вспомогательных» дисциплин первый год обучения в университете «доставлял возможность некоторым восполнить недостаток знаний в том или другом предме-

¹ Галахов А.Д. Записки человека. С. 73.

² В провинции и Москве с 1812 по 1826 год. С. 131.

³ В провинции и Москве с 1812 по 1826 год. С. 131–132.

те. Кроме того, весьма немногие, заявившие желание поступить на такой-то факультет, руководствовались при своем заявлении разумным выбором или внутренней склонностью к известной отрасли наук: большею частью заявления были необдуманные, подсказанные родителями или внушенные советами товарищей. На первом году, при знакомстве с лекциями, в юном слушателе, иногда для него неожиданно, возбуждалась любовь к известному предмету, и тогда уже при выборе того или другого факультета он руководствовался правильным расчетом, независимым убеждением. Ему предоставлялось право заменить прежнее решение новым, как более рациональным. Такой именно случай был и со мной»¹, – заключает Галахов, перешедший под влиянием лекций Д.М. Перевощикова с юридического факультета на физико-математическое отделение.

Постановлением Оболенского также оговаривалось, что если «кто из поступающих в Студенты по экзамену окажется очень хорошо успевшим в тех науках, которые требуются для вступающего в Университет», тот в соответствии с решением совета может быть освобожден от изучения «вспомогательных» наук и ему разрешается сразу же приступить к освоению следующего курса². Как и первый курс, он должен был продолжаться один год, в течение которого студентам предписывалось прослушать и сдать экзамены по «Российскому, Латинскому и одному из новейших иностранных языков, Чистой Математике, Физике, Естественной Истории, Истории и Статистике... Богословию, Философии, Российскому Красноречию»³. Одним из таких «очень хорошо успевших» абитуриентов оказался Н.Н. Мурзакевич, поступивший в Московский университет в 1825 г.: «Из внимания к знанию греческого и латинского языка и других предметов, я не токмо принят в студенты, но и допущен, мимо приготовительного отделения, прямо слушать лекции ординарных профессоров. Следовательно, вместо 4 лет пробуду в университете 3 года»⁴. После этого курса студенты имели право приступить к курсу подготовки на выбранном ими факультете. Исключение

¹ Там же. С. 73.

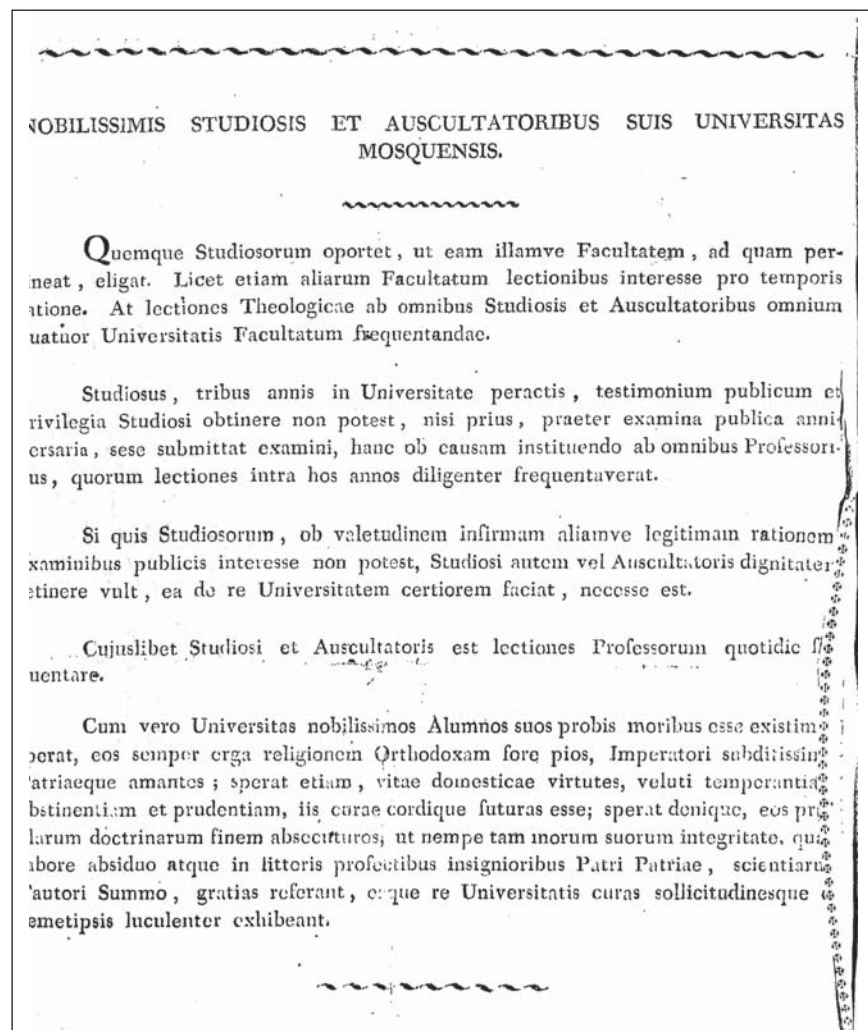
² ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3133. Л. 4 об. – 5.

³ Там же. Л. 5–5 об.

⁴ Мурзакевич Н.Н. В Московском университете. С. 90.

In. Stud. Pachorofsky Facultatis <i>Ethico-Politicae</i>			
sequenter lectiones Dnn. Professorum, Adjuntorum, Doctorum et Lectorum.			
In Ordine Ethico-Politico.		In Ordine Physico-Mathematico.	
Doctrinae.	Docentes.	Doctrinae.	Docentes.
theologia.	<i>Levitsky.</i>	Botanica.	
hil. Theoret. et Pract.		Zoognos. et Oryctogno-	
Diplomat. et Oec. Polit.		sia.	
us Nat. et Gent.		Chemia:	
ura Illust. popul.		Physica.	
urispr. Rossica.	<i>Smirnov.</i>	Mathes. applic.	<i>Myshopkin.</i>
heoria juris Ross.		Mathes. pura.	
heoria juris privati.		Techn. et Oecon. rur:	
lem. Phil. Theor. et		Scient: milit.	
Pract.		Geometr. et Trigonom.	
	<i>Libimow.</i>	Algebr. et Geomet.	
In Ord. Medico.		In Ord. Philologico.	
Doctrinae.	Docentes.	Doctrinae.	Docentes.
anatomia.		Statistica.	
chirurgia.		Historia.	
physiol. et Med. foren.		Eloquen. et Poës.	
athr., Ther. et Clin:		Litt. Slav. - Ross.	
iat. Med. et Hist. Med.		Theor. ar. el. et Archaeol.	
ied. veterin.		Linguae Orient.	
rs obstetric.		Litt. Lat. et Antiq.	
hyturgia.		Chron., Herald. et Num.	<i>Pokotow.</i>
naetetica.		Litt. German.	
incipia Chemiae.		Princ. Styli Ross.	<i>Pokotow.</i>
te fasc. Chirurg.		Geographia.	
list. Natural.		Ling. Graeca.	<i>Kamenskoy.</i>
lath. et Physica.		Ling. Latina.	
		Lingua Angl.	<i>Myshopkin.</i>
		Ling. Franco-Gall.	
A R T E S.			
Pictura.	Musica.	Ars saltandi.	
anno 1820 mens. <i>Octobris</i> die 21. N° 497.			
Rector <i>Antonov</i>			

Табель студента 1820 г. (на латинском языке)

Оборотная сторона табели студента с правилами поведения учащихся (на латинском языке). 1820 г.

составляли студенты-медики, которым было разрешено начинать освоение дисциплин своего факультета еще до сдачи экзаменов по всем предметам, составлявшим второй подготовительный курс. При этом его продолжительность была увеличена для

них до двух лет, так как вместо обзорного курса натуральной истории в него включили три отдельные дисциплины: минералогия, зоология, ботаника – и к ним была добавлена химия¹.

Явственным проявлением отмены прежней «свободы обучения» явилось введение «табели», т.е. билета, который в начале года получал студент и в котором были указаны профессора, лекции которых он мог слушать. Д.Н. Свербеев сообщает: «Тогда на право слушания лекций выдавалась каждому на латинском языке табель, в которой по каждому факультету выставлены были с именами профессоров все предметы университетского учения, ректор отмечал в них, по собственному своему усмотрению, все предметы, слушание которых делалось для снабженного табелью обязательным»². Помимо расписания лекций в табели были указаны правила поведения студентов. «К сожалению, – писал Н.Н. Мурзакевич, – эти добрые правила не многим были понятны, по поводу латыни»³. Н.И. Пирогов, поступивший в студенты в 1824 г., запомнил о выдаче табели только то, что ему «выдали матрикул без всяких церемоний»⁴.

«Каждый студент, – вспоминал М.Л. Назимов, – пред началом учебного года получал на латинском языке матрикул или, как мы называли, табель, в один лист, где на первой странице означались факультет, имя и фамилия студента, науки и фамилии профессоров которых должен слушать студент, а на другой странице напечатаны были студенческие правила»⁵. «У меня не сохранилось матрикулы, и я не мог найти их у других товарищей; но сколько я помню, в девяти или десяти статьях правил предписывалось студентам исправно посещать лекции, соблюдать на них порядок и тишину, вести себя благопристойно и вне университета, в своих нуждах обращаться к инспектору и ректору; вообще это было краткое нравственное наставление начальства ун-та его воспитанникам». Каждый студент, получив табель, «должен был лично подать ее для подписи в присутственной камере правления университета ректору, который нередко об-

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 332. Д. 6а. Л. 61.

² Свербеев Д.Н. Из воспоминаний. С. 64.

³ Мурзакевич Н.Н. В Московском университете. С. 90.

⁴ Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 263.

⁵ В провинции и Москве с 1812 по 1826 год. С. 132.

<p>Г - ну <i>Александр. Трапезницку</i> позволяется слушать въ 1818 году публичныя лекціи Господѣ Профессоровъ, Адъюнктовъ, Лекторовъ и Докторовъ.</p>	
<p>ВЪ ЭТ.-ПОЛ. ОТ.</p> <p>Брянцева. Шлецера. Синьгирева. Цвѣтаева. Сандунова.</p> <p>Смирнова, Ад. Давыдова, Ад.</p> <p>ВЪ ФИЗ.-МАТ. ОТ.</p> <p>Прокоповича - Аяпонскаго. Гофманна. Фишера. Рейса. Двигубскаго. Перелогова. Чумакова. Мягкова, Ад. Денисова, Д.</p> <p>Тросшина, Ад. Гольдбаха, Д. Щепкина, Маг.</p>	<p>ВЪ ВРАЧ. ОТ.</p> <p>Рихтера. Гильсбрендта. Мудрова. Мухина. Кошеляницкаго. Бунге. Щеголева. Ризенка. Ромодановскаго, Ад. Воскресенскаго, Д.</p> <p>ВЪ СЛОВ. ОТ.</p> <p>Гейма. Черепанова. Мерзлякова. Гаврилова. Тимковскаго. Каченовскаго. Болдырева.</p> <p>Бекешова. Ульрихса. Побѣдоносцева, Ад. Каменецаго, Ад. Синьгирева, Маг. Эвенса, Лек. Пелше, Лек. Плешенева. Джіоліо. Морелли.</p>

Табель студента 1818 г.

ращал внимание на табели поступающих в подготовительное отделение и на переходящих из него на ординарные лекции, и по своим соображениям делал собственною рукой некоторые

изменения, а также отечески наставлял тех студентов, которые были на его суде за проступки в прошлом году»¹.

Поступивший на нравственно-политический факультет в 1822 г. А.Д. Галахов вспоминал, что в его табели значились обязательные предметы общего характера: «По табели, выданной юристам на учебный 1822–1823 год, в общий курс вошли следующие предметы: теория русского права, геометрия и тригонометрия, начала русского стиля, география, хронология, геральдика и нумизматика, логика, языки латинский и французский. Вместо последнего языка дозволялось по произволу выбирать немецкий или английский»². Мурзакевич, поступивший на нравственно-политическое отделение, должен был, однако, на первом году слушать лекции сразу по трем отделениям: по нравственно-политическому – богословие догматическое и нравственное, политическую экономию, римское гражданское право, русское практическое производство дел гражданских и уголовных, политическое право и дипломатию, историю русского законодательства и порядок дел гражданских и уголовных; по физико-математическому – физику; по словесному – теорию словесности, русскую историю и статистику, всеобщую историю и статистику, римскую словесность, греческий язык и литературу, теорию французского языка. «Всю эту длинную и тяжкую вереницу знаний и наук, – вспоминал он, – навязал мне ректор, прибавив к избранным мной профессорами политического (потеперешнему юридического) отделения всех остальных, приговаривая: “Вы приехали-та учиться-та, а не лениться-та!”»³ Но это совсем не говорит о том, что студенты ходили на все лекции. Тот же Мурзакевич вначале исправно посещал занятия «профессорские и сторонние», которые ему «навязал ректор». «Но чрез месяц, – добавляет он, – я нашелся вынужденным некоторые оставить»⁴.

Существовала в 1810–1820-х гг. и такая форма контроля за успеваемостью студентов, как ежегодные публичные экзамены.

¹ В провинции и Москве с 1812 по 1826 год. С. 132.

² Галахов А.Д. Записки человека. С. 73.

³ Мурзакевич Н.Н. В Московском университете. С. 91.

⁴ Там же. С. 90.

В уставе 1804 г. этот контроль был предусмотрен только по отношению к казеннокоштным студентам: согласно п. 118, для них «по окончании курсов ежегодно бывает испытание в общих Собраниях, и отличившиеся добронравием и успехами награждаемы бывают медалями, какие Советом по мере успехов будут назначены». Но на этих экзаменах, предшествовавших публичному акту университета в конце июня – начале июля, в 1810-х гг. уже присутствовали и своекоштные студенты, для которых они, впрочем, были необязательными. Д.Н. Свербеев вспоминал, что «в 1815 году по окончании лекций... долго оставался в городе, почитая обязанностью ждать публичного университетского экзамена», однако тот «был совершенно бесполезен; из весьма небольшой кучки студентов спрашивали немногих и не по всем кафедрам»¹.

С 1819 г. ежегодные экзамены становятся обязательными для всех студентов. Это, несомненно, связано с тем, что 20 января 1819 г. было утверждено «Положение о производстве в ученые степени» – первый в истории России устав, регулирующий процесс научной аттестации и закреплявший роспись ученых степеней и соответствующих им разрядов наук (вводилось 14 разрядов в соответствии со специализациями университетских кафедр), требования, предъявлявшиеся к соискателям, правила сдачи экзаменов и защиты диссертаций².

В фонде попечителя Московского университета в ЦИАМ нами было обнаружено решение о введении ежегодных переводных экзаменов. Как следует из «Дневной записки университетского Совета в чрезвычайном его заседании, бывшем 14-го мая 1819-го года», в этот день было «читано положение о производстве в ученые степени, и для точнейшего исполнения оно определено: сделать следующие распоряжения:

По § 21 Испытание студентам ежегодное бывает по окончании Академического года, в сие же время назначаются особые экзамены для студентов, окончивших трехгодичный курс наук в Университете. Как сим параграфом требуются частные заме-

¹ Свербеев Д.Н. Из воспоминаний. С. 79.

² См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 1135–1136.

чания профессоров о прилежании и способностях студентов, равно как и о поведении их, отмечаемые в продолжении курса наук, то поставить в обязанность Гг. учащим, иметь полные списки обучающихся у них студентов, с замечаниями о их прилежании и поведении в классе. Таковые списки при экзамене представляются Г. Ректору и Декану отделения. В сих списках означаются кратко и все предметы, пройденные учащим в течение года»¹.

Соответственно и в «Московских ведомостях» наряду со списками окончивших курсы учения и получивших ученые степени начиная с 1820 г. появляются записи о том, что «в продолжение публичных экзаменов» такой-то «не явился на экзамен».

Из журнала Н.П. Ильина, учившегося в университете в 1825–1828 гг., известно, что лекции начинались в 8 утра и продолжались до 12, а после обеда – с 4 до 6 часов вечера. «Студенты записывали лекции, профессора проверяли записанное ими, и занятия всякий раз начинались чтением этих записок; бывали репетиции и задавались студентам повторение пройденного», профессору Сандунову «Ильин особенно обязан приобретенными знаниями и любовью к науке»².

12 мая 1834 г. были введены в действие «Правила для годичных экзаменов студентов Московского Университета», согласно которым для продолжения слушания курсов лекций на следующий год обязательным условием являлось сдать экзамены по предметам, прослушанным в текущем году, и набрать по этим экзаменам необходимое количество баллов³. Этими правилами была окончательно формализована «курсовая система» преподавания в Московском университете, хотя начало ее

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1227. Л. 79–80. При этом в § 21 второго пункта («Правила для получения степени Студента») третьей главы Положения говорится буквально следующее: «Испытание Студентам, по окончании всего курса наук в Университете, бывает обыкновенное, какое по Уставам или по принятым правилам положено. Оно должно свидетельствовать, что Студент действительно с пользою проходил весь курс. При том берутся в уважение и частные засвидетельствования Профессоров о прилежании и способностях сих Студентов, равно как и о поведении их, отмечаемые в продолжении курса».

² Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула, 1904. Т. 7. С. 96.

³ См. там же. Ф. 418. Оп. 3. Д. 215. Л. 1–2.

складывания необходимо отнести к 1810–1820-м гг., когда были введены обязательный набор предметов в течение года и публичные экзамены для своекоштных студентов.

Отношение студентов к профессорам

Период истории Московского университета в царствование Александра I получил среди современников название «патриархальной эпохи», когда «отношения между студентами и профессорами не ограничивались никакими официальными предписаниями»¹. По словам А.И. Герцена, этот период закончился одновременно с попечительством князя Оболенского, т.е. в 1825 г.

Е.Ф. Тимковский вспоминал, что среди профессоров в начале XIX в. выделялись две группы: «...наставники – наши любимцы, которых мы почти боготворили, не менее стародавних учеников блистательного Платона, достойного ученика Сократа, или гениального, светского Аристотеля, законодателя всех наук, коего произведения, основанные на опытности, составляли некогда единственное чтение царей. К другим (Бог да простит им и нам) являлись мы в классы по долгу ученической исправности, для исполнения предписанного начальством годичного учебного курса». Из наставников «первой категории» Тимковский с особой признательностью почитал профессора физики П.И. Страхова, русской словесности А.Ф. Мерзлякова, «любимого поэта тех времен», а также профессора латинской и греческой словесности П.А. Сохацкого... Между немцами он уважал «более всех ученого и отменно доброго профессора практической, или нравственной, философии Рейнгарда и Буле, профессора логики и метафизики, истории, философии и проч.»².

«Мы, – писал М.А. Дмитриев, – чрезвычайно любили Мерзлякова за его ум, его познания, его добрую душу и, наконец, за его восторженную речь, которою он иногда и нас доводил до восторга!»³ Студенты прощали Мерзлякову за эти его качества многое, даже то,

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 51.

² Тимковский Е.Ф. Московский университет в 1805–1810 гг.: Из воспоминаний. С. 60–61.

³ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 114.

что он редко ходил на лекции или, «случалось, приходил очень навеселе! Но таково было свойство ума этого человека, и такова была его светлая мысль и восторженная любовь к поэзии, что и в этом положении мы извлекали много полезного из его преподавания. По большей части он всходил на кафедру, совсем не приготовившись к лекции: он же был и ленив! – Не зная, о чем говорить, и потерявши уже совсем нить лекции, он, случалось, развернет наудачу Державина или другого поэта; начнет читать его и делать критические замечания: одушевится, и рекою польются у него откровения истин о поэзии как об искусстве, так что хочешь, извлекай из них систему, хочешь, превращай их в апофегмы! – Мы говорили о нем, как о Платоне ученики его... “сам сказал!” – Такова была пламенная душа его; таков был его сильный ум; а о доброте сердца Алексея Федоровича и говорить нечего! Несмотря на его недостаток произношения, он был красноречив; несмотря на его слабость, мы его глубоко уважали и любили. Вечная память ему, умному и доброму человеку!»¹.

Каждый преподаватель отличался своим оригинальным характером ведения занятий. Например, профессор Н.Н. Сандунов, по оценке Дмитриева, «не читал собственно лекций. Он занимал нас... практическим судопроизводством. У Сандунова были между студентами некоторые, обыкновенно не из лучших фамилий, которых он преимущественно занимал писанием просьб и другим, что было потруднее. Он, кажется, преимущественно готовил их к судебной практике и выделял из них стряпчих и подьячих, желая дать им этим хлеб в будущем. Они были самые приверженные к нему люди, но зато он и обращался с ними, как в старину обращались с канцелярскими служителями. Иногда скажет: “Что ты, батинька, жуешь бумажку-то? Ты знаешь ли, из чего ее делают? Из матросских порток, батинька!” Или: “У кого ноги начало, у того голова мочало!” – и тому подобные любезности и поговорки»².

В числе других преподавателей, которые пользовались уважением студентов, А.Д. Галахов выделяет Т.А. Каменецкого и Д.М. Перевощикова, замечая, что только у них «аудитория была именно тем, чем она должна быть согласно с своим термином, то есть собранием слушающих». «Но первый, – писал Галахов, – до-

¹ Там же. С. 115.

² Там же. С. 117.

стигал этого не преподаванием... географии, которое стояло на уровне гимназического, а серьезностью нрава, не позволявшего никаких беспорядков; второй же и достоинством обращения со студентами, и достоинством лекций. Ему вместе с другим профессором, П.С. Щепкиным, принадлежит почтенная, памятная в истории учебного дела заслуга: они поставили преподавание математики в Московском университете, а чрез его посредство и в гимназиях московского учебного округа на рациональный путь, по какому и обязана следовать каждая наука. До них как изложение теории, так и применение ее к практике велось почти что механически. Говорили, как нужно было поступать при доказательстве той или другой теоремы, но не объясняли, почему именно нужно поступать так, а не иначе. Простой памяти предоставлялось усвоение математических знаний. У кого она была крепка, тот, конечно, мог долго помнить демонстративные приемы, но основания, на которых строится демонстрация, единство же действия во всех приемах, состоящее в том, что неизвестное последовательно и необходимо раскрывается из известного, что доказательство новых положений извлекается из положений прежних, уже доказанных, все это, необъясненное, скрывалось в тумане. Перевощиков рассеял этот туман строго научным изложением элементарно-математического курса»¹.

М.А. Дмитриев очень высоко ценил лекции по физике И.А. Двигубского. «Метода у него была рациональная, точная и постепенно ведущая от одной части науки к другой, так что предыдущее всегда вело к последующему, а последующее было всегда подробнейшим раскрытием предыдущих законов науки». «Физические опыты не всегда вполне удавались Двигубскому, думаю, от недостатка машин, особенно же потому, что по недостатку помещений для университета после разгрома войны физической кабинет не был еще приведен в настоящий порядок и устройство; однако и этих опытов было достаточно для наглядного объяснения и доказательства теории. Одним словом, лекции Двигубского приносили нам истинную пользу, а сам он был достойно уважаемый профессор»².

¹ Галахов А.Д. Записки человека. С. 78.

² Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 122.

Галахов же «по интересу преподаваемого» отдавал «пальму первенства» М.Г. Павлову, профессору физики, сельского хозяйства и минералогии. «Когда он занимал свое место, – пишет Александр Дмитриевич, – полная тишина водворялась в аудитории, несмотря на многочисленность студентов, стекавшихся из разных факультетов, и уже ничем не нарушалась в течение целого часа. Каждый с напряженным любопытством следил за мыслями профессора в прекрасно научном их изложении. Но одним изложением, как бы оно ни было хорошо, нельзя объяснить ни успеха лекций, ни сочувственного восприятия их студентами. Причина того и другого лежала как в самом предмете преподавания, так и в отношении к нему преподавателя»¹. Дело в том, что Павлов следовал воззрениям «известного натурфилософа Окена, приложившего философию Шеллинга к естественной истории. Он был самый талантливый истолкователь этого учения, которое своею новизной и другими качествами не могло не поразить молодые умы и ретивую их любознательность». Философия Шеллинга тем больше привлекала значительное число студентов, что большинство других профессоров Московского университета «держались совершенно противоположного направления, стояли, как тогда говорилось, на эмпирии, сообщая знания, добытые наблюдением и опытом, но ничем их не освещая: ни общими выводами из многообразных фактов, ни идеей, дающей им значение, ни основным началом, от которого поступает в своих трудах естествоиспытатель». Такие лекции «эмпириков», по мнению Галахова, тяготили, потому что «ничем не возбуждали умственной способности, не указывали ей ни точки исхода, ни конечных результатов. И вдруг среди такого затишья, такой вялости и застоя раздается голос молодого профессора, зовущий нас к другому направлению в науке – умозрительному, доказывающий его преимущества пред направлением эмпирическим»².

К ректору Московского университета в 1808–1819 гг. И.А. Гейму, читавшему статистику, отношение студентов не было одинаковым. М.А. Дмитриев в своих воспоминаниях писал, что студенты не

¹ Галахов А.Д. Записки человека. С. 83.

² Там же. С. 83.

любили «его науки, а учились прилежно из страха: он же был ректор – первое лицо в университете, от которого все зависело!»¹. В то же время Е.Ф. Тимковский отмечал, что Иван Андреевич читал «лекции свои хотя и неправильным русским языком, как иностранец, но всегда умно и привлекательно»².

«После Гейма славен был в факультете, своими великими познаниями, своею затворническою жизнью и своею важною неприступною наружностью, профессор римской словесности и древностей Роман Федорович Тимковский»³. Этого профессора, а также в целом отношения между профессорами и студентами «патриархального периода» замечательно характеризует пример, о котором вспоминает М.П. Погодин. Слушая лекции древностей Р.Ф. Тимковского, студенты «не выразумели порядочно устройство римского плуга. Что делать! А оставить лекцию Тимковского непонятою казалось невозможным. Положено было на общем совете просить Романа Федоровича о повторении». Сделать это поручили Погодину. «Целый факультет, – писал Михаил Петрович, – провожал меня до дверей его квартиры: кто толковал, как войти; кто советовал, как спрашивать, с чего начать; кто крестил и благословлял. Ни жив, ни мертв, несмотря на свою смелость, отворил я дверь... Надо прибавить, что Тимковский, вследствие долговременной болезни был в то время совершенным нелюдимом, никуда не ходил и никого не принимал, живя с одними своими древностями. – Что Вам угодно? – спросил он меня своим важным тоном. – Студенты, – отвечал я дрожащим голосом, – не поняли устройство римского плуга и поручили мне просить Вас, Роман Федорович, объяснить их недоразумение. – Чего же вы не поняли, – сказал он, улыбаясь (камень отвалился у меня с груди), взял карандаш и лоскуток бумаги, посадил меня подле себя и начал чертить». От Тимковского Погодин вышел «сияющий и радостный», однако эта беседа с профессором так потрясла его, что товарищам своим Михаил «ничего не мог отвечать», «всего менее объяснить плуг, а только шевелил губами и издавал какие-то звуки, междометия, – и они махнули с досадой рукой. Уже дня через два возвратилось ко мне сознание, и я объяснил, кажется, устройство

¹ *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 121.

² *Тимковский Е.Ф.* Московский университет в 1805–1810 гг. С. 60–61.

³ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. С. 33.

римского плуга»¹. Любовь студентов к Р.Ф. Тимковскому оказалась столь сильной, что, когда тот в 1820 г. скончался, студенты «на руках, со слезами» отнесли его на Лазарево кладбище и собрали между собой деньги на памятник².

Личность профессора возбуждала интерес к преподаваемой науке и иногда даже подвигала студентов переходить с одного факультета на другой. Так, по воспоминанию Галахова, Д.М. Перевощиков «прошел с нами арифметику, алгебру и геометрию как бы новые для нас науки. Сначала нам трудно было следить за его лекциями, читанными по курсу чистой математики Франкера, им же переведенному сообщая с П.С. Щепкиным, но потом мы вошли в смысл и вкус рационального метода. Заинтересованный точностью этого метода, я решился перейти с юридического факультета на физико-математический»³.

«Физика, – вспоминал М.А. Дмитриев, – не составляла для нас необходимого предмета; но я, удовлетворяя моей любознательности и желая сколько-нибудь вникнуть в тайны природы, всегда желал узнать науку, объясняющую видимые явления невидимыми силами. Я вникал с величайшим вниманием и с постоянною прилежностью в лекции Двигубского. Старики говорили, что прежний профессор, Страхов, преподавал физику красноречивее и вообще лучше, чем Двигубской. Но мы того уже не застали в университете, а для нас было очень достаточно чтений и нашего профессора»⁴. «Его лекции о электричестве, магнетизме и гальванизме открывали нам новый мир чудес и приковывали, так сказать, наше внимание... Какое обширное поле знания, которого предмет у всех перед глазами и которое без науки от глаз сокрыто! Как жалел я, что вместе с словесными науками не предавался вполне и изучению природы, особенно химии! Но время было уже упущено!»⁵

Другие же профессора несколько не пользовались у студентов авторитетом. Профессор С.А. Смирнов, по оценке Дмитриева, был человек «очень простой и служивший некоторым из нас почти шутком. Он знал хорошо и законы, и судопроизводство, и даже был

¹ Речи, произнесенные М.П. Погодиным. 1830–1872. М., 1872. С. 33.

² *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. С. 63.

³ *Галахов А.Д.* Записки человека. С. 78.

⁴ *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 122.

⁵ Там же. С. 122.

отсылаем на практику в Сенат, где, не считаясь в сенатской службе, занимался делами. Но все это нисколько не служило в пользу слушателей и по его недалекому уму и неспособности к преподаванию, и потому, что его не слушали, а позволяли себе только разные над ним шутки! Зато от его лекций ни у кого из студентов ничего не осталось в памяти, кроме проказ над ним и шуток»¹.

Для студентов в оценке профессора важно было не только то, как и что он говорит, но и как он выглядит. «Сказать правду, – вспоминал А.Д. Галахов, – некоторые преподаватели своим нравом, либо странностью привычек и грубостью обращения, либо, наконец, безынтересностью лекций сами вызывали слушателей на невнимательность и беспорядок. Например, Н.А. Бекетов, читавший нам исторические вспомогательные науки (хронологию, генеалогию, геральдику и нумизматику), постоянно являлся в таком костюме, который заставлял нас невольно смеяться: он или сидел на нем мешком, или обтягивал его до неприличной узкости. И вот у нас сложилось мнение, что профессор не заказывает себе платья у портного, а по скупости покупает готовое и ношеное на толкучем рынке»². Д.А. Милютину запомнились ботфорты профессора Сандунова, которых никто тогда уже не носил³.

Некоторые студенты еще не выросли из гимназических шалостей. «Я был изумлен, – писал Галахов, – тем, что увидел. Студенты, по своему держанию до прихода профессора, а иногда и в присутствии некоторых профессоров, малым чем отличались от школьников»⁴. «Между нами, – вспоминал Дмитриев, – был студент Курбатов... большой весельчак и проказник. Он, бывало, караулит Брянцева у дверей, и, пока тот доходит до кафедры, он идет за ним и поет потихоньку: “По мосту-мосту шел-прошел детинка; голубой на нем кафтан”. Больше таких детских шалостей между нами не было»⁵. Некоторые студенты оказывали явное неуважение к преподавателям. А.Д. Галахов описывает несколько таких случаев: «Между последними на нашем курсе находился Итинс-

¹ Там же. С. 118.

² Галахов А.Д. Записки человека. С. 74.

³ См.: Милютин Д.А. Воспоминания. М., 1997. С. 92.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 117.

кий, которого мы звали дядей, потому что он был много старше нас и аппетитно нюхал табак из тавлинки. Ему-то поручил Двигубский отмечать в списке студентов, кто не пришел на лекцию. Руководство к физике, по которому мы готовились, начиналось определением этой науки в двояком смысле: обширном и тесном. На одной из репетиций профессор обращается к Итинскому с вопросом: Господин Итинский, что есть физика? – В каком смысле прикажете: в обширном или тесном? – В каком хочешь, мне все равно. – А мне и подавно. Другой образчик случился на лекции о свете. Надобно было показать разложение солнечного луча на семь цветов. Механик затворил внутренние ставни, из которых только одна имела отверстие, отчего в аудитории сделалось темно. Те из студентов, которые сидели поблизости к выходной двери, только и ждали этой благодатной темноты: они гурьбой хлынули вон. “Что это значит? – закричал рассерженный профессор. – Отворите ставни”. Ставни отворили – аудитория полуопустела. – Господин Итинский, подай список. Ты перекликал студентов? – Нет еще, – отвечал дрожащим голосом Итинский, вынимая список из бокового кармана. – Болван! Когда ж ты это сделаешь? Когда все разойдутся по домам?»¹

Помимо знаний студенты больше всего ценили в профессорах доброту, мягкость характера, вежливость, а также умение поставить себя «в правильные отношения к слушателям»; такие профессора «пользовались общим уважением, а их лекции своим достоинством возбуждали свободное внимание»². «Цветаев, – вспоминает М.А. Дмитриев, – был один из самых достойных профессоров, и по науке, и по своему нравственному характеру. Строг к себе в исполнении своих обязанностей, строг и к студентам в требованиях науки, но чрезвычайно мягкого свойства как человек»³. В.И. Сафонович несколько иначе оценивает этого преподавателя. В его памяти Цветаев сохранился как «сухой и неприятный профессор, говоривший вяло и наводивший на слушателей сон, тем более, что лекции его происходили после обеда»⁴. Д.А. Милютин, который во время обучения в Благородном пансионе (1828–1832) также слу-

¹ Галахов А.Д. Записки человека. С. 81–82.

² Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 116.

³ Там же. С. 116.

⁴ Сафонович В.И. Воспоминания. С. 145.

шал лекции Цветаева, подтверждает слова Сафоновича, отмечая, что профессор «говорил невнятно» и «захлебываясь»¹.

«Не берусь, – пишет Е.Ф. Тимковский, – произнести оценку моим наставникам в частности. Каждый из них имел свою меру знаний, свои достоинства и заслуги; но с другой стороны, в некоторых из них очевидно отражался дух келий и лампы, как на языке, так и на одежде, и самом образе жизни. Притом, к сожалению, не все из них обладали даром слова – необходимым условием для хорошего преподавателя публичных уроков. Профессор, по моему мнению, непременно должен быть основательно ученый, благообразный, скромный и красноречивый оратор, даже несколько светский человек, как, например, блаженной памяти Страхов, Шлецер (сын знаменитого историка) и даже мой незабвенный Рейнгард, бывший прежде, как говорят, пастором в Ростове, – мудрец, который привлекал пламенной беседой своей, украшал прелестными очарованиями все правила нравственности и которому, внимая в восторге, не раз готов я был сказать, подобно древнему Эсхину: “Сократ, я беден, отдаю тебе себя; вот все, что я могу принести тебе!”»²

Окончание учебы. Ученые степени

Каков же был конечный рубеж, за которым должно было заканчиваться обучение студента в Московском университете? Как ни странно, но на этот простой вопрос для выбранного нами хронологического отрезка не так легко дать однозначный ответ. Студенты в процессе учебы стремились к различным целям, и проблема, кого именно можно считать «выпускником» Московского университета, требует внимательного рассмотрения на каждом промежутке времени и изучения не только нормативных документов, но и складывавшихся в университете не закрепленных законами традиций.

Согласно п. 21 исходного «Проекта об учреждении Московского университета», конечной целью учебы студента являлось получение им аттестата от университетской Конференции.

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. С. 92.

² Тимковский Е.Ф. Московский университет в 1805–1810 гг. С. 61.

«Которые студенты в Университете науки свои порядочно окончили и через свое искусство и прилежание заслужили себе порядочные награждения, а притом в своих поступках всегда были добропорядочны, оным давать от Университета аттестаты за подписанием директора и всех профессоров; по которым аттестатам определять желающих в гражданскую службу по приличеству их природы и знания и делать им протекцию ко ободрению прочих учащихся»¹. Таким образом, выданный студенту аттестат не просто являлся свидетельством приобретенных им

И.И. Шувалов

знаний, но выполнял и определенную социальную функцию (чего, как правило, не было в западных университетах) – оказывал им «протекцию» при поступлении на гражданскую службу. Правда, как видно, в самом проекте суть этой «протекции» не была сформулирована достаточно четко. Поэтому вслед за указом Елизаветы Петровны, утверждавшим проект, последовали еще два указа, подготовленных И.И. Шуваловым, в которых статус университетского аттестата был сформулирован так, чтобы сделать его привлекательным прежде всего для детей дворянства. Согласно указу от 18 мая 1756 г., дворянский «недоросль», покидавший университет с аттестатом, мог сразу поступать на военную службу с обер-офицерским чином, а те, кто уже числился на службе и имел чин, получали право на отпуск во время учебы в университете. Указом от 20 марта 1758 г. «О подтверждении преимуществ обучающихся в Московском университете детей дворянских» было объявлено, что «все в Московском университете прилежно обучившиеся из шляхетства и добрые поступки оказавшие, по представлениям и аттестатам Московского университета произвождаемы будут, чего ради и таковые, которые в Московский университет из записанных в воинской и

¹ ПСЗ. Т. 14. № 10346.

гражданской службах обучаются и по командам к производству по старшинству удостоены будут, производиться имеют не прежде, как о их учении и состоянии из Московского университета надлежащее свидетельство получат»¹.

Поэтому с середины 1758 г. получение аттестата Московского университета становилось основанием для дворян, записанных с младенчества в полки, требовать себе производства в следующий чин. Неудивительно, что уже на следующий год Конференция едва справлялась с потоком аттестуемых. Однако здесь вовсе не шла речь о «выпускниках» университета: напротив, профессора справедливо полагали, что в подавляющем большинстве случаев юноши записывались в университетскую гимназию лишь для того, чтобы, проведя в ней малое время, потребовать себе аттестат. В протоколе Конференции от 2 июля 1759 г. подчеркивалось, что «успехи такого рода лиц не могут быть очень значительными, коль скоро они поступают только с целью утаить свое нежелание служить, и поскольку же эти ученики по выходе из университета не могут принести ему ничего, кроме бесчестия, вследствие своего глубокого невежества, то было бы весьма желательно, чтоб университет мог принимать какие-либо меры против такого неподобающего положения»² (стоит, однако, заметить, что во власти самой Конференции было отказать дворянам в выдаче аттестатов, чего профессора не делали).

О том, что ситуация принципиально не изменилась и через 15 лет после открытия университета, сообщал вице-директор И.И. Тейльс в рапорте от 3 ноября 1770 г. Здесь говорилось о том, что необходимо поощрять студентов именно в стремлении к окончанию полного курса университета, поскольку «хотя из одного более трехсот студентов в штатскую и военную службу вышли, токмо то были почти все не окончившие надлежащим образом ни одного факультета»³.

Почему студенты не кончали курс? Здесь могло быть множество причин. Значительное число не окончивших курса обучения определяли на службу в Сенат и командировали в другие

¹ ПСЗ. Т. 15. № 10812.

² Документы и материалы... Т. 1. С. 151.

³ Там же. Т. 3. С. 397.

государственные учреждения, назначали учителями в гимназии, забирали в Уложенную комиссию. Так, например, в мае 1764 г. 25 студентов были отправлены в Медицинскую коллегию, несмотря на жалобы профессоров, а в 1767 г. в Уложенную комиссию были взяты 42 студента (после этого во всем университете осталось только 5 студентов: 4 на юридическом и 1 на медицинском факультетах)¹. Нормальный ход обучения нарушался. «Конференция профессоров, – писал С.П. Шевырев, – неоднократно поднимала вопрос о том, чтобы студенты не менее трех лет, а уж по крайней мере не менее двух, оставались в философском факультете до перехода в юридический и медицинский; но к сожалению, это благое предположение почти никогда не исполнялось. Сами же профессора жаловались на недостаток студентов у себя и просили ускорить перевод их из философского»².

Исключали из числа студентов обычно «за неуспешность», за прогулы, за леность и дурное поведение. Так, например, за отлучку без позволения и пропуск лекций, «также и за оказанное неповиновение г. директору» из студентов разжалован и «из университета... исключен» 23 марта 1769 г. Петр Преснухин³.

По собственному желанию студенты оставляли университет чаще всего для поступления на гражданскую или военную службу. В первую очередь это касалось дворян, естественным для которых стало раннее поступление на службу. И.М. Долгоруков так описывает это в своих воспоминаниях: «Отец мой, видя, что мне уже исполняется 16 лет, начинал чувствовать необходимость записать меня в службу. Все молодые люди моего состояния обыкновенно с малолетства записывались в гвардию и дожидались офицерских чинов по домам. Средство общее с ними уже опоздано было для меня. Когда многие в мои годы уже вступили в офицеры, неприятно было бы батюшке заставить меня служить унтер-офицером и несколько лет ждать одинаких преимуществ с людьми, мне по всем отношениям равными. Оставался один способ быть тотчас хотя не в гвардии, но офицером, и сим способом обязан я Университету. При учреждении его, во

¹ См. там же. С. 86.

² См.: Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 165.

³ Документы и материалы... Т. 3. С. 187–188.

времена императрицы Елизаветы, Шувалов, сильный того века вельможа, установил с высочайшей конфирмации, чтоб всякий студент, изучивший латинский язык, выпускаем был по окончании наук из Университета обер-офицером, и на основании сего узаконения я выпущен 3 июля в прапорщики. Военная коллегия выдала мне патент и записала меня в список Первого Московского пехотного полка, и так я, вопреки обычаю общему того времени, вступил в службу полевым офицером и стал между своей братьи дворянами нечто необыкновенное, потому, как выше сказано, что все с малым достатком благородные люди, все почти без изъятия, наполняли гвардейские полки»¹.

Впрочем, бывали и другие причины ухода из университета. Например, Михаил Никитич Муравьев прекратил учебу в феврале 1770 г. в связи с назначением отца на службу в Архангельск. Карл Людвиг Габлицц по предложению академика С.Г. Гмелина в марте 1769 г. покинул Москву и участвовал в ученой экспедиции в Южную Россию и Персию. А Павел Каменский, будучи определен в Коллегию иностранных дел учеником маньчжурского и китайского языков, в 1794 г. отправился в 8-ю китайскую миссию².

Когда же появились первые подлинные выпускники Московского университета? Главными «положительными героями» цитированного рапорта И.И. Тейльса были уже упоминавшиеся студенты А.А. Артемьев и И.К. Борзов: после шести лет, проведенных в звании студентов, они по собственному прошению были проэкзаменованы профессорами юридического факультета, снабжены требуемыми аттестатами и представлены от имени университетской Конференции к «награждению». Об этом награждении должен был особо позаботиться куратор В.Е. Адодуров, поскольку на них как на разночинцев действие указа 1758 г. о внеочередном присвоении чина не распространялось. В результате Артемьев был удостоен золотой медали и чина надворного советника, а Борзов – серебряной медали (о его производстве в чин сведений нет)³. Тейльс придавал большое значение производству в чины этих «первых выпускников»: по

¹ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем.... С. 49.

² АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1596.

³ См.: Документы и материалы... Т. 3. С. 444, 447.

его мнению, «мере награждения их соответствовать будет как в своекоштных, так и особливо казенного содержания, в прочих студентах желание и ревность, чтоб в котором-нибудь факультете оканчивать все предлагаемые в оном науки... с действительною надеждою на протекцию университета».

К сожалению, из-за отсутствия протоколов Конференции после 1770 г. нет возможности проверить, встречались ли в дальнейшем такие же награждения выпускников. Но нельзя не заметить: даже они не гарантировали дальнейшей быстрой служебной карьеры (которая в результате ни у Артемьева, ни у Борзова не была стремительной¹). К тому же для ее начала вовсе не обязательно было слушать лекции все шесть лет и получать аттестат: товарищи Артемьева, начавшие вместе с ним учебу на юридическом факультете и взятые затем в Уложенную комиссию, как сообщает сам Тейльс, ко времени окончания студентом своей учебы уже «все там пережалованы регистраторами, а иные секретарями коллежскими» (т.е. получили чины вплоть до 10-го класса). Иными словами, с точки зрения тех ожиданий, которые предъявляли студенты к университету в отношении будущей службы, аттестат не давал реальных преимуществ, которые бы превосходили «утрату в зачет службы» стольких лет, проведенных на студенческих скамьях. Эту проблему смог решить только устав 1804 г.

Частично во второй половине XVIII в. недостатки статуса выпускника пытался решить и сам университет, но только в отношении тех его студентов, кто после окончания стремился продолжить ученую карьеру в альма-матер. Речь идет о «спонтанном», т.е. не обеспеченном законодательством возникновении ученых степеней в Московском университете. Они присваивались по ордеру куратора и решением Конференции и употреблялись только внутри университета, так как государственного статуса не имели. В Европе XVIII в. окончание учебы в университете было однозначно связано с получением какой-либо ученой степени, которых по средневековым традициям насчитывалось

¹ Об Артемьеве известно, что впоследствии он служил «экзекутором» при Московском университете, т.е. занимался хозяйственными вопросами, и скончался в 1823 г. в чине коллежского советника.

пять: кандидат, бакалавр, магистр, лицензиат, доктор. Присвоение выпускнику той или иной степени зависело от факультета, на котором он учился: например, степень магистра употреблялась только на философском факультете, где была высшей и именовалась «магистр философии и свободных художеств». Напротив, степень лицензиата была характерна для высших факультетов (в основном юридического и богословского) и выступала там подготовительной перед защитой диссертации на степень доктора.

На существование ученых степеней в Московском университете второй половины XVIII в. впервые обратил внимание А.Е. Иванов. Он подчеркнул: ...«данные “Биографического словаря профессоров и преподавателей Московского университета” свидетельствуют, что в XVIII в. в его академический быт постепенно входит ученая степень “магистр философии и свободных наук”»¹. Эта и другие ученые степени никак не фигурировали в «Проекте об учреждении Московского университета», хотя, как показал А.Ю. Андреев, они планировались в первоначальной редакции проекта, где речь шла о доходах, «которые должны в казну платить новопроизведенные Докторы, Лиценциаты и Магистры за даемые им грамоты»². По предположению Андреева предложение ввести степени в Московском университете исходило от М.В. Ломоносова, но И.И. Шувалов воспротивился этой идее.

Тем не менее первые употребления ученых степеней внутри Московского университета встречаются именно в период кураторства Шувалова, и здесь можно опереться не только, как А.Е. Иванов, на данные Биографического словаря, но и на прямой анализ источников – «Объявлений о лекциях» и протоколов университетской Конференции. Во-первых, в университете тогда уже находились несколько преподавателей, которым ученые степени были присвоены в других учебных заведениях, например А.А. Барсов и Н.Н. Поповский – магистры, получившие свое звание в Петербургской академии наук, или Д.В. Савич – ма-

гистр Виттенбергского университета. Во-вторых, со второй половины 1758 г. в «Объявлениях» среди читающих лекции можно обнаружить и собственно «магистров Императорского Московского университета». Этого звания были удостоены четыре лектора иностранных языков: Н. Папафило, В. Рауль, И.Г. Рейхель и Х.Г. Кельнер. Поскольку в протоколах Конференции какие-либо сведения об этом отсутствуют, то очевидно, что степень магистра была присвоена всем четверым по прямому распоряжению куратора И.И. Шувалова, хотя, к сожалению, его ордеров за 1758 г. не сохранилось и проверить, был ли такой приказ в действительности, не удастся. Как отмечает А.Е. Иванов, «институт магистратуры не был конституирован законодательно, а являлся результатом академического нормотворчества Конференции профессоров Московского университета. Его статус был неопределенным»; степень магистра «не имела определенного должностного эквивалента»¹. Носитель этой степени мог быть простым учителем университетской гимназии, а мог занимать должность адъюнкта или даже экстраординарного профессора.

Итак, с конца 1750-х гг. в Московском университете появилась «собственная» степень магистра, которую присваивали молодым ученым, начинавшим преподавание на философском факультете. Однако, как показал наш анализ, эту степень со временем стали получать и студенты, оканчивающие учебу с отличными результатами. Первое такое упоминание находится в ордере куратора Ф.П. Веселовского от 6 мая 1762 г., где предписано Ивану Алексею, который «в бытность свою при университете оказался в науках знающим и достойным, как аттестатом конференции гг. профессоров засвидетельствовано, того ради тому студенту Алексею по его наукам при отпуске дать от университета чин магистра»². Между маем и августом 1762 г. степень магистра получил другой студент философского факультета (в будущем профессор) Дмитрий Аничков, который в этом году начал преподавание математики в университетской гимназии³. Спустя год последовала просьба о присвоения сте-

¹ Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. С. 31–32.

² Документы и материалы... Т. 1. С. 247.

³ Там же. С. 245, 253.

¹ Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М., 1994. С. 33–34.

² Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. С. 60.

пени магистра, на этот раз от студента Ефима Орлова, который, преподавая уже некоторое время в гимназии, «просил, чтоб его исключили из числа студентов и дали звание магистра свободных художеств»¹.

Если первоначально степень магистра была просто отличием, фиксирующим успехи студента и переводившим его как бы на новую ступеньку вверх в университетской иерархии, то в дальнейшем получение этой степени в Московском университете стало более формализованным и рассматривалось как условие допуска молодого преподавателя к чтению самостоятельного курса лекций на философском факультете. Для утверждения будущего ученого в этом качестве требовалось не только сдать экзамен, но и сочинить диссертацию². Скажем, Д.С. Аничков получил свое звание еще без всякой диссертации, а в 1769 г., претендуя на должность профессора, все-таки должен был представить свое сочинение. В 1780-х гг. оканчивающие учебу на философском факультете А.М. Брянцев и М.И. Панкевич получили степень магистра одновременно с правом чтения университетских лекций после защиты диссертации в Конференции.

Таким образом, в последней трети XVIII в. студент, оканчивающий учебу и желавший продолжать ученую деятельность в Московском университете, должен был выдержать подробный экзамен, а зачастую и сразу представить диссертацию, дающую право на присвоение ему ученой степени. То, что так обстояло дело не только с выпускниками философского факультета, показывает пример И.А. Сибирского. Летом 1770 г. после шести лет пребывания в университете он еще значился в документах студентом, хотя в том же году по распоряжению куратора объявил курс лекций по теоретической медицине, а потому встал вопрос о его испытании на ученую степень. 24 сентября 1770 г. он подвергся в конференции строгому экзамену, который, по мысли куратора В.Е. Адодурова, открывал Сибирскому путь к получению степени доктора медицины (для чего требовалось также защитить диссертацию). Но Медицинская коллегия не разреши-

¹ Документы и материалы... С. 269.

² См.: *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. С. 32.

ла Московскому университету производить в степень доктора медицины. Данное право, согласно положению от 1764 г., было закреплено лишь за этой коллегией как государственным органом, поэтому Сибирский именовался в дальнейшем кандидатом медицины, хотя диссертацию все же защитил в 1778 г. перед получением звания профессора¹. Кандидатом медицины в 1797 г. стал и будущий профессор анатомии И.Ф. Венсович, проведя до этого в университете десять лет.

Право присвоения докторской степени (только медицины) было даровано Московскому университету лишь в 1791 г. указом Екатерины II². Это было и первым в Российской империи законоположением об ученой степени³. Первым в Московском университете, получившим докторскую степень, стал в 1794 г. Ф.И. Барсук-Моисеев (Борсук-Мойза), вторым (только через семь лет!) 28 июня 1801 г. защитил диссертацию Максим Успенский, а 14 июня 1802 г. докторскую степень получил И.А. Двигубский⁴. Докторской степени других, не медицинских наук не было. Хотя еще в 1767 г. студент И. Федоров и бакалавр Р. Гвоздиковский, «ссылаясь на пример иностранных университетов», просили Конференцию удостоить их «докторского чина» (первого по философскому, а второго – по юридическому факультетам), ссылаясь на свои труды в Комиссии о сочинении нового уложения. Но Конференция не сочла нужным даже обсуждать это ходатайство».

Наряду со степенями магистра философии и кандидата медицины, обозначавшими выпускников университета, которые начинали самостоятельное преподавание, в 1780–1790-х гг. в Московском университете употреблялась и другая степень для выпускников – бакалавр. А.Е. Иванов установил имена только четырех бакалавров Московского университета XVIII в. Помимо Ильи Федоровича Яковлева, являвшегося младшим преподавателем в гимназии и получившего в 1764 г. звание бакалавра философии, это поэт Е.И. Костров (в 1779 г.), Р. Гвоздиковский

¹ См.: Документы и материалы... Т. 3. С. 381.

² См.: ПСЗ. Т. 23. № 16988.

³ См.: *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. С. 28.

⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 2097. Л. 190 об.; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 486. Д. 142. Л. 1 об.

и А.А. Прокопович-Антонский (в 1784 г.), будущий ректор Московского университета и директор Благородного пансиона¹. Данный список необходимо дополнить следующими именами: Иван Верещагин (бакалавр с 1775 г.)², П.И. Русановский (1782), директор Музеума Адмиралтейского департамента³; В.О. Шишатский (1789), профессор в Демидовском училище в Ярославле⁴; Я.А. Рубан, профессор Черноморского корабельного училища в Николаеве (был возведен в магистерское достоинство из бакалавров в 1790 г.)⁵; А.Д. Барсов (1790), будущий магистр; адъюнкт и магистр М.Н. Баккаревич (1792)⁶; Г.М. Яценко (1792), адъюнкт Санкт-Петербургского университета⁷; И.Е. Срезневский (1797), профессор Харьковского университета; будущие профессора Московского университета Л.А. Цветаев (1798)⁸ и А.Ф. Мерзляков (1798), в 1804 г., согласно новому уставу, переименованный из бакалавров в кандидаты и в том же году получивший магистерскую степень.

Характерно, что все студенты, кроме И. Федорова (Яковлева), были удостоены степени бакалавра после 1779 г. – года открытия при университете на средства Дружеского ученого общества Педагогической (Учительской) семинарии.

Университетскими занятиями с бакалаврами руководили инспектора Педагогической семинарии, среди которых в 1780–1790-х гг. следует назвать профессоров И.Г. Шварца, Х.А. Чеботарева, Ф.Г. Баузе, П.А. Сохацкого⁹. Бакалавры также входили в состав Общества университетских питомцев и участвовали в его заседаниях (см. главу 4, пункт “Масонская эпоха”). Существование «бакалаврии» как успешно действовавшего в конце XVIII в. в рамках Московского университета института, который готовил

¹ См.: *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. С. 34.

² См.: *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета. С. 196.

³ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1885.

⁴ См. там же. Ф. 54. Оп. 184. Д. 304.

⁵ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 108. Л. 12.

⁶ См. там же. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2734.

⁷ См. там же; РГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 17.

⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 486. Д. 142.

⁹ См.: *Шевырев С.П.* Указ. соч. С. 335.

будущих преподавателей и профессоров, повлияло на проекты университетских реформ и было законодательно оформлено в уставе 1804 г. под именем Педагогического института, состоящего из казеннокоштных кандидатов. Первое предложение о включении такого института в устав Московского университета было сделано комитетом от 18 марта 1802 г. под руководством будущего попечителя М.Н. Муравьева¹. Можно сказать, что сама степень кандидата в Уставе 1804 г. была преемственной от степени бакалавра, самостоятельно сложившейся в Московском университете в последней трети XVIII в.

24 января 1803 г. высочайшим указом «Об устройстве училищ» российским университетам давалось право присваивать ученые степени². Устав 1804 г. внес два существенных изменения в статус выпускника Московского университета. Во-первых, отныне любой студент, покидающий университет с аттестатом (а не только дворянин, как раньше), мог записываться в любой род службы с чином 14-го класса. Для получения университетского аттестата в уставе даже не был прописан обязательный экзамен, а требовалось только указать, «коликое время пользовался он Университетскими постановлениями», а также представить «свидетельства Профессоров, у коих слушал лекции, и свидетельство Ректора о его поведении» (п. 113), что соответствовало практике европейских университетов (где, однако, аттестат не был напрямую связан с получением чина!). Введение этой нормы значительно повысило приток студентов в Московский университет, стимулировало интерес к нему со стороны общества. В то же время нельзя не видеть и негативные стороны: выше уже цитировалось мнение отца С.П. Жихарева, который, обрадовавшись получению сыном классного чина, торопил его со вступлением в службу, совсем не думая о его занятиях.

Впрочем, второе важное нововведение устава 1804 г. заключалось в том, что он давал возможности ускоренного продвижения по лестнице чинов, и только лишь за счет успехов

¹ См.: *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. С. 264.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Стб. 17.

студента в учебе. Вводилась иерархия ученых степеней, каждая из которых соответствовала все более глубокому усвоению наук и одновременно давала права на все более высокий чин: кандидат – 12-го класса, магистр – 9-го класса, доктор – 8-го класса (потомственное дворянство).

Младшая из них – ученая степень кандидата – была первой в университете, для которой по уставу были предусмотрены экзамены. Пункт 99 гласил: «Студент, требующий степени Кандидата, является к Декану, которой, известив Отделение, назначает день, в которой должен он предстать Собранию. Отделение чрез своего Декана предлагает испытуемому задачи, касающиеся до Наук, к отделению принадлежащих, которые он должен объяснить письменно. Потом производится изустное испытание, состоящее в двух вопросах, относящихся до главной Науки, в которой Студент упражнялся, и выбранных по жребию. Сии вопросы решит он словесно. После чего присутствующие делают произвольное словесное испытание, не исключая и Наук вспомогательных».

С одной стороны, готовность студента начала XIX в. выдержать экзамены на степень кандидата означала, что он действительно глубоко вникал в содержание лекций и занимался науками. С другой стороны, легкость процедуры несложного письменного и устного экзамена зачастую приводила к тому, что высшее московское дворянство таким способом «добывало» чин 12-го класса для своих сыновей. Так, А.С. Грибоедов, по-видимому, получил степень кандидата в 13 лет, причем его более старший товарищ В.И. Лыкошин подчеркивает, что если он перед экзаменом усиленно занимался, готовил выпускное сочинение (за которое получил от университета серебряную медаль), то Грибоедов «учился посредственно», но в итоге оба в 1808 г. получили искомую степень¹. В Московском университете оба товарища к тому моменту проучились лишь два года, т.е. на год меньше предписанного уставом срока, но из анализа списков произведенных в кандидаты, ежегодно публиковавшихся в «Московских ведомостях», выявляется даже несколько случаев (Василий Иванович Соц, Семен Алексеевич Смирнов), когда по-

¹ См.: Лыкошин В.И. Указ. соч. С. 36.

лучившие степень кандидата учились всего год¹. И все же, как правило, экзамен на кандидата сдавали по истечении трех-четырех лет учебы. Наконец, в архивном деле встретилось и упоминание о производстве в кандидаты «из уважения к заслугам родителя», – правда, речь шла о Никите Михайловиче Муравьеве, сыне попечителя М.Н. Муравьева, просившего о возведении в степень (и горевшего желанием скорее начать военную службу) в ноябре 1812 г., когда правильные экзамены устроить было невозможно².

Чтобы получить степень магистра, в начале XIX в. учились с момента поступления в университет 5–8 лет (хотя бывали и длительные сроки – Илья Климов учился целых 14 лет). Некоторые студенты успели до начала Отечественной войны пройти всю лестницу ученых степеней, получив последовательно кандидата, магистра и доктора. С одной стороны, это могло свидетельствовать о действительных талантах выпускников. Так, будущий профессор латинской и греческой словесности Р.Ф. Тимковский, поступив в студенты в 1800 г., в 1804 г. стал кандидатом, в 1805 г. – магистром, а в 1806 г. – доктором (после чего был отправлен продолжать учебу за границу). Его товарищ А.Ф. Мерзляков был переведен из бакалавров в казеннокоштные кандидаты в 1803 г., степени магистра удостоился в 1804 г., а доктора – в 1805 г. Д.А. Облеухов, которого за его успехи удостоил особого внимания попечитель М.Н. Муравьев и перевел в студенты из Благородного пансиона летом 1805 г., получил степень кандидата по словесному отделению уже через полгода, в январе 1806 г., степень магистра по тому же отделению – в 1807 г., а в 1811 г., выдержав все необходимые испытания и представив диссертацию, – степень доктора по физико-математическому отделению.

С другой стороны, и в присуждении высших ученых степеней выпускникам Московского университета в начале XIX в. учитывались «особые обстоятельства». Из ряда вон выходящий случай связан с Алексеем Алексеевичем Перовским, внебрач-

¹ См.: Московские ведомости. 1805. № 54; Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 418.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 109. Ед. хр. 328. Л. 2.

ным сыном графа А.К. Разумовского, известного вельможи, президента открытого при университете Общества испытателей природы, а позднее – министра народного просвещения. Поступивший студентом в Московский университет 16 августа 1805 г., в возрасте 18 лет, Перовский всего через два года и два месяца (16 октября 1807 г.) получил сразу высшую степень доктора философии и словесных наук, минуя все промежуточные. Ученую деятельность он, однако, продолжать не стал, а тут же поступил на службу, сначала гражданскую, а затем военную, хотя просвещенное воспитание, полученное им, и университетские знания, конечно, сказались в бытность Перовского во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг. попечителем Харьковского учебного округа¹.

Постепенно либеральное отношение к выпуску студентов из Московского университета, характерное для 1800-х гг., начало меняться. Прежде всего это коснулось казеннокоштных студентов, не кончавших курса. Если они в отведенный срок (т.е. три года) не сумели сдать выпускные экзамены на ученые степени, позволявшие оставаться в университете, то их отправляли на службу учителями в уездные училища, выдав им лишь свидетельство о прослушанных курсах с отметкой о поведении, которое не давало никаких прав и преимуществ, что оговаривалось в его тексте. Если же и к их поведению возникали нарекания, то, согласно постановлению министерства от 21 апреля 1811 г., их разрешалось отсылать на военную службу солдатами². Угроза «солдатчины» в Московском университете в первые десятилетия практически не применялась, но в начале 1830-х гг. была действенным средством воздействовать на студентов, поведение которых не одобрялось университетским начальством (достаточно вспомнить, какое впечатление эта угроза произвела на В.Г. Белинского).

Точное количество студентов, окончивших или не окончивших курс в 1804–1812 гг., при отсутствии архивных данных подсчитать не удастся. Можно только заметить, что нормальный ход учебы прервала Отечественная война 1812 г., в период кото-

¹ См.: Кирпичников А. Антоний Погорельский // Исторический вестник. 1890. Т. 42. С. 45–82.

² См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 628–629.

рой многие студенты бросали учебу, вступали в ополчение или шли оказывать медицинскую помощь в армию. Данные о выпускниках Московского университета за 1813–1825 гг. приведены в следующей таблице.

Таблица 9.

Данные о студентах, вышедших из Московского университета в 1813–1825 гг.

		Кол-во студентов	Доля
Получили степени		600	83 %
В том числе	1-го отделения лекарь	56	8 %
	2-го отделения лекарь	29	4 %
	3-го отделения лекарь	2	0,3 %
	доктор медицины	3	0,4 %
	действительный студент	421	58 %
	кандидат	89	12 %
Окончили полный курс без получения степени		11	1,5 %
Не окончили курс		70	10 %
В том числе	определены учителями	21	3 %
	исключены	12	1,7 %
	другое	37	5 %
Общий итог		722	100 %

Среди причин увольнения студентов в этот период встречается уже и желание продолжить образование в других учебных заведениях. Например, В.М. Черняев в 1812 г. перешел на медицинский факультет Харьковского университета, С. Подшивалов – в Горное училище¹. Е.П. Люценко перевелся в Школу практического земледелия в Царском Селе, И.Д. Книгин – в медико-хирургическое училище при Московском генеральном сухопутном госпитале². А Франц Вейстербер продолжил свое учение в московском отделении Императорской медико-хирургической академии.

20 января 1819 г. было утверждено «Положение о производстве в ученые степени» – первый в истории России устав, регулирующий процесс научной аттестации и закреплявший роспись

¹ См.: Документы и материалы... Т. 3. С. 467.

² См.: Змеев Л.Ф. Русские врачи-писатели. С. 147.

№ 1665 6 июля 1825 г.

Всё Правление Императорского Московского
университета

Отъ Своёгоишаго Студента Неронасия Пашоркина

Прошение

По окончаніи мною учебнаго курса по Нравственно-
Политическому Отделению получилъ я изъ Совета
Университета на званіе действительнаго
Студента Свидетельство и зрелую Вступилъ
въ Военную Службу. Правленіе Императорскаго
Московскаго Университета, покорившись прошу
Уволить меня отъ Университета Сказавъ
Надворнику въ Аттестатный Водрагъ
такоже и представивши мною при опреде-
леніи Аттестатъ изъ Дуновской Печер-
ницкой Семинаріи къ Сему прошенію
Своёгоишый Студентъ Неронасій Пашоркинъ
руку Привофилъ.

Сего

Число 6. дня Октября и Докладъ Попечителю
1825 года. Докладъ Мухомовъ.

Прошение об увольнении студента из университета. 1825 г.

ученых степеней и разрядов наук (вводилось 14 разрядов в соответствии со специализацией университетских кафедр), требования, предъявлявшиеся к соискателям, правила сдачи экзаменов и защиты диссертаций¹. Он естественным образом заполнял лакуны и упорядочивал недостаточно формализованные процедуры возведения в степени, прописанные в уставе 1804 г.

Согласно положению 1819 г. студенты-медики получали по окончании университета звание лекарей 1-, 2- и 3-го класса. Присвоению лекарского звания должна была предшествовать медицинская практика. Медики проходили практику в городской больнице или военном госпитале, обучаясь умению совершать операции и «анатомо-физиологические демонстрации»². 27 мая 1815 г. было запрещено производить выпускников медицинских факультетов прямо в высшую степень доктора медицины и хирургии, минуя звание лекаря, что обеспечивало необходимую практику для ученых-врачей. Однако производство студентов в степень доктора медицины (отличную от степени доктора медицины и хирургии) хоть и редко, но происходило. Так, получили эту степень студенты А.А. Иовский (будущий профессор Московского университета) и И.Д. Виноградов. Студент И.В. Протасов в 1827 г. выдержал экзамен на степень доктора медицины, а в 1831 г. был утвержден в этой степени³.

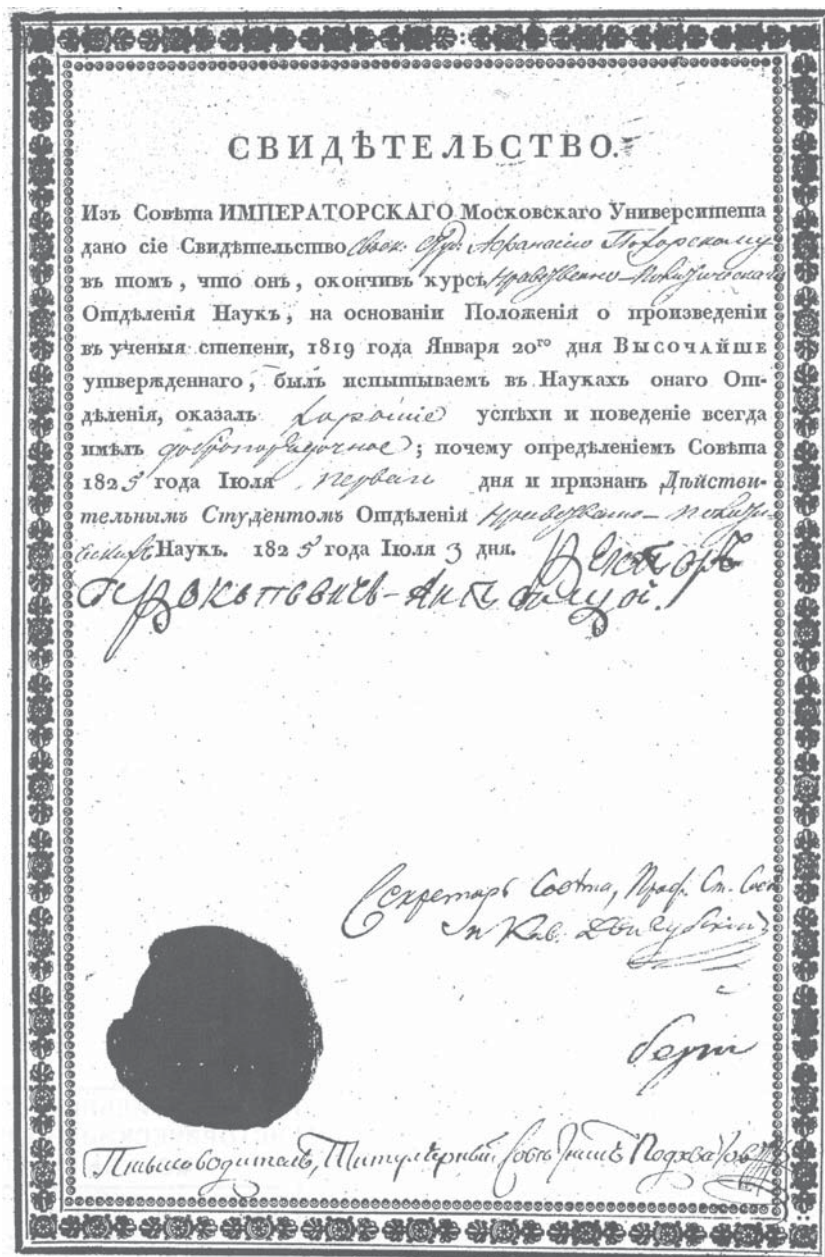
Чтобы получить степень действительного студента, согласно положению, полагалось пройти полный курс в три года, причем многие учились четыре-пять лет, а некоторые и больше – до восьми лет. Такой долгий срок объяснялся тем, что студенты не всегда являлись на экзамены или же увольнялись из университета и поступали снова.

По положению 1819 г. производство в кандидаты должно было строго следовать за получением степени действительного студента, хотя на деле часто практиковалось награждение «за отличные успехи и примерное поведение» кандидатской степенью «трехгодичных студентов», т.е. окончивших курс, но еще не удостоенных звания действительного студента. Среди студентов,

¹ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 1135–1136.

² Там же. С. 533, 545, 616–618.

³ См.: Московские ведомости. 1831. № 57.

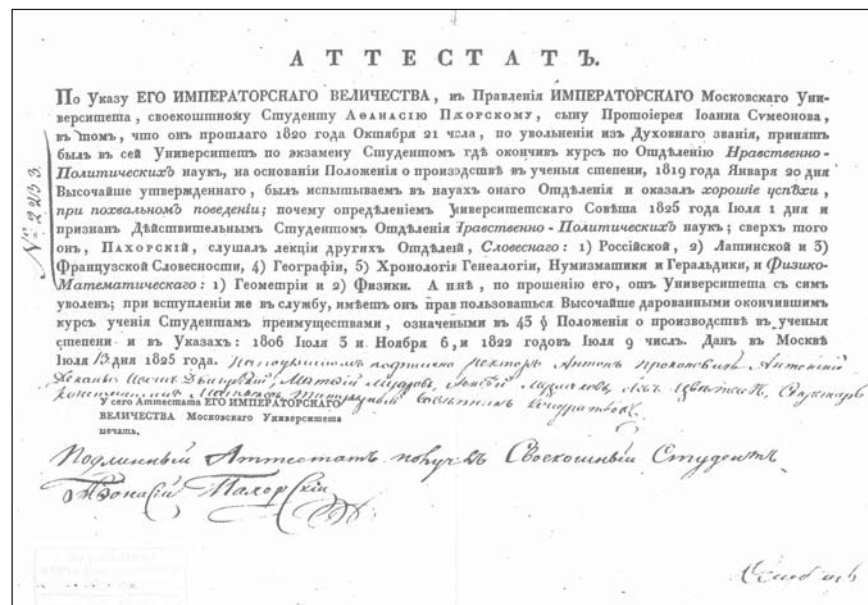

Свидетельство об окончании курса 1825 г.

произведенных сразу в кандидаты до окончания трехгодичного срока, известен Ф.И. Тютчев, который, как уже говорилось, в 1821 г. подал прошение на допуск к экзамену на степень действительного студента. После экзамена, состоявшегося 8 октября 1821 г., профессор А.Ф. Мерзляков писал, что Тютчев известен как студент не только успевающий, но «сверх того отличившийся своими упражненіями в сочинении», а потому «достойн степени кандидата». Случай Тютчева действительно исключительный, но не единственный, известны и другие примеры получения степени кандидата до окончания полного срока учебы. За 1813–1825 гг. помимо Тютчева известно восемь случаев, правда, в шести из них студенты получили эту степень до 1819 г. После же выхода «Положения о производстве в ученые степени» известны только два подобных случая – с будущими профессорами Московского университета Н.Е. Зерновым (который, правда, еще за год до поступления в Московский университет учился в звании студента в Ярославском Демидовском высших наук училище) и М.П. Погодиным.

Те из студентов, кто не окончил курса, оставили учебу в основном по тем же причинам, что и студенты, учившиеся в Московском университете до 1812 г. Это, во-первых, желание поступить на службу. Часть студентов была исключена за непосещение лекций или дурное поведение, другие увольнялись сами по причине болезней. Некоторые из студентов умерли, не дожив до конца своего обучения. Были и такие, кто переходил из Московского университета в другие учебные заведения. Скажем, Александр Овер, бывший вольный слушатель в Московской медико-хирургической академии, в 16 лет перешел студентом в Московский университет, где слушал лекции М.Я. Мудрова на медицинском факультете. А в 1823 г. перешел назад в академию, где в том же году в возрасте 20 лет получил степень доктор медицины. М.П. Вронченко, будущий военный геодезист, генерал-майор, проучившись в университете менее одного года, поступил в Московскую школу колонновожатых.

Проведенный в этой главе анализ позволяет сделать следующие выводы. Отмеченное усиление роли дворянства в студенческом составе Московского университета на протяжении второй половины XVIII – первой четверти XIX в. непосредствен-

Студенческий аттестат 1825 г.

но наблюдается и по данным о том, какие учебные заведения оканчивали будущие студенты. Для XVIII в. наиболее важным из таких заведений была университетская гимназия, а после нее шли духовные училища (академии, семинарии). С начала XIX в. картина резко изменилась: роль университетской гимназии резко упала (а после 1812 г. она была закрыта), большая часть студентов теперь имела домашнее образование или училась в Благородном пансионе и губернских гимназиях.

Как правило, студентов зачисляли в Московский университет по экзамену. Он был обязателен при производстве в студенты из гимназии, а также и для выпускников других училищ в XVIII в., причем его программа вначале не была строго формализована, но обязательно включала проверку знания латинского языка, на котором читалось значительное число лекций. В начале XIX в. в связи с притоком дворян требования к поступающим снизились, на что сетовали сами профессора. В 1800-х гг. экзамен, который молодые дворяне, получившие образование дома, должны были держать в комиссии, назначенной ректором, за-

частую превращался в пустую формальность. Снижение требований было неизбежной оборотной стороной количественного увеличения числа студентов в эти годы. Попытка поставить перед дворянами высокие требования по латинскому языку, принятая в 1812 г., успеха не имела. Однако в дальнейшем порядок со вступительным экзаменом постепенно налаживался, и в 1817 г. было принято соответствующее положение и утвержден список предметов, в которых поступающий должен был продемонстрировать требуемый уровень знаний.

Средний возраст поступающих в студенты Московского университета менялся от эпохи к эпохе. В целом в XVIII в. студенты были старше (16–18 лет), чем в начале XIX в., а еще старше (как правило, 19 лет и выше) являлись поступающие в университет выпускники семинарий (как писал Д.Н. Свербеев, они уже «брили бороды»). В связи с желанием дворянских семей ускорить продвижение своих отпрысков по чинам в начале XIX в. появилось такое явление, как «студенты-мальчики». На это указывали современники, подтверждается это и нашими источниками, в которых фиксируется наличие в 1800-х гг. 11-летних студентов. После Отечественной войны в связи с постепенным ужесточением требований к поступавшим их возраст начал повышаться, хотя 14–16-летних студентов в 1810-х гг. все равно было много. Иван Федорович Гильтебрандт, сын профессора Московского университета, сам в будущем университетский адъюнкт и экстраординарный профессор Московской медико-хирургической академии, в 1818 г. стал студентом, имея вообще 12 лет от роду! В 1820 г. распоряжением министерства было принято ограничение для поступления в университет на уровне 17 лет, которое подтверждалось и в дальнейшем законодательстве. Впрочем, существовали способы обойти это ограничение (применявшиеся, естественно, дворянскими семьями) и весьма юные студенты как исключение продолжали встречаться и в первой половине 1820-х гг.

Первоначальный срок учебы, согласно «Проекту об учреждении Московского университета», составлял три года, причем учеба на всех факультетах университета была по проекту равнозначной. Однако с конца 1760-х гг. сложилась новая система, согласно которой минимальный срок, необходимый для оконча-

ния университета, составил шесть лет, из них три должны были приходиться на философский факультет – подготовительный и обязательный для всех студентов, а три или четыре года на один из высших факультетов – юридический или медицинский. В соответствии с этим в 1770–1780-х гг. формируются трехлетние циклы лекций, рассчитанные на то, что зачисление и выпуск студентов происходит раз в три года. Ни о какой «свободе обучения» для студентов в эти годы речи не шло. Но и выпускников университета, т.е. студентов, способных выполнить все эти требования и прослушать полный курс предметов, было крайне мало. Лишь каждый шестой обучался в университете в течение шести и более лет, а за всю вторую половину XVIII в. их количество вряд ли превысило полсотни человек.

Поэтому с принятием устава 1804 г. было восстановлено равноправие факультетов (хотя одновременно сохранилось понятие о курсе «приуготовительных наук»). Студенты начала XIX в. проводили в университете в среднем от двух до четырех лет, многие из них спешили выйти на действительную службу с классным чином, права на который предоставлял устав. В 1800-х гг. в ходе учебы они сами могли выбирать себе профессоров, а для получения аттестата при выходе не существовало никаких формальных требований, кроме свидетельства профессоров, что студент действительно слушал его лекции. В 1810-х гг. «свобода обучения» была вновь ограничена, профессора и предметы для изучения определялись с помощью специальных табелей. С 1819 г. прохождение полного курса в три года (а у медиков – в четыре) стало обязательным для получения классного чина. Соответственно увеличилась и средняя продолжительность учебы, а для контроля за студентами были введены публичные экзамены в конце года, что впоследствии привело к складыванию в Московском университете курсовой системы.

Студенты неровно относились к своим профессорам: были всеобщие любимцы, но были и те, к которым ходили только «по обязанности». Среди любимых студентами предметов, живой интерес к изучению которых смогли заронить профессора, следует упомянуть российскую словесность, древние языки, физику, математику, российское право и всеобщую юриспруденцию.

В то же время случались и конфликты между студентами и профессорами на почве разницы социального положения между профессором – вчерашним разночинцем – и студентом-аристократом.

Заканчивая учебу, студенты-дворяне в XVIII в. стремились получить аттестат, дававший по одному из указов, подготовленных И.И. Шуваловым, право на внеочередное производство в следующий чин (желание получить его поскорее приводило к тому, что мало кто из студентов-дворян тогда задерживался в университете на несколько лет). Для выпускников-разночинцев университет должен был особо ходатайствовать об их чинопроизводстве в соответствии с успехами, как это произошло в случае первых выпускников – Алексея Артемьева и Ивана Борзова. Проблема единого стимула к учебе в виде назначаемого всем студентам классного чина была решена уставом 1804 г.: согласно ему звание студента соответствовало 14-му классу в Табели о рангах. Однако эта же мера привела и к злоупотреблениям, когда в университет записывались исключительно ради чина и стремились затем его быстро покинуть и перейти на службу. Поэтому следующий шаг в нормализации законодательства был вполне закономерен: по «Положению о производстве в ученые степени» (1819) чин 14-го класса присваивался лишь с получением звания «действительный студент», которое было возможно по окончании полного курса учебы и по сдаче экзаменов.

Средством стимулировать успешную учебу являлась и утвержденная в ходе реформ начала XIX в. связь между классными чинами и учеными степенями в университете. Впрочем, как показал анализ, первые ученые степени зародились в Московском университете во второй половине XVIII в. без всякого законодательного обоснования, в силу традиции: здесь употреблялись степени магистра для обозначения молодого ученого, выпускника университета, переходящего к самостоятельному чтению лекций, и бакалавра – для выпускника, еще только готовящегося к преподаванию в составе так называемой Педагогической семинарии. Степень бакалавра непосредственно предшествовала введенной в 1803 г. ученой степени кандидата. Лестница ученых степеней открывала идущим по ней путь к быстрому получе-

нию чинов, чем в начале XIX в. зачастую пользовались дворяне благодаря своим связям. Но и в данном случае возможность злоупотреблений прекратило введение положения 1819 г., после которого количество выпускников, получающих степени кандидата и выше, упало, а большинство окончивших курс выходили действительными студентами. Заметное число студентов (хотя уже не большинство, как в прежние эпохи) в 1810–1820-х гг. по различным причинам не заканчивали курса, но теперь они получили возможность продолжать учебу в других учебных заведениях.

ГЛАВА 3.

Быт московского студенчества

В исследовании повседневной жизни Московского университета одну из важных сторон составляют бытовые условия проживания и учебы студентов, характерные детали их поведения, привычки и общие интересы, дружеские беседы, круг чтения, отдых и развлечения в часы досуга. Учеба студентов, правила их поведения в университете (а для казеннокоштных воспитанников также и поведение в свободное время) были достаточно строго регламентированы. Но помимо источников официального характера – указов, законов, различных постановлений или распоряжений – воссоздать повседневную жизнь московских студентов, конечно, помогают их дневники, переписка, мемуары.

Корпоративная униформа

Первый из внутриуниверситетских актов, регламентирующих быт студентов, был принят в 1765 г. Это проект студенческой присяги, согласно которому все студенты обязывались «соблюдать истое благочестие, неутомимое прилежание в изучении наук, трезвое и скромное поведение, одеваться прилично и опрятно и всегда поступать так, как подобает человеку благородному и свободного состояния, и, напротив, избегать пьянства, пирушек, шумных сборищ и всех вообще запрещенных увеселений, в частности, игры в карты и в кости, а также всех иных пороков»¹. Им запрещались ссоры и драки, а особенно строго – дуэли и секундантство. Проект присяги, несколько раз переработанный, был в 1765 г. издан под названием «Устав, к наблюдению которого все университетские студенты обязуются письменно». В нем, в частности, говорилось: «Желающий обучаться в Императорском Московском университете, не может

¹ Документы и материалы... Т. 2. С. 81.

быть допущен к слушанию публичных в оном профессорских лекций», если «в свидетельстве не будет точно показано о его благонравии». Студенты должны были «одеваться пристойным образом, избегая цинической гнусности, так как и излишнего щегольства», «жить скромно и соразмерно своим доходам, не входя ни в какие долги».

Корпоративной формой студентов университета являлся мундир. «Университет имел свой мундир, сходственный с мундиром Московской губернии» – малинового цвета с синим бархатным воротником и белыми пуговицами¹. Первое упоминание о введении мундира в Московском университете относится к 1782 г. и связано с празднованием 20-летия восшествия на престол императрицы Екатерины II. Мундир Московской губернии, который должны были носить и профессора, и студенты, тогда представлял собой красный суконный камзол и дополнялся панталонами до колен, чулками, башмаками и черной треугольной шляпой.

Но далеко не все студенты носили такой мундир, разве только в дни общеуниверситетских торжеств. Из записок И.Ф. Тимковского известно, что «в одеянии студенты не имели никакой определенной формы», даже «университетский мундир не все имели. Каждый, и состоящий на жалованье, одет был, как мог и как хотел. Одним было довольно на лето сюртука, а в зиму благоприятствовал фриз сюртуком или шинелью; но большая часть одевалась достаточнее. Иные же являлись по-тогдашнему в красных драповых плащах и высоких островерхих шляпах, в модных кафтанах до пят, с огромными узорно-литыми английской стали пуговицами, с оцепленными часами, все лето в башмаках, зимою в сизо-енотовых шубах, в отвернутых по икре бархатных сапогах; и как на съездах московских мешались мундиры многих губерний, то москвичи, а с ними, бывало, и студенты, по красоте и вкусу, любой себе выбирали»². Сам Илья Федорович носил мундир «новгородский синий с черным».

Поэтому преувеличенным кажется утверждение С.П. Шевырева о том, что «напудренные студенты ходили всегда, даже гуляя за городом, в мундирах зеленого цвета с красным ворот-

ником, обшлагами и подбоем»¹. Хотя, конечно, некоторые казеннокоштные студенты (а Степан Петрович в этой фразе говорил о студентах именно казенного содержания) по своей бедности вынуждены были носить только мундир, выданный им университетом, поскольку просто не имели средств на покупку одежды, способной его заменить.

«Формы, – вспоминал П.С. Полуденский, учившийся в университете в 1794–1797 гг., – как теперь, своекоштные студенты не имели, что ж касается до казенных, то они имели сюртуки и мундиры. В мундирах между разночинцами и дворянами была разница, и... они жили врознь. – Сначала у разночинцев мундир был синий, с красными обшлагами, а у дворян красный с синими обшлагами. Впоследствии времени всем шиты были одинаковые. В пуговицах сохранялась, кажется, какая-то разница»². На самом деле разница в мундирах между разночинцами и дворянами была только у гимназистов. «Когда разночинцы гимназисты производились в студенты, – указывает П.И. Страхов, – им малинового цвета платье менялось на зеленое дворянское»³.

В 1797 г., по воспоминаниям П.И. Страхова, «Высочайше пожалован был всему Университету, вместо прежних зеленых, один общий новый мундир, суконный темно-зеленый, на зеленом же стамедном подбое, с малиновым воротником и обшлагами и с пуговицами серебряными, на коих изображался Уни-

Мундир Московской губернии 1785 г.

¹ См.: Тимковский И.Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову. С. 36.

² Там же. С. 36.

¹ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 167.

² Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете. С. 21.

³ Страхов П.И. Краткая история... С. 31.

Мундир Московской губернии 1798 г.

верситетский герб; исподнее же платье определялось при этом мундире белое»¹. Несомненно, имеется в виду указ Павла I от 15 февраля 1797 г., вводивший новые губернские мундиры, для которых были определены «кафтаны суконные темно-зеленые, с наблюдением в воротниках и обшлагах тех цветов, какие заключаются в Губернских гербах, и с означением на пуговицах тех же самых гербов»². Таким образом, студенты (а также преподаватели и чиновники университета) продолжали носить мундир Московской губернии.

14 октября 1800 г. Павел I утвердил новый мундир собственно Московского университета, отличный от мундиров прочих ведомств: темно-зеленый кафтан, «воротник и обшлага на кафтане малиновые, пуговицы белые, в одной половине с гербом Империи, а в другом с атрибутами учености»³. Возможно, это было сделано по инициативе со стороны университета, а не императора (чтобы отделить университетских от прочих чиновников), так как известно, что 26 ноября 1800 г. директор Московского университета И.П. Тургенев благодарил генерал-прокурора П.Х. Обольянинова за ходатайствование университету собственного мундира⁴.

9 апреля 1804 г. постановлением «О мундирах для Московского университета и подведомых оному училищ» был утвержден

¹ Страхов П.И. Краткая история... С. 31.

² ПСЗ. Т. 44. № 17806.

³ ПСЗ. Т. 44. № 19602; См. также: Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 287.

⁴ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2734. Л. 1.

новый студенческий мундир: «...однобортный кафтан темно-синего сукна, со стоячим воротником и обшлагами малинового цвета; подкладка синяя, камзол и нижнее платье белое. Воротник, обшлага и клапаны на карманах с золотым шитьем; края оных обложены вышивкою, представляющей лавровые листья; вдоль сего клапана простирается дубовая ветвь, на передних частях воротника такие же ветви, а на обшлагах ветви сии окружают пуговичные петлицы. Пуговицы гладкие желтые. Во вседневном употреблении мундира для удобства допускается носить синее исподнее платье»¹. Но и в царствование Александра I учащиеся, в особенности своекоштные, продолжали носить свое собственное платье. По воспоминаниям М.Л. Назимова, «студенты, как казенные, так и своекоштные, ходили в партикулярных платьях, разумеется, почти все в сюртуках и редкие во фраках»². Это подтверждает и М.П. Третьяков³. И даже еще в 1820-х гг., по воспоминаниям Н.И. Пирогова, «мундиров еще не существовало»⁴.

Ситуация изменилась только в царствование Николая I. При осмотре университета было замечено, что учащиеся «не имеют единообразной и определенной во всех отношениях формы

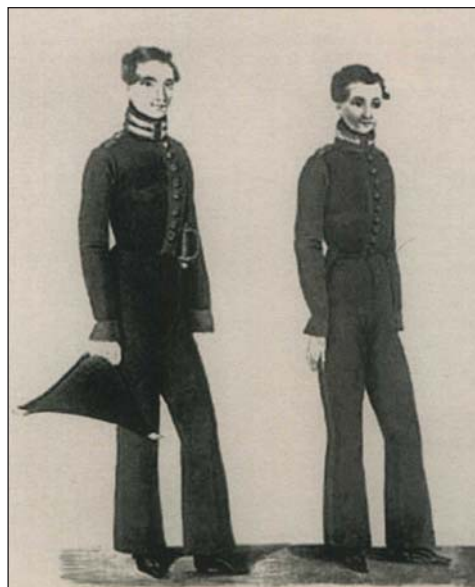
Студент в мундире образца 1804 г. (реконструкция). Рисунок выполнен К.М. Мисарян специально для данной книги

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Штаты и приложения. С. 5.

² В провинции и Москве с 1812 по 1826 год: Из воспоминаний старожила М.Л. Назимова // Русский вестник. Т. 124. Июль. С. 423.

³ См.: Третьяков М.П. Императорский Московский университет // Русская старина. 1892. № 7. С. 114.

⁴ Пирогов Н.И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 88.

Казенный студент и благородный пансионер. Образцовый рисунок 1826 г.⁴

одежды»¹. 22 мая 1826 г. было издано постановление «О дозволении казенным студентам Московского университета иметь на мундирах погончики» «для различия их от своекоштных»², а 6 сентября 1826 г. – постановление «О мундирах для студентов Московского университета и для воспитанников благородного пансиона и гимназии». Согласно ему, студенческий мундир принял следующий вид: «...синий, однобортный, с медными красными пуговицами; воротник малиновый с двумя золотыми

галунными узкими петлицами; панталоны синие сверх сапогов с кантом; шпага без темляка; трехугольная шляпа. Для различия казенных студентов от своекоштных на плечах погончики того же синего сукна»³. Форма должна была соответствовать цели, для которой «онные имеют быть учреждены, т.е. дабы учащиеся, имея единообразное платье, приучались к порядку и к будущему назначению своему для государственной службы». В.Г. Белинский в 1829 г. в письме к родителям, рассказывая, что в университете «наистрожайшим образом» запрещалось посещать лекции в партикулярном платье, не мог сдержать эмоций: «Однажды пришел в нашу аудиторию профессор математического

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. С. 32.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 33.

⁴ Старый Цейхгауз. 2010. № 3 (35). С. 10. Приношу благодарность редакции журнала Старый Цейхгауз за предоставление иллюстративных материалов из архива МГУ.

отделения, инспектор своекоштных студентов Чумаков. Самым грубым образом погнал всех *фрачников* и *сюртучников* на задние лавки и сказал: “Ежели кто-нибудь через неделю не будет иметь форменной одежды, то я выключу из университета”»¹.

Н.Н. Мурзакевич, учившийся в 1825–1830 гг., весьма неодобительно отозвался о новых порядках. «Бывший в это время “попечителем университета и его учебного округа” генерал-майор А.А. Писарев, – вспоминал он, – стал вводить мундирную форму. До сего студенты одевались во что могли; теперь же первыми были обмундированы казеннокоштные студенты. Прежде парадный мундир имели только кандидаты, магистры, доктора наук, адъюнкты и профессора, отличающиеся меньшим или большим золотым шитьем по малиновому сукну на воротниках и обшлагах мундиров синего цвета; теперь цвет синий заменился темно-зеленым², и на студенческих малиновых воротниках появились по две петлицы из галунов. Чтобы отличить казенных студентов от своекоштных своего рода, “генерал Скалозуб” придумал суконные погончики вроде почтальонских»³. При этом часто казенное обмундирование было весьма низкого качества. Казенная шинель, сквозь которую, по словам Белинского, «можно сеять арженую муку», выдавалась на целый курс, сюртуки – на год, «но так как они обыкновенно шьются из гнилого сукна, то месяца за два до выдачи новых все щеголяют с разорванными локтями» и с «изорванными в куски панталонами, в которых, как в Критском лабиринте, сперва по полчаса блуждают, а потом уже находят настоящую дорогу», покрывая «срамоту штанов» «порыжелыми полами сюртука»⁴.

Впрочем, и в начале николаевского царствования ношение мундиров соблюдалось не строго. Как писал Н.И. Пирогов, «когда введены были мундиры, то мне сшили сестры из старого фрака какую-то мундирную куртку с красным воротником, и я, чтобы не обнаружить несоблюдения формы, сидел на лекциях

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 11: Письма. 1829–1840. С. 16–17.

² Мурзакевич ошибается, темно-зеленым студенческий мундир стал только с 1832 г. (см. ПСЗ-2. № 4320а; Аксаков К.С. Воспоминания студенчества // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 189.

³ Мурзакевич Н.Н. Указ. соч. С. 93.

⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 11: Письма. 1829–1840. С. 67.

в шинели, выставляя на вид только светлые пуговицы и красный воротник»¹. К.С. Аксаков подтверждает это, вспоминая, что, когда он поступил в университет, «форменность» «начинала вводиться, но еще слабо; были мундиры и вицмундиры (сюртуки), но можно было в них и не являться на лекцию. При моем вступлении начиналось требование, чтобы студенты ходили на лекцию в форменном платье; но я и на втором курсе видел иногда студентов в платье партикулярном. В первый год мы носили темно-зеленые сюртуки с красным воротником (до нас форма была синяя, с красным воротником); на следующий год красный воротник заменило начальство синим. Сперва требовалось от нас, чтобы мы были только в университете в форменном платье. Я помню, что я, еще во второй год своего студентства, был в Собрании во фраке и говорил там с Голохвастовым. Потом, вводя форменность, нарисовали студентов на бумажке, одного в мундире, другого в вицмундире, раскрасили, вставили в рамку и вывесили в Правлении для назидания в одежде. Наконец призвали нас в Правление и объявили, чтоб мы во всех общественных местах являлись в форменном платье. Студенты повиновались, – и в театре, и в Собрании появились студентские мундиры; но везде, где можно, на вечерах и балах частных и даже на улицах студенты носили партикулярное платье по произволу. Форменные шинели и шубы не были положены, и мы носили шинели и шубы обыкновенные»².

Аполлон Григорьев признавал: «Надо сказать правду, что и в это время, в 1828 г., некрасив был студенческий мундир: синий с красно-оранжевым воротником, он имел в себе что-то полицейское, и университетская молодежь почти никогда не носила его, ходя даже и на лекции в партикулярном платье». А Пирогов проводил сравнение с Дерптским университетом: «Мундир студенческий в Дерпте, может быть, даже служил приманкой; это был не то что поскудный мундир того времени в других русских университетах; у дерптского студента воротник на мундире горел золотом; это был воротник черный бархатный (на синем

¹ Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 290.

² Аксаков К.С. Воспоминания студентства // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 189.

мундире) с вышитыми золотом дубовыми ветвями, занимавшими большую половину воротника. И на балах, и в театре мундир этот производил эффект».

Д.А. Милютин, учившийся в Благородном пансионе в 1828–1832 гг., вспоминал, как поступивших в пансион «немедленно облекли» в «форменную одежду, которая состояла из синего мундира или сюртука с малиновым воротником и золоченым прибором, сходная с формой университетских студентов, от которой отличалась лишь тем, что у них полагались на воротнике мундира две золоченые петлицы; у нас же одна. Притом форма одежды у нас была обязательна и соблюдалась довольно исправно, тогда как в университете немногие лишь из студентов носили форменную одежду»¹.

Аполлон Григорьев сообщал, что его отец, учившийся в 1802–1806 гг. в Благородном пансионе, «был проникнут каким-то странным пренебрежением к поповичам». Это была «специальная антипатия к поповичам, вынесенная им из университетского благородного пансиона. Рассказывая о своем пребывании в нем, он никогда не забывал упомянуть о том, как они, дворянчики, обязанные слушать последний год университетские лекции, перебранивались на лестницах университета с настоящими студентами из поповичей, ходившими в его время в каких-то желтых нанковых брюках в сапоги и нелепых мундирах с желтыми воротниками»². Об обоюдной неприязни пансионных воспитанников и университетских студентов вспоминал и игумен Савва (Желтухин), учившийся в пансионе уже в конце 1820-х гг. «Замечательно, – писал он, – что студенты университета ненавидели пансионеров, а пансионеры взаимно их, хотя никаких отношений между ними не было»³.

Не менее, а даже более важным признаком студента, нежели мундир, являлась шпага. В § 23 «Проекта об учреждении Московского университета» указывалось, что шпага дается студентам «во ободрение», «как и в прочих местах водится». Шпага являлась символом личного достоинства, носили ее дворяне. Но

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. М., 1997. С. 88.

² Григорьев А.А. Воспоминания. С. 23–24.

³ Автобиография Саввы, в схимонасах Сергия, игумена общежительного Махрищского монастыря // Душеполезное чтение. 1891. № 6. С. 235.

при производстве в студенты разночинцы получали право носить шпагу наравне с ними. Таким образом, недворяне, получая звание студентов, как бы уравнивались в правах с благородным сословием. К тому же в соответствии с Уставом 1804 г. студент университета, поступающий на действительную службу, сразу записывался в 14-й класс по Табели о рангах, дававший права личного дворянства. Поэтому после 1804 г. вручение шпаги бывшему разночинцу, поступившему в университет, уже имело не только символический, но и реальный смысл изменения социального статуса. И.М. Снегирев вспоминал, как он после производства в 1807 г. в студенты «с детским восхищением надел студенческий мундир, трехуголку и привесил шпагу, которую клал с собою на постель. Мое торжество разделяли со мною матушка и бабушка. Мне казалось, что не только родные и соседи, но и встречные и поперечные заглядывались на мою шпагу, а что более всего льстило моему ребяческому тщеславию, будочники и солдаты отдавали мне честь»¹.

Корпоративный суд

В § 24 «Проекта об учреждении Московского университета» был учрежден университетский суд, к ведению которого относились в том числе все дисциплинарные дела в отношении студентов: «Учащиеся в Университете студенты не должны ни в каком другом суде ведомы быть, кроме университетского; и ежели приличатся в каких-либо непорядочных поступках, то, не касаясь до них никаким образом, приводить их немедленно в университетский дом к директору, который, смотря по вине, учинит им надлежащий штраф или отошлет к тому суду, до которого такие дела надлежат». Появление университетского суда подтверждало корпоративную природу первого российского университета: ведь для любого европейского университета такой суд был неотъемлемой принадлежностью и осуществлял право «академической свободы» или «академического гражданства» членов корпорации. Согласно этому праву, ни один из них (профессор, студент или даже служащий университета) не был

¹ Воспоминания И.М. Снегирева. С. 743.

подсуден местным законам и городским властям, но мог судиться только такими же, как и он, членами корпорации и только в соответствии с законами, изданными его университетом (т.е. университетскими статутами). Правда, в Москве эта норма приживалась плохо и неукоснительно действовала только в отношении студентов. Тогда как, например, учителя университетской гимназии во второй половине 1750-х гг. имели несколько столкновений с московским магистратом, пытаясь доказать, что их нельзя арестовывать за проступки (в частности, за долги), а следует лишь препровождать в университет.

«Городская полиция, – вспоминал Н.И. Пирогов, учившийся в Московском университете в 1824–1828 гг., – не имела права распоряжаться со студентами и провинившихся должна была доставлять в университет»¹. Таким образом, право «академического гражданства» действовало в Московском университете вплоть до царствования Николая I и было отменено им в указе от 4 сентября 1827 г. «О поручении студентов Московского университета, живущих вне университета, надзору городской полиции». Попечитель А.А. Писарев доложил тогда, что «своекоштные студенты университета, жительствующие вне оного и обыкновенно в отдаленных концах города по дешевизне квартир, выходят из всякого возможного надзора университетского», и ходатайствовал, «чтобы сих своекоштных студентов, вне университета, поручить в полное заведование городской полиции, наравне с другими обывателями. Во время же нахождения таковых студентов в классах, они будут под надзором университета, вместе с казенными». Данное предложение было утверждено, причем император написал на проекте указа, что «иначе и быть не должно»².

Право корпоративного суда для Московского университета было закреплено двумя указами императрицы Елизаветы Петровны от 5 марта 1756 г. и 22 декабря 1757 г. (очевидно, подготовленными И.И. Шуваловым)³. Тем не менее и после принятия указов университетский суд не заработал как полностью авто-

¹ Пирогов Н.И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века. С. 88.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. С. 63–64.

³ См.: ПСЗ. Т. 14. № 10515, 10781.

номная инстанция, на что обращали внимание кураторы университета в 1770–1780-х гг. Так, в 1778 г. И.И. Мелиссино писал как о настоятельной необходимости зафиксировать в университетском уставе право, чтобы «все университетские члены и все до штата оного принадлежащие с женами и детьми вольностию пользовались и под ведением единого университета оставались»¹. И университетский устав 1804 г. действительно еще раз подтвердил корпоративное право университетского суда, при этом придав ему более правильную и стройную организацию. Суд теперь должен был осуществляться в трех инстанциях: на низшем уровне – ректором (к ведению которого относился среди прочего разбор поступков студентов), на более высоком – правлением университета, состоящим из ректора, деканов, непременного заседателя и синдика (специально выполняющего судебные функции профессора юридического факультета), наконец, на самом высоком уровне – университетским советом.

О ведении дел в университетском суде в XVIII в. дают представление выдержки из протоколов университетской Конференции. Из них видно, что суд осуществлял директор университета совместно с другими членами Конференции. Возможными наказаниями студентов, нарушавших дисциплину (в основном из-за драк), были лишение шпаги, заключение на несколько дней в карцер², увольнение с казенной стипендии, наконец, исключение из университета. Так, согласно протоколу от 3 сентября 1767 г., студент Борис Мошенский, «вызванный по поводу побоев и других оскорблений, которые он нанес 29 августа дежурному студенту Федору Бабушкину... после выговора г. директора, отправлен в карцер, где должен пробыть две недели и, кроме хлеба и воды, не получать в столовой другого кушанья, лекции же, несмотря на это, прилежно посещать. Если же впредь он не станет вести себя лучше, то Конференция постановила прямо исключить его из университета»³. Ссоры, иногда доходившие до драк, случались и между молодыми дворянами. Так, Николай

¹ Рубинштейн Е.И. Новый источник по истории Московского университета 70-х гг. XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер. История. 1986. № 2. С. 71.

² См.: Документы и материалы... Т. 1. С. 275.

³ Там же. Т. 3. С. 461.

Тургенев в своем дневнике упоминает «кулачной дуэль» Андрея Чеботарева с Николаем Кошанским, которого Чеботарев побил за то, что тот не сдержал своего слова выйти на дуэль. Причина ссоры заключалась в том, что первый из «дуэлянтов» «написал стихи Собакиной или теперь гр. Шереметьевой, а Кошанский сделал пародию»¹.

Особым родом нарушения университетских порядков были случаи женитьбы студентов. Хотя ни в каких университетских законах не существовало прямого запрета студенту жениться, это рассматривалось как проступок. Приведем один пример. Куратор В.Е. Адодуров писал: «Уведомился я, что из состоящих на казенном содержании студент Юдин женился... Ни в одной Академии и в университетах того не бывает, да и студентам не токмо оное неприлично, но и в обучении наукам делает великое препятствие»². Студент Юдин, нарушивший этот запрет, был лишен стипендии³.

Некоторые студенты бежали из университета. В ордере куратора Адодурова директору Хераскову о «беглом студенте» Иване Попове от 30 октября 1768 г. описан как раз такой случай. «Сего октября 29 дня, – пишет Адодуров, – прислан ко мне из главной полицмейстерской канцелярии университетской казенного содержания студент Иван Попов при сообщении, в котором написано, что сего ж октября 28 дня он, Попов, пришед в съезжей двор, объявил, что из Москвы бежал он тому месяца с два». Выяснилось, что, согласно рассказу Попова, «минувшего де августа 6 числа сего года ходил он из университета в подмонастырные Новоспасского монастыря слободы гулять и, заходя к знакомым ему людям в гости, напился пьян, от чего, будучи не в состоянии дойти обратно в университет, лег на дороге спать, а с сонного с него незнаемо кем снято казенный кафтан и камзол суконные, шляпа и шпага, и, убоясь за то себе наказания, в университет не явился, а пришел в Санктпетербург, где его без пашпорта никто жить не пустил, чего для и явился в съезжий двор, объявляя о себе, что он из Москвы

¹ Тургенев Н.И. Дневники и письма. СПб., 1911. Т. 1. С. 91.

² Документы и материалы... Т. 3. С. 205.

³ См. там же. С. 206.

бежал»¹. За свой поступок студент Иван Попов был исключен из университета «по учиненному профессорами рассуждению» и отослан в кантору Святейшего Правительствующего Синода «по примеру прежде выключенных из университета» студентов Алексея Теплова и Ивана Доброхотова, первый из которых как дворянин был отослан в Герольдию, а второй «в монастырь, откуда он сюда вступил». Поскольку Иван Попов происходил из духовного сословия, «из поповичей», то было решено его «в упомянутую кантору и отослать»². Исключенный из университета студент лишился не только возможности учиться дальше, но и достигнутого им повышения социального статуса, возвращаясь обратно в свое сословие.

Любопытно, что среди разнообразных наказаний применялись и такие символические меры воздействия, как переодевание в другое платье. Студенты Максим Сапожников и Иван Волосов, стипендиаты университета, «за непослушание и непорядочное поведение по отношению к эфорам (помощникам инспектора гимназий. – А.Ф.) получили выговор в Конференции, и на них наложено взыскание: в течение трех дней они не будут получать в пищу ничего, кроме хлеба и воды, да сверх того ходят в мужицком платье» (протокол Конференции от 19 ноября 1768 г.)³. Впрочем, иногда это определялось не только социальной, но и экономической целесообразностью: так, чтобы уменьшить количество прогулов, казенно-коштным студентам, не явившимся в срок из отпуска, не выдавали положенного им платья. В сообщении из канцелярии в Конференцию 19 мая 1770 г. говорится: «Об отпускаемых в дома казенного содержания студентах и учениках, что оные за сроками проживав от одного до пяти месяцев и возвратясь в университет, требуют за прошедшее время платья и обуви, как и от студента Васильева, прожившего в доме своем за сроком пять месяцев, требование отдано было... платья и обуви и прочего... ныне и впредь не выдавать и при отпусках их на вакансии и в другие времена в деревни, казенное

¹ Документы и материалы... С. 170.

² Там же. С. 174.

³ Там же. С. 172.

платье и обувь у них отбирая, хранить до их приезда, дабы тем, сколько возможно, пресечь самовольные просрочки и бесплодное препровождение времени, так как университетская канцелярия представляет, а сверх того о явке, на сроки подтверждать им накрепчайше и брать с них при отпуске реверсы, ибо за долговременную просрочкою могут и то позабыть, чему обучились, а употребляемый на них казенной кошт будет исходить напрасно»¹.

То, насколько велика была нужда в самой обыкновенной одежде, показывает следующая история. 20 октября 1769 г. студенты Иван Орлов и Петр Анитов, только что за прилежание переведенные с ученического содержания на открывшуюся вакансию полного студенческого жалованья, не явились на занятие к профессору И.К. Керштенсу под предлогом того, что у них нет платья, а когда он велел их привести, они пришли «одетые, один – в какую-то шерстяную рубаху, другой – в кожих, одолженный у крепостного истопника»². На вопрос профессора, почему у них отобрана их обычная одежда, они ответили, что это сделано по приказу асессора канцелярии Татаринова, а снятое с них платье отдано их преемникам по гимназической стипендии. Тогда Керштенс «потребовал, чтобы они являлись, одетые так же, как и другие студенты, состоящие на университетском казенном содержании, но они возразили, что у них нет платья и, так как мне хорошо известно, что состоящие на ученической стипендии не получают денег, то у них нет ни копейки на покупку такового, в деньгах же на это начальство до сих пор им отказывает». Последовало представление Керштенса в Конференцию о случившемся. «Я не знаю, – возмущался профессор, – заслуживают ли доверия эти рассказы или нет, ибо это чересчур нелепо, и мне кажется, что здесь скорее имело место какое-то недоразумение, ибо даже и подумать невозможно, что университетское начальство могло или хотело лишить их одежды, пожалованной им самой августейшей монархиней, прежде чем они будут обеспечены другим платьем. Если же то, что они рассказывают, прав-

¹ Документы и материалы... С. 329.

² Документы и материалы. Т. 3. С. 246.

да, и чего отрицать я не смею, так как уже слышал о таких фактах, то покорнейше прошу высокопочтенную Конференцию, дабы она сооблаговолила устроить так, чтоб этих двух студентов снабдили необходимым верхним платьем и отсутствие такового не служило долее препятствием к посещению ими лекций»¹. В результате 23 октября последовало сообщение из Конференции в канцелярию университета о недопустимости лишения казенного платья студентов².

Условия университетской жизни

Условия повседневной жизни в целом сильно отличались у разных групп студентов. Прежде всего выделялись две большие и слабо связанные между собой студенческие общности – своекоштных и казеннокоштных. Своекоштные студенты «были отделены от нас – казенных, – писал Е.Ф. Тимковский, – как говорится, и временем и пространством»³. Вначале обучение в российских университетах было бесплатным. В 1820 г. была введена плата за обучение в размере 20 руб. 57 коп. в год (в 40-х гг. XIX в. она возросла до 50 руб.), что сделало университеты малодоступными для неимущих – детей разночинцев и бедных дворян. Студенты, неспособные учиться на своем содержании, принимались на казенный кошт на основе прошения при условии хорошей успеваемости, хорошего поведения и предъявления свидетельства о бедности, подписанного несколькими лицами благородного происхождения.

Первые казеннокоштные студенты, число которых в 1755 г. по штату составляло 30 человек, получали в год по 40 руб.⁴ В 1799 г. жалование студентов, которое выдавалось по третям, составляло уже 100 руб. в год. На эти средства студенты должны были сами себя содержать⁵. Если число казенных студентов превышало установленное количество, им могла выплачиваться ученическая стипендия, т.е. такая, какую получали казеннокоштные

¹ Документы и материалы... Т. 3. С. 247.

² Там же. С. 249.

³ Тимковский Е.Ф. Записки // Киевская старина. 1894. № 4. С. 8.

⁴ РГАДА. Ф. XVII. Оп. 1. Д. 38. Л. 65.

⁵ См.: Тимковский И.Ф. Памятник И.И. Шувалову. С. 36.

гимназисты. П. Илл. Страхов относит к «студентам гимназического содержания» студентов первого года обучения, «которые не были еще переведены из гимназии в университет, не получали определенного жалования, но оставались пока на гимназическом или ученическом содержании»¹. С 1804 г. казенный кошт составлял в год 200 руб., а на медицинском отделении на содержание казеннокоштного студента отпускалось 350 руб. в год. В казеннокоштные, число которых не должно было превышать 40 человек, принимались прежде всего те студенты, которых правительство готовило к службе как врачей или учителей. По окончании университета они должны были в качестве компенсации прослужить не менее шести лет по ведомству Министерства народного просвещения. С 1 сентября 1826 г. денежное содержание студентов было заменено на натуральное довольствие: питание в университетской столовой, выдача одежды, белья и книг. «Казеннокоштные студенты, – вспоминал П.Ф. Вистенгоф, учившийся в университете в начале 1830-х годов, – помещались в самом здании университета в особо отведенных для них номерах, по несколько человек в каждом, и были на полном казенном содержании, начиная с пищи, одежды и кончая всеми необходимыми учебными пособиями. Взамен этого, по окончании курса наук, они обязаны были отслужить правительству известное число лет в местах, им назначенных, большею частью отдаленных».

Первоначально общежитие казеннокоштных студентов помещалось в первом здании Московского университета, так называемом Аптекарском доме у Воскресенских ворот (на его месте сейчас находится Государственный исторический музей). «После капитального (но так и не завершенного) ремонта здание у Воскресенских ворот вместило все университетские подразделения: библиотеку, “физическую камеру”, анатомический театр, минералогический кабинет, химическую лабораторию, обсерваторию, типографию, книжную лавку (с бумажным магазином). В нем же шло чтение лекций, проживали казеннокоштные питомцы, работала администрация, велось свое хозяйство»².

¹ Страхов П.И. Краткая история... С. 36–37.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. № 5565. Л. 402–402 об. Цит. по: Кулакова И.П. Университетское пространство // Университет для России. М., 1997. С. 114–115.

Но первое университетское здание было тесным изначально, а с увеличением числа студентов жить и заниматься здесь стало практически невозможно; кроме того, само состояние строения внушало опасения: его деревянные конструкции требовали немедленной починки. Поэтому, согласно сенатскому указу от 31 октября 1755 г., для университета был куплен трехэтажный дом П.И. Репнина на углу Моховой и Никитской улиц (он стал главным университетским помещением до постройки нового здания М.Ф. Казаковым). Но уже к 70-м гг. XVIII в. и это здание оказалось тесным для университета, несмотря на дополнительные пристройки, что приводило к болезням и пожарам. В 1782–1783 гг. возвели боковые крылья нового здания на Моховой, в это же время еще продолжались занятия в Репнинском доме. 23 августа 1786 г. состоялась закладка центрального корпуса нового здания, а через семь лет, 23 августа 1793 г., он был торжественно открыт. К 1782 г. в здании на Красной площади оставались лишь типография и книжная лавка, а в 1787 г. оно было передано магистрату.

В это время учился сначала в гимназии, а потом в самом Московском университете будущий сенатор, друг С.М. Голицына Петр Семенович Полуденский. «По основании в Москве Шуваловым университета, – вспоминал он, – за неимением особенного здания, отделено было от здания присутственных мест, а именно там, где ныне помещается Воскресенская гауптвахта. На Моховой NN застал уже два флигеля или нынешние боковые строения... В это время в Университете помещалась гимназия, университет собственно и благородный пансион. По постройке среднего корпуса в нижнем этаже как флигелей, так и этого корпуса жили гимназисты; сверху же были классы»¹. «В гимназии жили с гимназистами в каждой комнате по два студента университетских казенных, из которых каждый занимал передний угол, и один из них назывался камерный, потому что повторял уроки, следил за учением»². Камерный студент «занимал первое лучшее место под образами, в переднем углу у окна; здесь находились его стул либо кресло, столик либо комод с откидной

¹ Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете. С. 17.

² Там же. С. 18.

Московский университет, 1800-е гг.

доскою для письма, на столе или на комодѣ шкапчик для книг, кровать с постелею и под нею сундук для платья и белья; больше сей мебели ему не позволялось иметь. Кроме камерного жили тут же и другие студенты числом по столько, по сколько было окошек в покое»¹. Эти студенты были помощниками камерному «во всех обязанностях, почему и назывались подкамерными студентами»². В бытность Полуденского камерным студентом под его надзором находился Мерзляков, «поступивший в университетскую гимназию из пермской. Тогда уже Мерзляков отличался стихотворческим даром и, будучи 14 лет, уже привез с собою из Перми некоторые свои сочинения напечатанными»³. Полуденский примерно оценивал количество учащихся в Московском университете с 1786 по 1796 г. в 50 студентов, 150 казеннокоштных учеников гимназии, а сверх того «неограниченное число своекоштных»⁴ (их число могло простираться до тысячи

¹ Страхов П.И. Краткая история... С. 33.

² Там же. С. 33.

³ Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете. С. 19.

⁴ Там же. С. 18.

человек). Таким образом, всего в университетском здании в конце XVIII в. жило около 200 человек казеннокоштных студентов и гимназистов.

Главное здание университета, построенное М.Ф. Казаковым, передним двором и боковыми выступами выходило на Моховую улицу, а правым боком на Никитскую. Это был дом в четыре этажа, нижний этаж которого занимали погреба, кладовые, кухни и запасы для казенных учеников. На втором этаже находились жилые комнаты для студентов, а на третьем – библиотека, музей естественной истории, залы для математики, физики, физического кабинета, рисования, музыки, танцев и фехтования. На четвертом этаже размещались гимназические классы. «Казенного содержания гимназисты и студенты помещались в длинных и обширных залах главного здания»¹ – камерах. В одной камере обитали 8–10 человек. На втором этаже размещались 8 камер дворянской половины, а 8 камер половины разночинцев находились и на втором, и на четвертом этажах².

После пожара 1812 г. все кафедры университета, кроме медицинского факультета, размещались в четырех аудиториях в доме купца Яковлева, в Долгоруковском переулке, между улицами Тверской и Никитской. «В нижних этажах здания, – вспоминал Д.Н. Свербеев, – размещены были на самых тесных квартирах в 4 или 5 палатах казенные студенты всех факультетов, за исключением медиков»³. «Семья казеннокоштных студентов и бывших на благотворительных коштах была небольшая, всего около 40 человек, принадлежавших к трем факультетам: юридическому, словесному и математическому. Студенты медицинского с нами не имели ничего общего и помещались в особом корпусе»⁴.

В доме Яковлева, по воспоминаниям Ф.Л. Ляликова, бывшего тогда казеннокоштным студентом, были вполне сносные условия. «В довольно просторной комнате, – писал он в своих мемуарах, – нас было только четверо. Надзор за нами имел (тут

¹ *Тимковский И.Ф.* Памятник Ивану Ивановичу Шувалову. С. 33.

² Согласно П. Илл. Страхову, было 7 дворянских камер, а всего 15 с 54 окнами (*Страхов П. Илл.* Указ. соч. С. 33).

³ *Свербеев Д.Н.* Из воспоминаний. С. 64.

⁴ *Ляликов Ф.Л.* Студенческие воспоминания. С. 386.

же помещавшийся) Петр Илларионович Страхов... Недолго мы жили тут: в конце сентября объявлен был поход в отделанный главный корпус». Медицинские студенты жили в больничном корпусе (против нового университета и Никитского монастыря)¹. Но с точки зрения московского барина, своекоштного студента Д.Н. Свербеева, условия жизни казенных студентов были ужасными: «Они, числом около сотни, тесными кучками жили в нижнем этаже нашего небольшого университетского дома человек по пяти в одной комнате, и жили грязно, бедно и голодно...»²

«Наши дни и часы, – вспоминал Буслаев, – были подчинены строгой дисциплине. Мы вставали в семь часов утра, в восемь пили в столовой чай с булками, а в девять отправлялись на лекции, возвращались в два часа и в половине третьего обедали, а в восемь ужинали, в одиннадцать ложились спать»; «кормили нас недурно. Мы любили казенные щи и кашу, но говяжьи котлеты казались нам сомнительного достоинства, хотя и были сильно приправлены бурой болтушкой с корицей, гвоздикой и лавровым листом».

Казеннокоштные студенты, переведенные на полное университетское обеспечение, завтракали, обедали и ужинали вместе с гимназистами. Утром на завтрак перед началом занятий ученики получали по одной булке. Дежурные студенты наблюдали за поведением гимназистов в столовой. Двум дежурным помогали несколько студентов гимназического содержания. Такой студент «распоряжался за столом, раздавал кушанье ближайшим к себе ученикам и поручал кому-либо из учеников то же делать на другом конце стола, смотрел, чтобы дети кушали тихо, без шалостей, нарушителей порядка мог наказывать отнятием какого-либо кушанья, либо поставить на коленки тут же возле прибора за скамейкою»³. Подробную и яркую картину обеда в университете дает П. Илл. Страхов в своей «Краткой истории академической гимназии». Обычно за столом сидело «по тринадцати и по четырнадцати человек, кроме студента; каждый прибор

¹ *Ляликов Ф.Л.* Студенческие воспоминания. С. 378.

² *Свербеев Д.Н.* Из воспоминаний. С. 78.

³ *Страхов П. Илл.* Указ. соч. С. 37.

состоял из двух глубоких тарелок, накрытых салфеткою, ножа, вилки, ложки; вдоль стола по середине ставились четыре миски с горячим, две со щами и две с супом, в каждой из них по скоромным дням было по семи либо по шести кусков мяса; между сими чашками стояли два глубоких круглых блюда с гречневою кашею. Кроме того, на столе стояло по шести бутылок с квасом, по три хрустальных стакана и по две солонки с крупной солью»¹. Студенты раздавали гимназистам хлеб, разливали горячее, раскладывали по тарелкам жаркое. К нему подавалась гречневая каша с подливкою, т.е. мясным соусом, который делался «из сока, выступавшего из мяса, когда еще жарилось оно в печке; этот сок разбавлялся горячей водой и немного квасом для вкуса; такая подливка была весьма хорошей приправкой к жаркому»². На ужин подавались «в совершенно таком же порядке и те же самые кушанья, как и за обедом»³. В постные дни жаркое заменялось пирогами, «в банные дни, что бывало через две недели по средам, подавались калачи», а по праздникам и воскресеньям каша заменялась пирогами⁴. В столовой соблюдалась строгая дисциплина. Никто из гимназистов «не смел брать кушанье своей рукой, если же хотел прибавки щей, или супу, или каши, должен был спроситься студента, который приливал ему сам или приказывал другому постарше; так же все вещи на столе должны были стоять на своих местах; если кто пил квас, то бутылку или стакан должен был ставить на прежнее место»⁵. В конце обеда студенты обязательно собирали в специальные корзины хлеб и пересчитывали ложки, чтобы ученики не унесли их с собой. Все приемы пищи начинались и оканчивались молитвой.

М.Л. Назимов так описывает студенческую трапезу в университете уже после 1812 г.: «Вообще лекции начинались с восьми часов и оканчивались в двенадцать, а после обеда продолжались от четырех до шести. В двенадцать с половиною часов был обед и в семь ужин. Тот и другой состояли из щей или супа, говядины с картофелем или огурцами и гречневой или пшенной каши; по

¹ Страхов П. Илл. Указ. соч. С. 37.

² Там же.

³ Там же. С. 38.

⁴ См. там же. С. 30.

⁵ Там же. С. 38.

праздникам подавались пироги и говядина заменялась телятиной. Черного хлеба можно было требовать сколько угодно, так что студенты в своих карманах приносили по несколько ломтей своим коридорным солдатам. Но что сказать о кушанье? Без сомнения, более бедные, которые, может быть, дома довольствовались часто и пустыми щами с черствым хлебом, были довольны студенческим столом; но кто привык хотя не к роскошной, но порядочной, свежей, хорошо изготовленной пище, тот не скоро привыкал к новой университетской»¹. По словам Назимова, на стол, кухню и столовую посуду с другими принадлежностями отпускалось по 10 руб. ассигнациями в месяц на каждого студента. Вообще, с точки зрения Назимова, «ужин кончался очень рано»². И молодые люди испытывали здоровый голод. «Хлебник Фирс Иванович, – вспоминал Назимов, – не может быть забыт казенными студентами двадцатых и позднейших годов. Этот маститый старик с раннего утра взбирался на четвертый этаж с двумя огромными корзинами, наполненными хлебами и другими печеньями. Он делал неограниченный кредит студентам без всяких записных книжек, отмечая только черточками мелом на стене у кровати каждого студента число забранных хлебов. Студенты расплачивались после получения своего жалованья или по присылке денег со стороны от родных, но многие оставались еще в долгу на неопределенное время и нередко до выхода из университета или даже высылали свой долг из мест службы»³. Для курящих «другой и весьма важный кредит давал студентам табачный торговец на Никитской улице Филист, который отпускал табак Дюбек по дешевой цене»⁴.

До того как казеннокоштные студенты были переведены на натуральное обеспечение, они обычно столовались в складчину. В 1780–1790-х гг., по воспоминаниям П.С. Полуденского, «казенных студентов было... около 50 человек, и каждый из них получал жалование 90 руб. Камерный студент получал лишних

¹ В провинции и Москве с 1812 по 1826 год: Из воспоминаний старожила М.Л. Назимова. С. 423.

² Там же. С. 135.

³ В провинции и Москве с 1812 по 1826 год: Из воспоминаний старожила М.Л. Назимова. С. 136.

⁴ Там же. С. 136.

20 руб., итого 110 руб. Получивший эту сумму обязан был себя кормить и одевать! Стол стоил в тогдaшнее время 2 руб. 50 коп. в месяц. Десять человек студентов складывались и выбирали из среды себя одного, которого назначали экономом. Ему отдавали деньги, и он нанимал кухарку, которая готовила стол в университете. Обед состоял из трех хороших блюд»¹. На рубеже XVIII–XIX вв., по свидетельству И.Ф. Тимковского, студенты «для стола своего составляли партии от 10 до 12-ти», складываясь «от 3 до 4 рублей в месяц, чего по тогдашним ценам и курсу на серебро, хотя и с нуждою, доставало»². Эти деньги, собранные в складчину, поручали «хозяйливому товарищу на распоряжение... из того имели сторожа купчиною и прислужником, платили поварихе из живущих в нижнем этаже семей»³.

Что касается помещения, то, по словам Ф.Л. Ляликова, студенты были помещены «очень просторно, четверо в комнате, и снабжены железными кроватями и, кажется, одеялами – и только. Все остальное, что относится к постели, также одежда, белье, обувь, – запасали сами. Также купили сами маленькие столики и комоды. Белье мыли жены сторожей и за такую плату, которая в настоящую минуту покажется баснословно дешевою (за сорочку 2 коп., платок, полотенце 1 к., все ассигнац.). Чистение сапог шло от сторожей (каждый коридор имел 3-х, 5-х служителей)»⁴. По оценке Ляликова, студенческого жалованья «по 10 руб. ассигн. в месяц и пять или шесть свечей в неделю было весьма достаточно»⁵. Свечи по комнатам разносил «посланник Юпитера» (т.е. профессора Н.Н. Сандунова, бывшего тогда инспектором казеннокоштных студентов) Карп Федулъч.

В виде исключения казеннокоштным студентам могли позволить жить вне университетского здания. И.Ф. Тимковский вспоминал, что на первом курсе он имел товарищем москвича, года на три старше его». «Меня, – писал Илья Федорович, – просили бывать в доме и, на третьем моем разе, предложили мне искренно жить вместе с сыном. В январе, оставив мою квартиру

¹ Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете. С. 18–19.

² Тимковский И.Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову. С. 36.

³ Там же. С. 36.

⁴ Ляликов Ф.Л. Указ. соч. С. 386–387.

⁵ Там же. С. 386.

на университетском дворе, я занял назначенную мне соседнюю с сыном, отдельную комнату. Когда же я помещен стал на жалованье 100 р., оно не налагало никакой взаимной обязанности, кроме пожить год или два в университете на призоре; но с позволения начальства, на просьбу моего хозяина, я прожил у них более года и летом проводил с ними месяц в подмосковной»¹.

Своекоштным студентам, которые часто жили достаточно далеко от университетского здания, порой было непросто добраться на занятия. «Теперь скажу только, – писал М.А. Дмитриев, – что мне с непривычки чрезвычайно трудно было рано вставать, чтобы поспевать к восьми часам утра на лекции статистики Гейма. А вставать надобно было тем ранее, что с Маросейки в Газетный переулок дорога была неблизкая, а ходить надобно было пешком: денег на извозчика не было»². «Когда ночи стали делаться длиннее и темнее, – вспоминал Дмитриев, – ходьба моя в университет сделалась еще труднее. Вспоминаю один пример, довольно смешной, из моих ночных путешествий. Путь мой лежал, между прочим, через Фуркасовский переулок. Флигель дома, принадлежащего теперь Черткову и выходящий в этот переулок, в то время только что отстраивался, и угол, мимо которого мне надобно было заворачивать в этот переулок с Мясницкой, был тогда завален кирпичами и глиной. Кто поверит, что всякий раз, проходя тут в потемках поутру в университет и вечером оттуда, я падал на эти кирпичи, сколько ни оберегался: так что, наконец, привык к этому; знал, что упаду, а все-таки падал!»³

Надо сказать, что небогатые своекоштные студенты, которые располагали для своего содержания 200–300 руб. в год, могли жить не лучше, а часто и гораздо хуже казеннокоштных. Так, Н.Н. Мурзакевич, которому родители могли дать не более 240 руб. ассигнациями в год, обитал в «проходной треугольной комнате», где жили «беднейшие студенты, платившие за этот страшно холодный зимой и постоянно проходной приют да за очень скромный обед и ужин – 12 рублей в месяц. Но и эта весьма умеренная сумма неисправно вносилась, в том числе и мною. Все

¹ Записки Ильи Федоровича Тимковского. Стб. 1422.

² Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 103.

³ Там же. С. 103–104.

жила голь перекатная! Ветхая летняя шинель моя служила и для прочих моих сожителей. Холод в номере бывал зимою такой, что на столах вода замерзала; а продрогши ночь или вечер, с трудом могли набрать втроем и четвером 10 копеек серебром».

Некоторые студенты жили на квартирах у знакомых или родных. М.А. Дмитриев жил у дяди, который в 1815 г. «переехал в вновь построенный дом и взял меня опять к себе. Для меня и для моего слуги были четыре небольшие комнаты: две с окнами и две темные»¹. Н.К. Беркут за полгода до перехода на 4-й курс «очутился в бедственном положении; уроков не было, и ради дешевизны ему пришлось переселиться в холодную каморку. Голод, холод, плохая одежда, лишавшая его возможности выходить, удрученное настроение, все это так повлияло на него, что он заболел»². Профессор В.А. Басов, его земляк (орловец), перевез его к себе на квартиру. «За небольшую комнату с обедом и прислугою Беркут платил 25 рублей в месяц ассигнациями»³. По родству с профессором А.А. Барсовым на его квартире жил и П.С. Полуденский⁴.

Как отметила Л.И. Насонкина, в университете «существовал... обычай помогать бедным студентам: состоятельные студенты давали у себя для бедных стол, квартиру или то и другое; иногда бедный студент жил по очереди, по месяцу, у обеспеченных товарищей»⁵. Без помощи знакомых или родственников содержать себя своекоштным студентам было бы достаточно сложно. М.А. Дмитриев, далеко не самый бедный из них, вспоминал: «...все деньги, которые давались дедушкой, шли на пищу моего дядьки и на необходимые расходы для меня. Так, например, я привык ужинать, а ужина у дяди не было. Чтобы не ложиться голодным, дядька покупал мне всякий вечер калач и стакан густых сливок. Помнится, это стоило гривен шесть ассигнациями; в десять дней – шесть рублей, а в месяц осмнадцать. Это было уже начетисто! А другого ужина мы не придумали, да и достать

¹ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 123.

² Беркут Н.К. Записки // Исторический вестник. 1911. Т. 126. № 10. С. 56.

³ Там же. С. 57.

⁴ См.: Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете. С. 21.

⁵ Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 34.

было ничего нельзя; после неприятельского нашествия Москва только начала отстраиваться, и удобств жизни не было никаких. Да и до французов в Москве хотя было гораздо более роскоши, чем ныне, но удобств жизни несравненно менее. Нынче каждый кучер может за несколько копеек напиться в трактире чаю; каждая прачка имеет дома самовар и может на несколько же копеек купить в лавочке чаю и сахару: тогда этого не было! Простолудины вместо чаю пили сбитень, с которым сбитенщики ходили по улицам. Ныне сбитню совсем нет, а жаль! Он согревал на морозе лучше чаю, не расслабляя желудка, и не приучал к барству и пустой роскоши. В целой Москве было только две кондитерских: Педоти на Тверской и Гуа на Кузнецком мосту. Кажется, и кондитерская Гунгера, в которую я хаживал студентом, завелась после французов»¹.

Найти хорошую квартиру было достаточно трудно. П.Д. Шестаков, например, сменил семь квартир. На втором курсе он был принят на казенный кошт. «С поступлением моим на казенный счет, – вспоминал он, – мои учебные занятия пошли правильнее: мне не нужно было уже хлопотать о мелких заботах дня, все мое время могло быть отдано науке». «Мы жили в сухом, чистом, светлом, прекрасно вентилированном помещении; под руками у нас в этом же помещении была особая студенческая библиотека, заключавшая хороший выбор книг; у нас составлялись здесь вечера, иногда концерты, даже устраивались танцы, конечно, между собой. Жилось весело, хорошо, с пользой»². «Живя в своих нумерах, – вспоминал Ф.И. Буслаев, – мы были во всем обеспечены и, не заботясь ни о чем, без копейки в кармане, учились, читали и веселились вдоволь. Нашему довольству завидовали многие из своекоштных. Все было казенное, начиная от одежды и книг, рекомендованных профессорами для лекций, и до сальных свечей, писчей бумаги, карандашей, чернил и перьев с перочинным ножичком»; «нам менялось белье, чистилось платье и сапоги, пришивалась недостающая пуговица на вицмундире. В номере помещалось столько студентов, чтобы им не

¹ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 103.

² Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. 1887. № 9. С. 646.

было тесно»¹. Ф.Л. Ляликов даже пишет: «...ни одной неприятной черты не помню я во все время жизни в университете; даже прислуга была усердная и хорошая»².

Студенческие будни

Основное время студентов уходило, естественно, на занятия. Их график для студентов XVIII в. был довольно плотный, так что в протоколах университетской Конференции от 20 октября 1761 г. даже отмечался недостаток времени у студентов, «поскольку они имеют 8 часов лекций ежедневно, кроме репетиций и корректуры»³.

По словам П.С. Полуденского, в 1780–1790-х гг. лекции были два раза в день, утром и вечером, кроме среды и субботы, «где оные оканчивались в 12 часов утра». «Утром, – пишет он, – начинались лекции в 8 часов и продолжались до 12. Вечерние же классы начинались с двух и продолжались до шести часов»⁴. Такую же информацию дает и И.Ф. Тимковский, уточняя, что до шести вечера занятия были летом, осенью же и зимой только до пяти. Не было также по средам и субботам лекций после обеда, время давалось на домашние занятия и приготовления. «Лекций числом были по предметам различно 4, 3 и 2 раза в неделю»⁵.

В начале XIX в. общее расположение занятий по времени оставалось таким же. «Лекции, – вспоминал Д.Н. Свербеев, учившийся в университете уже после 1812 г., – начинались зимой при свечах желтых, сальных, вонючих; утренние кончались в 12 часов, возобновлялись тотчас после обеда казенных студентов в 2 ч. и продолжались до 6 ч., и это всякий день, к неопisanному нашему удовольствию»⁶. М.А. Дмитриев объяснял такой распорядок еще и тем, что тогдашнее здание университета не

¹ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 204.

² Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания. С. 381.

³ Документы и материалы... Т. I. С. 225.

⁴ Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете. С. 19.

⁵ Тимковский И.Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову // Москвитянин. 1851. Ч. III. № 9. С. 12.

⁶ Свербеев Д.Н. Указ. соч. С. 65.

Московский университет, 1820-е гг.

было достаточно просторным. «В сентябре 1813 года, – пишет он, – открылся университет, в Газетном переулке, в небольшом каменном доме какого-то купца, нанятого по случаю сгорания в общем пожаре университетского дома. Так как в нем было всего три аудитории, то поневоле лекции читались и после обеда, с двух часов до шести, иначе не было бы места для лекций всех профессоров»¹. Такое же расписание сохранялось и в середине 1820-х гг. Из журнала Н.П. Ильина, учившегося в университете в 1825–1828 гг., известно, что лекции начинались в 8 утра и продолжались до 12, а после обеда – с 4 до 6 часов вечера².

Помимо учебных аудиторий студенты могли заниматься в библиотеке. В 1820–1821 гг. совет университета учредил две библиотеки: одну для медиков, другую – для всех трех отделений.

¹ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 103.

² См.: Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула, 1904. Т. 7. С. 96.

Вечерами, по описанию П.И. Страхова, студенты «могли сидеть и заниматься делами своими до последнего двенадцатого звонка, бившего в 10 часов вечера, тут и они должны бывали ложиться в постели и гасить огонь»¹ (гимназисты ложились уже в 9 часов). При этом «огни», т.е. свечи, не дозволялось зажигать круглый год: они «могли гореть только с 1-го числа сентября по светлый день Пасхи; по утрам можно было засвечать огни и топить печи не раньше благовеста к заутреням»². В 1840-х гг. огни будут гасить позднее, в 11 часов вечера³. «В нумерах, – вспоминал Ф.И. Буслаев, – мы проводили весь день и вечер до 11 часов, а спать уходили в дортуары, которые были значительно больше наших нумеров», «между дортуарами и нумерами была большая зала, в которую мы, проснувшись, выходили умываться. Вдоль стен ее стояли сплошные гардеробные шкафы с нашим бельем и платьем»⁴. Студенты должны были строго соблюдать распорядок дня в университете. Им запрещалось находиться в комнатах в то время, когда в классах шли занятия, и отлучаться из университета без письменного разрешения.

За поведением казенных студентов следил эфор – помощник инспектора гимназий. После отбоя комнаты обходил урядник – унтер-офицер, подчиненный эфору, который проверял, все ли ночуют в университете и в своей комнате, и докладывал начальнику. За студентами, возвращавшимися домой ночью, следили дневальные «из комнатных сторожей», которые обязаны были «помнить поименно, кого они впускали в дверь и как поздно, и не хмельных ли». Учащимся также запрещалось в это время зажигать огонь, «никто не смел курить табак или греть самовар: никакая прихоть не была терпима в училище»⁵. О ночных происшествиях докладывалось уряднику, совершавшему утренний обход.

Высший надзор за казеннокоштными студентами осуществлял особый инспектор, который, согласно § 115 главы XI университетского устава 1804 г., выбирался из ординарных

¹ Страхов П. Илл. Указ. соч. С. 39.

² Страхов П. Илл. Указ. соч. С. 40.

³ См.: Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х гг. С. 642.

⁴ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 200.

⁵ Страхов П. Илл. Указ. соч. С. 40.

профессоров общим собранием. Инспектор казеннокоштных студентов «есть блюститель порядка и благочиния сего Общества; он, посещая покои воспитанников, нерадивых увещаниями привлекает к должности и старается возбудить прилежание к учению», – гласил Устав (§ 116). Совет также избирал инспектору двух помощников из числа кандидатов или магистров, «живущих вместе со Студентами и стол с ними общий имеющих. Они, имея смотрение за поведением Студентов, за употреблением времени вне классов и за всем, что относится к порядку и устройству в комнатах, подают Инспектору ежемесячные ведомости о поведении вверенных каждому воспитанников; о дерзостях же и соблазнительных поступках немедленно доносят Инспектору, который, удостоверясь на месте, принимает надлежащие меры или относится к Ректору, а самое деяние или поступок вносит в особую книгу и, при годовом испытании представляя оную Совету, свидетельствует о поведении каждого» (§ 121).

«Вроде помощника субинспекторам, Щедритскому и Романовскому, – вспоминал Ф.Л. Ляликов, – был урядник Карп Федулыч (фамилия его никому не была известна). Он вечером, в 9-ть часов с фонарем, и утром в 8-мь ежедневно, как некий Диоген, обходил все студентские комнаты и, если кто еще не вставал или вечером уже не спал, приподнимал с головы одеяло... После каждого такого осмотра он доносил лично Сандунову. Кого не было, те требовались к инспектору для объяснений»¹. Студенты часто шутили над надзирателями. Как вспоминает Ляликов, «бывали шалости: вместо отсутствующих делали из шинели подобие фигуры человека и покрывали одеялом»². В 1810-х гг., когда обход совершал ректор И.А. Гейм, студенты вовсю смеялись над собственными страхами. «Студент Непышневский как-то выучился подражать кашлю его и, бывало, проходя по коридорам, волновал этою шуткой мирный быт студенческий. Все, бывало, тревожатся: ректор, ректор, а иной догонит Непышневого и даст ему колотушку: значит, не пугай по-пустому»³.

¹ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания. С. 379.

² Там же.

³ Там же. С. 383.

Чтобы не быть уличенными в недолжном поведении, студенты шли на разные хитрости, некоторые из которых были весьма своеобразными. «В нумере, – рассказывал Ф.Л. Ляликов, – к нам обыкновенно присылали два экземпляра Московских Ведомостей, которые мы передавали из комнаты в комнату. Через какой-нибудь час газеты делались пестрыми: простор критическому взгляду на вчерашний спектакль, разным прибауткам и шуткам; есть где было разгуляться карандашу. Разумеется, номеров и следа не оставалось: они были обречены на уничтожение». Но они, по мнению студентов, еще годились для дела. «Некоторые из студентов попивали. Бывало, П. Ив. Знаменский (был лет под 30-ть) и В. Егор. Иванов ищут, не осталось ли где газет; а дело идет к Сандуновской лекции, выход к неизбежному налою и часто близкий с ним разговор, а это не шутка: запах изменит и доложит о вчерашней пирушке. Вот они и жевали эту газетную бумагу, конечно, в том убеждении, как и сами уверяли, что этим процессом он уничтожится». «Господь умудряет слепцы», – замечает Ляликов¹.

В николаевское время условия жизни казеннокоштных студентов будут более строгими. «А посмотрели бы вы на жизнь казенных студентов того времени, – восклицает П.Д. Шестаков. – В казенных номерах, где они помещались, все велось по установленным правилам: указано было, когда вставать утром, когда пить чай, обедать, ужинать, когда ложиться спать». Казеннокоштные студенты были обязаны перед праздниками ходить ко всенощной, а в праздники – к обедне; «во время лекций дежурный субинспектор обходил номера и отсылал в университет студентов, не пошедших на лекции»². Правда, казеннокоштным студентам позволялось заниматься ночью не в номере, а в студенческой библиотеке, а также уходить из университета к родным или знакомым и проводить ночь у них, требовалось только предварительно сообщать об этом дежурному субинспектору³. Кроме того, «для завтраков, полдников и некоторых других студенческих надобностей допускались с ведома начальства не-

¹ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания. С. 381–382.

² Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х гг. С. 642.

³ Там же. С. 642.

сколько известных разносчиков, два сбитенщика, хлебник, яблошник, разносчик с пудрою, помадою, гребенками, шпильками, тесемками, шелковыми черными лентами для кос и т.п.»¹.

Для учащихся и служащих в университете были организованы банные дни. «В среду, – вспоминает П.С. Полуденский, – водили учившихся в баню после обеда, а в субботу отпускали домой учеников»². Но мылись не каждую неделю, а раз в две, когда «ученики, студенты, эфоры и вообще все принадлежавшие к университету мужчины мывались в бане у каменного моста, которая в те дни топилась нарочно для одних только университетских; если в урочную среду приходился праздник, то баня топилась через день после, в пятницу той же недели»³.

Время досуга и отдыха. Развлечения

По справедливому замечанию Е.Ф. Тимковского, «всякое учение требует отдыха и разнообразия». Каникулы в университете были два раза в год. В п. 12 «Проекта об учреждении Московского университета» было предписано «большим ваканциям в Университете быть два раза в году, а именно: зимою от 18 декабря по 6 января, а летом от 10 июня по 1 число июля». С 1762 г. продолжительность летних каникул была установлена со дня восшествия на престол Екатерины II, т.е. с 28 июня, по 17 августа⁴ и сохранялась в первой четверти XIX в. Кроме того, не было занятий на Масленицу, в течение первой и последней недель Великого поста и Светлой седмицы (недели после Пасхи). Но не всем студентам удавалось использовать даже это время для свидания с родными. Так, например, Ф.Л. Ляликов вспоминал, что «во все четыре года я один только раз ездил на ваканцию для свидания с матушкой в Рязань, а прочие оставались в Москве»⁵.

Как же отдыхали студенты? Для многих студентов «приятнейшим занятием в часы досуга» было чтение книг. От этого не отвлекал даже постоянный шум в комнатах. «У нас в нуме-

¹ Страхов П. Илл. Краткая история... С. 35.

² Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете. С. 19.

³ Страхов П.И. Краткая история... С. 32.

⁴ См. там же. С. 16.

⁵ Ляликов Ф.Л. Указ. соч. С. 381.

ре, – писал Ф.И. Буслаев, – не выпадало ни одной минуты, в которую пролетел бы над нами тихий ангел. Постоянно в ушах гам, стукотня и шум: кто шагает взад и вперед по всему номеру, кто бранится со своим соседом, а то музыкант пилит на скрипке или дудит на флейте». «Начинаются беседы, – вспоминал Н.И. Пирогов, – закуривание трубок; говорят все разом, – ничего не разберешь; дым поднимается столбом; слышится по временам и брань неприличными словами»¹. Шум и хохот в комнатах студентов могли возникнуть по любому поводу. Вот небольшой пример: «Знаменский, из духовного звания, был уже с бородой, которую, бывало, начнет брить и ропщет на это, говоря: “зачем пошел я в университет? То ли дело – было бы теперь протопопом с окладистой бородой, а теперь на что похож!”. Все хохочут»².

Студенты покупали книги на разных языках. Скажем, Буслаев «купил себе на французском языке “Эрнани” Виктора Гюго и на немецком “Фауста” Гете». «Бедный деньгами, – писал Н.Н. Мурзакевич, – я, однако, был богат книгами»³. Студенты читали друг другу Овидия Назона, обсуждали А.С. Пушкина, хотя читали и «барковщину». «Все запрещенные стихи, вроде “Оды на вольность”, “К временщику” Рыльева, “Где те, братцы, острова” и т.п., ходили по рукам, читались с жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждом удобном случае»⁴. Еженедельно устраивались литературные вечера, на которых учащиеся читали вслух свои литературные произведения и устраивали диспуты о выходивших в то время сочинениях. По воспоминаниям Г.А. Попова, Грибоедова «знали все наизусть, стихи его повторяли вместо пословиц»⁵. «Всякое новое произведение Пушкина ловилось нарасхват, затверживалось и разлеталось по рукам»⁶, при этом «читались с жадностью и печатные и непечатные произведения Пушкина», «разлетались всюду его эпиграммы»⁷. Некоторые «парили в облаках философии Фихте,

¹ Пирогов Н.И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века. С. 81.

² Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания. С. 381–382.

³ Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825. С. 95.

⁴ Пирогов Н.И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века. С. 83.

⁵ ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. 10808. Л. 44 об. – 45.

⁶ Там же. Л. 45.

⁷ Там же. Л. 42 об.

Шиллинга и Окена», «о Канте, как о вещи старой, никто и речи не заводил», умами владел Гегель¹.

С.П. Жихарев предпочитал другим развлечениям обеда и балы, часто посещал оперу и балет – цены в театре, по его сведениям, в то время составляли от 1 руб. (галерея) до 12 руб. (ложе)². Воспитанники университета начала XIX в. с менее взыскательными запросами развлекались по-иному: они участвовали в кулачных боях на Неглинной, где, по воспоминаниям И.М. Снегирева, «сходились бурсаки духовной академии и студенты университета, стена на стену: начинали маленькие, кончали большие. Университетам помогали неглинские лоскутники»³. Как пишет Н.К. Беркут, «студенты собирались иногда и в семейных домах зажиточных студентов, и тут начинались излияния разных философских воззрений, свободное исповедание убеждений, и возникали бурные словесные состязания. Любимым местом студенческих собраний был трактир “Великобритания”, где иногда устраивались товарищеские попойки»⁴.

Вообще студенты, как казенные, так и своекоштные, часто посещали трактиры. «Когда дядя обедал дома, – вспоминал М.А. Дмитриев, – я, разумеется, обедал с ним, но, когда он не обедал дома, обеда для меня не было. Знать об этом заранее было невозможно, потому что я рано утром уходил в университет, когда еще неизвестно было его намерение. И потому очень часто случалось, что, возвратясь в час пополудни с лекций, я должен был отправляться пешком обратно, или на Тверскую, или на Кузнецкой мост обедать у ресторатора. Когда бывали свободные деньги, я обедал за пять рублей ассигнациями на Тверской у Ледюка. У него за эту цену был обед почти роскошный: отличный вкусом суп с прекрасными пирожками; рыба – иногда судак sauce a la tartare, иногда даже угри; соус – какое-нибудь филе из маленьких птичек; спаржа или другая зелень; жареное – рябчики, куропатки или чирок (une sarcelle); пирожное или желе из апельсинов или ананасов – и все это за пять рублей. Вино за особую цену: я иногда требовал стакан медоку St. Mien, что стои-

¹ См. там же. Л. 45.

² См.: Жихарев С.П. Записки современника. С. 19.

³ Воспоминания И.М. Снегирева. С. 743.

⁴ Беркут Н.К. Записки. С. 57.

ло рубль ассигнациями; половину выпивал чистого, а половину с водою. После, когда я познакомился с Курбатовым, мы иногда обедали у Ледюка двое или трое вместе; никогда более. Нам, как обычным посетителям, верили и в кредит, чем, однако, я не любил пользоваться и, в случае некоторого уменьшения финансов, обедал на Кузнецком мосту, у Кантю, за общим столом. Это стоило два рубля ассигнациями. Тут была уже не французская, тонкая и избранная кухня, а сытные щи или густой суп; ветчина и говядина и тому подобное. Но при большом недостатке денег я отправлялся к Оберу, где собирались по большей части иностранцы и обедали за одним столом с хозяином. У него стол был поделикатнее, чем у Кантю, но беднее, а стоил обед всего рубль ассигнациями»¹. Сравнивая небогатых казеннокоштных студентов с более благополучными товарищами, М.Л. Назимов замечает, что «более самостоятельные студенты пользовались кредитом в трактире Дементьева, в Охотном ряду, который преимущественно посещали студенты»².

Николай Тургенев в письме из Геттингена брату Александру, отвечая на упрек А.Ф. Мерзлякова, которому «больно было видеть брата друга его часто в кофейной и с Чеботаревым», пишет: «Туда ходил я не для шалостей, не для того, чтобы там пить и дурачиться, но для удовольствия, совершенно позволенного. Там часто находил я знакомых, приятелей, разговаривал с ними, пил чай, кофе, читали газеты, и более ничего»³. В некотором смысле студенты принуждены были пить чай вне университетских стен. «По известному в то время грозному изречению Сандунова: “Самовар инструмент трактирный и в школе не годится” – на этот инструмент наложено было veto, и потому некоторые имели медные чайнички и таким образом утешались чаепитием. Другие убегали для этого дела в трактиры Цареградский (в Охотном ряду) и Знаменский (недалеко от нынешней Казенной Палаты). В этих светлых заведениях (теперь уж и следов их нет) некоторые из студентов были постоянными завсегдатаями»⁴.

¹ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 125.

² В провинции и Москве с 1812 по 1826 год: Из воспоминаний старожилы М.Л. Назимова. С. 136.

³ Тургенев Н.И. Дневники и письма. Т. 1. С. 323.

⁴ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания. С. 386.

В трактирах студенты пили не только чай, но и напитки покрепче. «Бывало так: половой подал чай, через несколько секунд ложечка стучит, половой вбегает. Ему говорят: “подай еще горячей воды”, он схватывает чайник, в котором еще много воды (и не вода нужна) и приносит тот же чайник, будто с водою, но в нем aqua vitae. Видно, тогда кондиции трактирных заведений не позволяли торговать драгоценной влагой, и хозяева боялись соглядатаев, которые без сомнения везде были»¹.

Казеннокоштные студенты успевали посетить трактир даже утром перед лекциями. По воспоминаниям М.Л. Назимова, «с раннего утра начиналось движение в номерах между студентами, отправляющимися в трактиры пить чай, обыкновенно по четыре человека, с запасом табаку. Четверо платили по пятаку, нынешний двугривенный (80 коп. ассигнациями) за шесть парчаю, то есть за чайник с чайным отваром, двенадцать кусочков сахара и кувшинчик молока. Это чаепитие продолжалось очень долго, с прибавлением даровой горячей воды, с беспрестанным курением трубок и чтением газет. По возвращении в номера собирались на лекции»².

Некоторые студенты играли в азартные игры. Как рассказывал И.Ф. Тимковский, товарищ «увлекал меня с собою то в театр, то на гулянья, и даже в открытые тогда игорные дома»³. Но Тимковского это не прельщало. «Я возненавидел игру, – писал он, – и охладел к доброму товарищу. Наконец и лучше было мне так оставить дом, в котором я не мог жить всегда. Я принял квартиру с товарищами на Никитской»⁴.

Многие студенты любили в праздничные дни гулять в Марьиной роще или Сокольниках. Григорий Алексеевич Попов, учившийся в университете в 1820-х гг., вспоминал, что предпочитал гулять в Александровском саду и на Тверском бульваре, где «можно было встретить по праздникам наиболее густые и изящные группы гуляющих»⁵. Также студентов можно было

¹ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания. С. 386.

² В провинции и Москве с 1812 по 1826 год: Из воспоминаний старожилы М.Л. Назимова. С. 423.

³ Записки Ильи Федоровича Тимковского. Стб. 1422.

⁴ Там же. Стб. 1423.

⁵ ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. 10808. Л. 40 об.

встретить под Новинским, на Моховой, в Сокольниках, в Марьиной роще¹.

Ф.Л. Ляликов отмечал, что студенты «не пропускали и так называемых монастырских гуляний по их храмовым праздникам. Раз, помню, втроем наняли мы лодку у Москворецкого моста (6 авг.) и поплыли к Новоспасскому монастырю. Плавали также к Воробьевым горам, лакомились молоком и малиной в Марьиной роще и в Останкине, где осматривали богатый дворец знатного боярина»². Студентам «доставляло немалое удовольствие» и собственное пение. «Были любители с хорошими голосами: Знаменский, Иванов, Персианинов, и проч., и проч. Хор составлялся большой. Приходили и медики, и всегда Гуляковский. Бывало, в летние жары все окна открыты, и гул несется далеко. Кто-нибудь скажет: “Господа, надо закрыть окна, очень громко, услышит ректор”. Кроме торжественной *Gaudeamus Igitur* распевались любимая в то время песня: “Сей конь...” или Мерзлякова: “Среди долины ровныя”»³.

Посещали студенты и театр. Университетский театр был одним из первых в России. В 1757 г. при университете по инициативе И.И. Шувалова были открыты «классы художества», организованные для подготовки кадров для Академии художеств, а также «актеров и музыкантов для русского театра; при них было и отделение искусства декорации. Воспитанники этих классов играли в любительском университетском театре»⁴. Университетский литературный кружок, собравшийся в конце 1750-х гг. вокруг М.М. Хераскова, привил Д.И. Фонвизину любовь к театру. Выдающуюся роль сыграл университетский театр в создании профессионального русского театра. Представления в нем в первый период его существования (1757–1759) давались в самом университетском здании. В подготовке спектаклей принимали участие студенты и гимназисты. Средства собирались путем пожертвований преподавателей, служащих и учащихся университета. Представления давались только на Святках и Масленице,

¹ Там же. Л. 41.

² Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания. С. 387.

³ Там же.

⁴ Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2002. С. 171.

репетиции обычно начинались летом. Ставили, как правило, спектакли по пьесам А.П. Сумарокова, Хераскова, а также представителей французского классицизма. Театр, таким образом, нес просветительскую миссию, сближая университет с русским обществом.

Университетский театр «зимой, особенно на святках, во время вакации», «составлял общее удовольствие студентов и гимназистов. Домашний театр Университета имел полный запас кулис и гардероба, приобретенный или пожертвованиями знатных лиц, доброжелателей университета, или складчиной участников в удовольствии. О святках или на масляную давали обыкновенно два-три представления, с своею музыкою. Женские роли исполнялись обыкновенно учениками. Пьесы были комедии: Недоросль, Скупой, Так и должно; оперы: Мельник Аблесимова, Добрые солдаты Хераскова, Севильский цирюльник. Отличались на Университетском театре Ник. Ник. Сандунов, Вас. Ив. Макаров, Гавр. Гер. Политковский, Ив. Ос. Тимковский, Петр Вас. Злов». Кроме театральных представлений давались маскарады, тоже на Святках или Масленице, а «по воскресеньям и праздникам случались иногда вечерние танцы или концерты»¹.

Высокий уровень университетского театра позволил ему выйти на профессиональную сцену. С 1759 г. его представления показывались (до конца 1761 начала 1762 г.) на сцене «Оперного дома» итальянского антрепренера Ж.Б. Локателли, театр которого находился на Красных прудах (ныне Комсомольская пл.). С этого времени студенческая труппа становится профессиональной и получает с 1760 г. название «Российский театр». Она давала спектакли один раз в неделю, когда не было выступлений итальянской труппы. В университетском театре начали свою деятельность такие русские актеры, как Т.М. Троепольская, И.Ф. Лапин, А.М. Михайлова и др. Известны имена студентов, «бывших при Российском театре актерами»². Это Федор Саввич Пушкин, Василий Алексеевич Троепольский и Иван Яковлевич Соколов. Но театр на Красных прудах просуществовал недолго. Он целиком зависел от сборов и, не получая финансовой

¹ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 277.

² Документы и материалы... Т. 1. С. 323.

поддержки государства, закрылся к 1762 г., когда доходы упали. В последующие годы организацией московского русского театра занимались частные антрепренеры, как русские, так и иностранные. Возобновились театральные постановки в университете только в 1777 г.

В 1776 г. антрепренером М. Медоксом и князем П.В. Урусовым был создан первый в Москве постоянный публичный профессиональный театр (спектакли шли в доме Воронцова на Знаменке), для которого в 1780 г. Медокс построил большое здание (на 1500 зрителей) на улице Петровке – Петровский театр. Именно в нем в 1783 г. впервые в Москве была показана комедия «Недоросль» Д.И. Фонвизина. В состав труппы входили выдающиеся актеры, и в их числе Петр Алексеевич Плавильщиков, окончивший в 1779 г. Московский университет и вместе с П.И. Страховым устроивший при университете театр, в котором в первый раз сыграли «Дмитрия Самозванца» Сумарокова. Репертуар Петровского театра составляли пьесы Фонвизина, Матинского, Княжнина, Николева, Лессинга, Мольера, Бомарше, многие из которых были впервые поставлены на русской сцене. Большое влияние на направление театра и репертуар оказывал просветительский кружок Н.И. Новикова. В 1789 г. Медокс разорился, а театр стал государственным, в 1806 г. ему был присвоен статус императорского. В 1805 г. здание Петровского театра полностью сгорело. Труппа стала давать спектакли в разных местах, причем сразу после пожара разместились в бывшей усадьбе Пашкова, один из флигелей которой был переоборудован для театральных постановок. Этот флигель находился как раз через улицу от главного здания университета, в котором жили казеннокоштные студенты, и по вечерам здесь вспыхивали отблески театральных молний и слышались звуки бутафорского грома. Позже представления были перенесены в деревянное, специально выстроенное здание у Арбатских ворот, которое тоже сгорело в 1812 г. В 1825 г. на месте Петровского театра построено новое здание (ныне Большой театр).

Студенты часто посещали Большой театр и «рано забирали места в первом ряду»¹. Г.А. Попов вспоминал, что в 1820-х гг. по-

¹ В провинции и Москве с 1812 по 1826 год. С. 138.

пулярными были пьесы «Отелло», «Коварство и любовь», а также трагедия Озерова «Дмитрий Донской» с П.Д. Мочаловым¹. После театра студенты «любили, и как не любить в их года, общественные вечерние гулянья в городе, которые были с оркестром музыки по понедельникам на Пресненских прудах, по вторникам и четвергам на Тверском бульваре, а по средам и пятницам во вновь устроенном Александровском у Кремля саду»; «эти гулянья наполнены были лучшею московской публикой; простонародье и неприлично одетые на них не допускались полицией»². «Студенты, проникнутые драматическими впечатлениями, по возвращении из театра величественно повторяли патетические места», так что «по коридорам Университета иногда раздавались восклицания вроде следующих: “Успокойтесь, знаменитые сенаторы, Венеция вне опасности!” “Ты бледна, Луиза, ты вся переменялась!” “Крови, крови жаждет душа моя!”». Или: «Иди к последнему и возвести ему, что Богу Русский Царь покорен одному»³.

Некоторые казеннокоштные студенты «имели драматические таланты и обыкновенно два раза в год разыгрывали на своем домашнем театре лучшие комедии того времени», такие, как «Недоросль», «Бригадир» Фонвизина, «Ябеда» В.В. Капниста, «Модная лавка» И.А. Крылова. Эти пьесы, по свидетельству Н.Н. Сандунова, «давались превосходно»⁴. Популярными были также произведения А. Коцебу, одного из подражателей Ф. Шиллера.

О театре, устроенном своекоштными студентами в 1830-е гг., упоминает и Н.А. Аргилландер. «Оркестр, – вспоминал он, – для театра был свой, из своекоштных студентов, под управлением знаменитого в то время своими музыкальными способностями студента Радивилова»⁵. Устройством театра занимался тогда инспектор студентов П.С. Щепкин, а на репетициях присутствовал и знаменитый актер М.С. Щепкин. Кос-

¹ ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. 10808. Л. 43–44.

² В провинции и Москве с 1812 по 1826 год. С. 138.

³ ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. 10808. Л. 43–44.

⁴ Свербеев Д.Н. Из воспоминаний. С. 79.

⁵ Аргилландер Н.А. Виссарион Григорьевич Белинский // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 98.

тумы актерам доставлялись из Петровского театра. «Искусная игра студентов и необыкновенная игра Радивилова на четырехструнной балалайке, – вспоминал П.И. Прозоров, – привлекали на наши спектакли значительную часть московского общества»¹. Студенты посещали и московский казенный театр. «Не могу без умиления вспомнить, – писал Е. Ф. Тимковский, – о сладких часах того упоения, в которое приводила меня игра хороших актеров»².

Совмещение учебы и преподавания

На покупку книг, посещение театра и другие формы досуга студенты тратили сэкономленные деньги, оставшиеся после платы за учебу, а также заработанные переводами книг и частными уроками. Известно, что М.П. Погодин, будучи студентом, на летних каникулах 1820 г. обучал «началам русской грамоты» десятилетнюю дочь кн. И.Д. Трубецкого Александру. «Недостаток жалованья на одевание, книги и прочие потребности, – писал И.В. Тимковский, – пополнялся или пособиями из дому, большей и меньшей руки, или собственными трудами»³. «Некоторые студенты, – вспоминал П.С. Полуденский, – давали в частных домах уроки. Плата была весьма низкая, а именно около 2 руб. 50 коп. медью; они учили русскому языку, немецкому»⁴. О размере платы за уроки в первой половине XIX в. можно судить по данным, которые приводит А.И. Георгиевский. В 1846 г. он давал уроки двум сыновьям г-жи Марзукевич для приготовления их ко второму классу Московского дворянского института. За 60 учебных дней по 4 часа в день уроков он получил 200 рублей, т.е. менее 25 копеек серебром за час занятий⁵.

В.Я. Колокольников, который «желание имел еще более усовершенствовать себя в науках и так записался в университет Московский, учиться на первый случай физике экспери-

¹ Прозоров П.И. Белинский и Московский университет в его время // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 109.

² Тимковский Е.Ф. Московский университет в 1805–1810 гг. С. 62.

³ Тимковский И.Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову. С. 37.

⁴ Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете. С. 21.

⁵ См.: Георгиевский А.И. Мои воспоминания и размышления. С. 435.

ментальной и математике», вначале «содержался же собственными... деньгами, привезенными из Вятки, которых поелику немного было, то я приискал себе две кондиции и, в свободное время, учил благородных детей арифметике и проч. Таким образом содержался я около полутора года, но как при всем том терпел великий недостаток и нужду в содержании себя, и приметил, что набираются из разных семинарий студенты на иждивение компании, то, выпросив у студентов о членах компании, имеющих большое влияние в содержании студентов, просил я, чтобы мне дозволено было по крайней мере довольствоваться столом и жить в компании с прочими студентами; сие было мне от г. Лопухина и г. Новикова позволено»¹. Упоминаемая Колокольниковым «компания» – это Типографическая компания, основанная по инициативе Дружеского ученого общества, на содержании которого в 1780-х гг. находилось значительное количество студентов.

Часто студентам помогали родители. И.Ф. Тимковский вспоминал о том, как «отец раза три мне писал мне с присылкою денег»². Ф.Л. Ляликов по просьбе Л.А. Цветаева продавал его книги. «Так, просто по доброте сердца или во внимание к этой маленькой услуге, Лев Алексеевич доставил мне две (как в то время говорили) кондиции: одну у винного пристава Фокина, другую у какого-то иностранца (обучалась дочь)». «Таким образом, получая студенческого жалования по 10 р. ассигн. в месяц, да с двух кондиций, не помню сколько, при готовой квартире и столе, я ни в чем не нуждался. Из дому родительского тоже изредка присылали пять – десять рублей»³. Учитывая, что отец Ляликова получал жалованья всего 150 руб. ассигнациями в год, тот вполне имел право написать: «Я просто мог считать себя богатым человеком»⁴, поскольку его доход едва ли не превышал родительский.

Многие студенты преподавали в университетской гимназии. Платили им весьма небольшие суммы, так что с их стороны были достаточно частыми прошения о прибавке жало-

¹ Колокольников В.Я. История жизни и дел моих. С. 136.

² Записки Ильи Федоровича Тимковского. Стб. 1424.

³ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания. С. 382.

⁴ Там же. С. 383.

ванья. Кроме того, казеннокоштные студенты «привлекались к исполнению обязанностей надзирателей и воспитателей» в младших классах гимназии, что вредило их учебе, а также использовались как переводчики в Конференции. Например, казеннокоштному студенту Харитону Андреевичу Чеботареву, будущему профессору и первому ректору Московского университета, с января 1767 г. было поручено преподавание в географическом и историческом классах университетской гимназии, так как они «по причине почти постоянного отсутствия учителя этих классов Синковского совершенно остаются безнадзорными»¹. Кроме этого, Чеботарев занимал должность «при библиотеке», за которую получал жалованье 25 руб.² Студент Михаил Баталзин был назначен хранителем университетской библиотеки вместо прежнего «по причине частого отсутствия хранителя университетской библиотеки г. Данилевского», «тем более что он до сих пор исполняет должность переводчика и копииста при Конференции без всякого жалованья или вознаграждения»³.

Студенты Илья Федоров, Ефим Орлов, Иван Калиновский, Дмитрий Синковский, Семен Свадковский, Андрей Наропинский, Федор Левицкий и Григорий Крупеников, преподававшие в гимназии, были сняты с казенного содержания, так как получали жалованье, «вынуждены по той причине пропускать публичные профессорские лекции, а это весьма мало отвечает цели, для которой они предназначались в университете, расходы же, произведенные на них, придется, конечно, считать потерянными»⁴. Стипендии, которые они получали, были назначены другим студентам. При этом студентам было разъяснено, «что они могут и даже обязаны прилежно посещать профессорские публичные лекции (разумеется, в часы, свободные от занятий в гимназии)»⁵. Примером, насколько тяжело было совмещать учебу с преподаванием в гимназии, служит опыт М.И. Багрянского. Михаил Иванович поступил в Московский

¹ Документы и материалы... Т. 3. С. 23.

² См. там же. С. 39.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. Т. 2. С. 151.

⁵ Там же. С. 151.

университет в 1779 г., а с 1780-го служил учителем при Благородном пансионе. «И сие было против моего желания, – писал он, – ибо я имел великое рвение упражняться более в науках и посвятить себя им совершенно»¹. В том же году он был назначен и учителем в гимназию. «С сего времени средства мои учиться совершенно исчезли, и я довольно делал, когда успевал по должности обучать других». «Малое жалованье, беспокойства, некоторые притеснения, охота к дальнейшему упражнению себя в науках и желание лучшего жребия возродили во мне решимость просить об увольнении меня от должности, но я не мог сам себя содержать на собственном иждивении; для сего начал я думать о переводе книг, сделал некоторые опыты над небольшими сочинениями, и мне удалось оные»². Уволившись «от учительской должности» в 1782 г., он слушал лекции на медицинском факультете.

Церковная жизнь

Важная роль в период пребывания студентов в университете отводилась их церковной жизни. Когда университет помещался в здании Аптекарского дома, студенты ходили на службу в Казанский собор на Красной площади. После того как университет приобрел дом Репнина, «подле сего места рядом стоявшая по Никитской улице приходская каменная церковь Успения Богоматери, или св. Дионисия Ареопагита, была переименована университетскою и присоединена к нему со всем погостом и с Тупым переулком»³. 5 апреля 1791 г. в левом крыле строящегося университетского здания на Моховой была освящена церковь во имя св. мученицы Татианы. В сентябре 1817 г. домовым храмом университета стала церковь св. Георгия на Красной горке, а в 1820 г. в ней был освящен придел в честь св. мученицы Татианы.

По словам П.С. Полуденского, в конце XVIII в. «церкви... особенной при университете не было, а поочередно учащих-

¹ Показания доктора Багрянского. С. 131.

² Там же. С. 131.

³ Страхов П.И. Краткая история академической гимназии. С. 44–45.

ся водили в разные приходские, как, например, к Леонтию, бывшей в Леонтьевском переулке и теперь давно уже упраздненной, к Дионисию Ареопагиту, на Никитской, – ныне также не существующей, и священник оной переведен в бывший Ивановский монастырь, к Егорию в Охотном ряду и, наконец, к Илие пророку, бывшей тогда в проулке близ Тверской; кроме того, в монастыри Никитский и Воздвиженский. Наконец, выстроена была в левом флигеле церковь во имя св. Татианы, где церковную службу исправляли иеромонах и иеродьякон, жившие в университете. Первый иеромонах был Виктор, родной брат профессора Антонского; иеродьякона звали Софронием»¹.

П. Илл. Страхов указывает, что казеннокоштные студенты «хотя и обязаны были непременно говеть каждый год, но имели свободу избирать для того себе ту или иную неделю»². Как вспоминал Ф.Л. Ляликов, студенты «обыкновенно говели на первой неделе Великого поста. Всенощную слушали в большой столовой, во всегдашнем присутствии Сандунова и обоих субинспекторов. Хор был из своих»³. «Приобщались мы Св. Таин, – рассказывал Ляликов, – в Георгиевской церкви на Моховой. Представьте же себе (меня и теперь это удивляет): во все время, довольно продолжительное, причащения студентов (нас было человек 40, да медицинских втрое больше) пелену пред подходящими к потиру держали Сандунов и Мудров, как инспекторы»⁴. Ляликов свидетельствует: «Вообще нам часто повторяли – ходить к службе в свою приходскую (Георгия на Красной горке) церковь; но все постоянно ходили в соседний Никитский монастырь или кучками куда-нибудь вдаль, например в Донской, Новодевичий и проч.».

Действительно, в исповедных ведомостях можно найти свидетельства того, что студенты приступали к Таинствам в разных храмах. Так, в 1796 г. в исповедных ведомостях Никитского сорока в приходе святого великомученика Георгия, что в Грузинах,

¹ Заметки о старом Московском университете. С. 17–18.

² *Страхов П.И.* Краткая история академической гимназии. С. 51.

³ *Ляликов Ф.Л.* Студенческие воспоминания. С. 378.

⁴ Там же. С. 379.

встречаются студенты Егор Апрелев и Алексей Богородский¹. Причем последний, во-первых, женат, а во-вторых, он почему-то за этот же год отмечен и в другом приходе: того же Никитского сорока церкви Девяти мучеников, что близ Пресни². А в 1797 г., в церкви апостола Павла при Павловской больнице Замоскворецкого сорока отметился студент Дмитрий Васюхнов³.

Причинами выбора той или иной церкви служили как красивое пение, так и хорошая проповедь в этом храме. «Сохранилось также в памяти, что охотники из нас хаживали по воскресеньям к обедне в церковь Богоявления в Елохове слушать проповедника, славившегося даром слова, и еще в Андроньев монастырь (там тоже хорошо говорил архимандрит)»⁴. В праздничные дни некоторые ходили в дальние монастыри к обедне, «особенно, когда узнавали, что будут петь хорошие певчие»⁵. Кстати, как указывает П. Илл. Страхов, «партесное церковное пение Университетское всегда считалось в Москве лучшим; особливо же в последние семь лет, пред разорением Москвы Французами, оно достигло самой высшей степени совершенства»⁶.

Любителем церковного пения был С.П. Жихарев. «Ездили в голицынскую больницу к обедне, – писал он в своем дневнике. – Певчие очень хороши, но все не то, что колокольниковские у Никиты-мученика... Отлично поют также у Дмитрия Солунского»⁷. А после обедни он мог отправиться посмотреть картинную галерею (покойного князя Д.М. Голицына) или конские бега («из больницы заезжали мы по соседству на бег графа А.Г. Орлова»⁸). Но все-таки вера для Жихарева не была лишь формальным исполнением обрядов. «Рождение мое вчера отпраздновали славно: по письму матушки, утром был у Всех скорбящих и, по собственному побуждению, – замечает он, – служил молебен

¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 694. Л. 222 об.

² Там же. Л. 23.

³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 707.

⁴ *Ляликов Ф.Л.* Студенческие воспоминания. С. 379.

⁵ Там же. С. 387.

⁶ *Страхов П.И.* Краткая история академической гимназии. С. 52.

⁷ *Жихарев С.П.* Записки современника. С. 29.

⁸ Там же.

при раке своего патрона у Спаса-на-бору»¹. То, что он вел достаточно напряженную духовную жизнь, чувствуется и в таких словах Жихарева: «Отговели, как следует христианам. Я отдохнул и освежился. Кажется смешно, чтоб в 17 лет нужно было освежение, однако ж это так: в продолжение года насмотришься, наслушаешься и наберешься невольно такой дряни, что чувствуешь себя гораздо легче, когда смоешь ее с себя банею покаяния». Жихарев приписывает такое христианское настроение, нехарактерное, видимо, для молодых дворян, своему «русскому деревенскому воспитанию»².

¹ Жихарев С.П. Записки современника. С. 30.

² Там же. С. 33–34.

ГЛАВА 4. Студенческие общества и литературная деятельность студентов...

Возникший в середине XVIII в. Московский университет составной частью вошел в русскую культуру, и изменения в этой культуре немедленно отзывались внутри университета. Особенно быстро в исследуемый период развивалась русская литература. Именно с середины XVIII в. в России появляются литературные салоны и кружки (само по себе это явление было занесено из Франции, где зарождение салонов восходило к XVI в.)¹. Неудивительно, что литературные кружки стали и первыми формами объединения студентов в Московском университете.

В XVIII в. университет включал в себя целый комплекс учреждений. При нем помимо гимназий функционировали библиотека, типография и книжная лавка. Именно в университетской типографии стала печататься газета «Московские ведомости», вокруг которой объединились любители словесности. К работе над выпуском этой газеты привлекались гимназисты и студенты университета. «Литературная и типографская деятельность при университете, – писал С.П. Шевырев, – с каждым годом оживлялась более и более. Газеты возбуждали внимательное участие публики. В 1760 г. невозможно было найти в книжной лавке полного экземпляра газет за предшествовавший год»².

Первые журналы

В начале 1760-х гг. при Московском университете возникает новая группа периодических изданий – литературные журналы. Они задумывались для воспитания общества путем культурного

¹ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. СПб., 2000. С. 40.

² Шевырев С.П. Указ. соч. С. 92.

воздействия на него¹. В 1759 г. в «Московских ведомостях» было напечатано объявление о выходе «Полезного увеселения»² – первого университетского периодического издания (и первого литературного журнала в Москве), которое выпускалось с января 1761 по июнь 1762 г. Журнал выходил вначале еженедельно, а последнее полугодие помесечно. Издателем его был известный поэт М.М. Херасков, организатор ряда печатных изданий, выходивших в типографии университета. Окончив Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Херасков с 1755 г. служил в университете ассессором (помощником директора) в канцелярии, в 1763 г. занял пост директора, а в 1778 г. – ректора.

Вокруг Хераскова, ученика А.П. Сумарокова, образовался кружок молодых литераторов, по преимуществу поэтов, произведения которых печатались на страницах университетских изданий. Члены этого кружка получили название «сумароковцы». Их лирику характеризуют темы личного усовершенствования, мира и дружбы между людьми. Основными сотрудниками «Полезного увеселения» кроме самого издателя были И. Богданович, С. Домашнев, А. Карин, Алексей и Семен Нарышкины, А. Ржевский, Денис и Павел Фонвизины. Принимали участие в его издании студенты Дмитрий Аничков, Яков Булгаков, Владимир Золотницкий, Василий Приклонский, Василий Григорьевич Рубан, Василий Санковский, Иван Соколов. Журнал носил чисто литературный характер, естественно-научные статьи в нем не печатались. То, что журнал издавали именно поэты, видно уже из того, что количество стихов в нем заметно больше, чем прозы. Причем преобладают стихи пессимистического или нравоучительного толка. Так, например, в стихотворении «Несчастье должно сносить терпеливо», сочиненном студентом Василием Санковским, содержится призыв принимать от Бога как счастье, так и испытания:

*«Что неугодным мы в незнании называем
И всеми силами что в жизни отвращаем,
То самое, когда посмотрим на конец,
Увидим, что к добру всегда ведет Творец.*

¹ См.: Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Человек Александровской эпохи: взгляд с Моховой // Университет для России. М., 2001. С. 44.

² Московские ведомости. 1759. № 78.

*Что счастье для того тебе Бог посылает,
Что жизнь счастливую тебе быть в пользу знает,
Когда ж несчастье тебе пошлет Творец,
Несчастье тебе на добрый есть конец¹.*

Помимо своих стихов и переводов студенты помещали в «Полезном увеселении» свои статьи на философские и богословские темы, поводом для которых послужили размышления над университетскими лекциями, а также рассуждения о современной культуре. Так, Дмитрий Аничков, будущий профессор Московского университета, публикует в журнале свое «Рассуждение о бессмертии души человеческой»². В статье «О комедиях и трагедиях, что они или исправляют, или портят наши нравы» студент Иван Соколов писал: «Общая жизнь больше подает случаев к порокам, а комедии по большей части гнусность и омерзение их представляют и учат людей, как оберегаться от сетей обманщиков». «Ибо когда представляются на комедии людские пороки, – рассуждает он, – как они гнусны, мерзки и предосудительны, и в каком у всех зрителей посмеянии, не всяк ли, смотря на сие, исправиться может?» Соколов не согласен с обществом, в котором такие «полезные обращения», как комедии, «почитаются за развращения наших нравов», в то время как их представление «служит самым добродетельным людям увеселением»³.

«Полезное увеселение» с назначением Хераскова на должность директора Московского университета прекратило свое существование, но на смену ему в январе 1763 г. пришел журнал «Свободные часы», который ежемесячно издавался «при университете» до декабря 1763 г. Редактором его, как и предыдущего журнала, был Херасков, печатались там бывшие участники «Полезного увеселения»: А. Ржевский, В. Санковский, А. Карин, А. Вершницкий и другие, а кроме них Сумароков и В.И. Майков.

Одновременно со «Свободными часами» при Московском университете выходил еще один ежемесячный журнал – «Не-

¹ Полезное увеселение. М., 1760. Ч. 2.

² Полезное увеселение. М., 1761. Ч. 2.

³ Полезное увеселение. М., 1760. Ч. 1.

винное упражнение», который издавал И.Ф. Богданович, воспитанник Хераскова и сотрудник «Полезного увеселения», с 1761 г. в чине прапорщика «надзиравший над классами» в Московском университете. Из предисловия к первой книжке «Невинного упражнения» известно, что журнал выпускали «молодые авторы», только что вступавшие в «письменную республику». Здесь были напечатаны поэма Вольтера «На разрушение Лиссабона» в переводе Богдановича, выполненные Е.Р. Дашковой переводы статей «О источнике страстей (из Гельвеция)», «О эпическом стихотворстве», несколько мелких переводных статей и большое количество аллегорий, мадригалов, любовных стихов, эпиграмм без подписей авторов. «Невинное упражнение» перестало выходить в июне 1763 г., всего увидели свет шесть его книжек. Журнал, как сообщалось в заключительном письме редакции к читателям, был прекращен «по многим неотвратимым препятствиям и, во-первых, потому, что как издатели, так и те, кои подписались брать наш журнал, из Москвы разъехались». Сам Богданович уволился из университета еще 3 мая 1763 г. и «по его прошению» был отослан в Военную коллегию.

Следующим по времени литературным изданием, выходившим при Московском университете, был ежемесячный журнал «Доброе намерение». Выпускал его в течение 1764 г. В.В. Санковский, ранее, как и Богданович, сотрудничавший с Херасковым в «Полезном увеселении» и «Свободных часах». Участвовали в новом издании молодые литераторы, студенты Московского университета Алексей Вершницкий, Семен Веницеев, Александр Костровский, Михаил Пермский и др. В «Добром намерении» печатались переводы «Превращений» Овидия, отрывки из английского сатирического журнала «Зритель» и других иностранных изданий. Редакция знакомила читателей с произведениями знаменитых итальянских новеллистов Боккаччо и Мазуччо в переводах Санковского и В.Г. Рубана.

Четыре перечисленных журнала, выходивших при Московском университете в начале 1760-х гг., были изданиями литературными. Их сотрудниками были известные писатели – Сумароков, Херасков, В.К. Тредиаковский – и обширная группа молодежи, начинавшей пробовать свои силы в творчестве. Еще один университетский журнал этой поры имел другой вид и

назначение. Он назывался «Собрание лучших сочинений, к распространению знания и к произведению удовольствия, или смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах». Выходил журнал в течение 1762 г. раз в три месяца. Издателем его был профессор Московского университета Иоганн Готфрид Рейхель. Прибыв в Россию в 1757 г., Рейхель преподавал немецкий язык, историю и статистику. Д.И. Фонвизин принимал активное участие в «Собрании лучших сочинений». Его перу принадлежат несколько переводов, напечатанных там: отрывок из романа аббата Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского», «Торг семи муз, из Кригеровых снов», «О действии и существе стихотворства» Г. Ярта и др. Помимо него свои переводы печатали в журнале его брат Павел Фонвизин, студенты Владимир Золотницкий, Иван Калиновский, Яков Дашков и др.

В соответствии со своими научными интересами Рейхель уделял главное внимание вопросам коммерции и экономии («домостроительства»), «политической и ученой истории». В журнале печатались, к примеру, такие статьи: «О пользе, которую физика приносит в экономии», «Политическое рассуждение о коммерции», «Изображение мануфактур-коллегии» и т.д. Часто встречаются статьи на хозяйственные темы: «О способе поправления овечьей шерсти», «Новые опыты об окрашивании красного вина» и др. Разнообразие материалов журнала, в котором печатались и отрывки из иностранных сатирических изданий, делало его любопытным для нескольких поколений читателей. По смерти Рейхеля Н.И. Новиков в 1787 г. переиздал «Собрание лучших сочинений».

В 1771 г. по инициативе куратора И.И. Мелиссино в Московском университете было образовано первое его официальное ученое общество – Вольное российское собрание. Цель общества указывалась следующая: «...для исправления и обогащения Российского языка, чрез издание полезных, а особливо к наставлению юношества потребных, сочинений и переводов, стихами и прозою»¹. Вольное российское собрание поставило своей

¹ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 182.

главной задачей издание «правильного Российского словаря по азбуке»; кроме того, оно в своих трудах публиковало статьи на исторические темы, старинные грамоты и акты. Председателем собрания был сам Мелиссино, замещал его директор университета М.В. Приклонский, секретарем был назначен профессор красноречия А.А. Барсов. В число членов общества входили многие известные люди, такие, как граф П.Б. Шереметев, князь П.И. Репнин, княгиня Е.Р. Дашкова, историк М.М. Щербатов, А.П. Сумароков и сам князь Г.А. Потемкин. Но наряду с ними в деятельности общества принимали участие и студенты. Как указывает С.П. Шевырев, «лучшие студенты» были «аускультантами общества, в их числе мы видим Падерина, будущего учителя истории при гимназии»¹. Заседания собрания проходили очень торжественно и пышно. По описаниям современников, Потемкин сидел за столом, «выставляя напоказ бриллиантовые пряжки башмаков своих, щеголяя ими перед Студентами, которые в мундирах, стоя вокруг, присутствовали при этих заседаниях. Петр Иванович Страхов, красовавшийся тогда в ряду Студентов, помнил эти заседания и передал подробности своему племяннику, Петру Илларионовичу»². Таким образом, Вольное российское собрание, придав организационные формы литературному движению, объединило вокруг университета различные по своему социальному положению круги, привлекло к делу просвещения российскую элиту. Это позволило собранию оказывать значительное влияние на современное общество и породить множество сторонников и последователей, включая Н.И. Новикова и М.Н. Муравьева.

Журнал «Приятное и полезное препровождение времени» выходил с 1794 по 1798 г. два раза в неделю при каждом номере «Московских ведомостей» и занимал один лист. Издателями его, как и газеты «Московские ведомости», были Христофор Ридигер и прапорщик Христофор Клаудий; редакторами – Василий Сергеевич Подшивалов и Павел Афанасьевич Сохацкий, за 1798 г. только Сохацкий³. И Подшивалов, и Сохацкий были выпуск-

¹ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 202.

² Там же. С. 203–204.

³ См.: Неустров А.Н. «Приятное и полезное препровождение времени». СПб., 1874.

никами Московского университета и привлекали его студентов и гимназистов к участию в своем издании. Этот журнал являлся продолжением «Чтения для вкуса» (1791–1793) и сам получил продолжение в 1799–1801 гг. в журнале «Ипокрена». В «Приятном и полезном...» публиковались сочинения таких студентов, как Василий Загорский, Михаил Никитич Баккаревич, Петр Афанасьевич Пельский, будущий директор училищ в Москве. Гимназистом начал печататься в этом журнале А.Ф. Мерзляков, будущий профессор Московского университета.

Надо сказать, что во второй половине XVIII в. студенты не всегда помещали свои произведения именно в журналах, некоторые публиковали их отдельными изданиями. Например, Федор Григорьевич Карин, брат публиковавшихся в «Полезном увеселении» и «Свободных часах» Александра и Николая, свои переводы и сочинения издавал самостоятельно.

В начале XIX в. продолжали издаваться журналы, в которых активное участие принимали студенты университета или воспитанники Благородного пансиона. Журнал «Весенний цветок» выходил в 1807 г. в «вольной типографии Федора Любия» с посвящением любимому студентами товарищу министра народного просвещения попечителю М.Н. Муравьеву. Свои стихи и другие сочинения печатали в этом журнале студенты Козьма Андреев, Алексей Урываев, Константин Калайдович, будущий археограф, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Масонская эпоха

Общества особого характера появились при Московском университете в 1780-х гг. Их появление связано с деятельностью масонов, прежде всего Новикова и И.Г. Шварца. Новиков сам являлся питомцем Московского университета, правда, «за леность и нехождение в классы» он был исключен из университетской гимназии. К работе в университете его привлек Херасков. 1 мая 1779 г. был заключен контракт, по которому университетская типография передавалась Новикову в аренду на десять лет. Главная цель Новикова заключалась в том, чтобы распространять просвещение, «которое он разумел не иначе, как основанным на религиозно-нравственных началах, преимущественно в духе

мистическом и с более или менее теософическими воззрениями разных оттенков»¹.

Для этой работы, требовавшей перевода иностранных книг, он в большом числе привлекал студентов. Новиков «соединил около себя любознательную и просвещенную молодежь Университета; призвал ее к деятельности» и «дал ей для того ученые и денежные средства»². С 1779 г. он издает в Москве журнал «Утренний свет», начатый в Санкт-Петербурге в 1777 г.³ Среди студентов (а именно им или гимназистам принадлежало подавляющее число переводов в этом журнале) мы встречаем Алексея Малиновского, будущего сенатора, переводчика-драматурга, Дмитрия Рыкачева, Николая Лаба и Лаврентия Давидовского. В «предуведомлении» от издателей журнала сообщалось: «Собрание наше состоит только из десяти; а сложив вместе время нашей жизни, составит не более тридцати лет. Таковая малость едва достигает и до *Утреннего света* в нашей жизни; почему, как то и со всеми молодыми людьми бывает, мы хотя и великую полагаем надежду на свое прилежание и трудолюбие, однако ж не смеем уповать, что по желанию удостоят нас многие своим чтением»⁴. В журнале публиковались наряду с нравоучительными стихами, рассказами, переводами из античных авторов отрывки из сочинений немецких просветителей, такие как, например, «Федон, или Разговоры о бессмертной душе» Мендельсона или «Видение мира невинных человеков», «Отрывки из разговоров Диогена Синопийского» Виланда.

В 1779 г. Новиков познакомился с И.Г. Шварцем после назначения последнего экстраординарным профессором немец-

Н.И. Новиков

¹ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 143.

² Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 217.

³ См.: Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. С. 127.

⁴ Утренний свет, ежемесячное издание. М., 1779. Ч. 1.

кого языка при Московском университете. «При аналогичности их просветительных стремлений знакомство этих людей весьма скоро превратилось в самую искреннюю дружбу: общее дело связало их, хотя характеры их во многом различались»¹. Это позволяло им успешно сотрудничать в деле просвещения и образования. Их общими целями были «подготовка учителей в духе масонской этики, внедрение новых правил воспитания, привлечение студентов для помощи Новикову в издательской работе»². Благодаря их трудам в 1779 г. открылась Учительская (Педагогическая), а в 1782 г. – Переводческая (Филологическая) семинарии. Первая из них предназначалась для подготовки студентов к преподавательской деятельности, а вторая – для перевода на русский язык иностранных сочинений. 13 марта 1781 г. в университете по инициативе Шварца было открыто первое студенческое общество под названием «Собрание университетских питомцев». Целью общества ставилось «усовершенствование русского языка и литературы» через сочинения и переводы.

В 1782 г. на масонской основе вокруг университета сложилось сообщество людей, получившее внешнее оформление под названием Дружеского ученого общества. Оно объединяло более 50 человек. На его иждивении обучались до 30 студентов, среди которых будущие митрополиты Серафим (Глаголевский) и Михаил (Десницкий), профессора П.А. Сохацкий, А.А. Прокопович-Антонский и П.И. Страхов. Студенты жили в доме Шварца, получая в год по 100 рублей (в январе 1786 г. их насчитывалось 15 человек)³. Именно кружок товарищей Новикова по Дружескому ученому обществу и осуществлял выпуск литературных изданий при университете в 1780-е гг.

В 1781 г. Новиков публиковал «Московское ежемесячное издание», «закрывающее в себе» «собрание лучших статей, касающихся до нравоучения, политической и ученой истории, до философических и словесных наук и других полезных знаний, служащее продолжением Утреннего света»⁴. В предисловии к изданию утверждалось, что «причина всех заблуждений челове-

¹ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. 39. С. 253.

² Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Т. 2. С. 371.

³ См.: Новиков Н.И. Избр. соч. М.; Л. 1951. С. 582.

⁴ Московское ежемесячное издание М., 1781.

ческих есть невежество, а совершенства знание»¹. «Всех познаний и наук предмет есть троякий: мы сами, природа и Творец всяческих. Если ученый не соединит оных трех предметов воедино и все свои познания не устремит к совершенному разрешению оной загадки: на какой конец человек рождается, живет и умирает и ежели он при учености своей злое имеет сердце; то достоин сожаления и со всем своим знанием есть сущий невежда, вредный самому себе, ближнему и целому обществу. От таких-то ученых вся мерзость, находящаяся на земном шаре, свое имеет начало»². В этом журнале публиковали свои сочинения и переводы студенты Малиновский, Рыкачев, Лаба, Давидовский, уже известные по сотрудничеству с Новиковым в журнале «Утренний свет», а также Дмитрий Серебряков и будущий профессор Андрей Михайлович Брянцев.

В 1782 г. начинает издаваться журнал «Вечерняя заря», по уверениям издателей служивший «продолжением Утреннего света», а с 1784 г. – «Покоящийся трудолюбец», «периодическое издание, служащее продолжением Вечерняя Зари»³. Правда, эти журналы редактировались не Новиковым, а Шварцем, они имели четкую масонскую ориентацию и, как считают исследователи, в этом даже представляли контраст с предшествующими новиновскими изданиями⁴.

«Вечерняя заря», как следует из полного названия этого журнала, представляла собой «ежемесячное издание, в пользу введенных в Санкт-Петербурге екатерининского и Александровского училищ, заключающее в себе лучшие места из древних и новейших писателей, открывающие человеку путь к познанию Бога, самого себя и своих должностей, которые представлены как в нравоучениях, так и в примерах оных, то есть небольших историях, повестях, анекдотах и др. сочинениях стихами и прозою»⁵. В «предуведомлении к читателям» издатели пишут, что «свет нашего разума едва можно уподобить и вечернему свету», так как. «человеческий разум несчастным падением нашего

праотца весьма потемнился, и сие то изображает наш смутной и бледной свет *Вечерняя Зари*. Но он гораздо умножен и почти в прежнее состояние приведен быть может, когда воля наша в действиях, а разум в познаниях подражая *Вечерней Заре*, которая непрестанно последует за Солнцем, будет течение свое править за великим светом Божества»¹. Таким образом, декларировалась потенциальная возможность исправить свой разум, приведя его в состояние, близкое к бывшему до грехопадения. Далее давался совет, что «познание себя надобно начинать от познания и исправления своих нравственных действий и после приступать к рассматриванию таинств находящихся в самом существе человеческого»². Достигнув этого, «когда таковым образом приуготовлен будет наш дух и откроется обитающий в нас Свет, тогда можно обратить свое внимание на внешние предметы или природу и в чудном ее строении познавать великие совершенства, искусство и величие ея Строителя»³. Также рекомендуется читать Священное Писание, «в котором все таинства Божества и Природы сыщут объяснены, но на духовном языке». В адрес критиков издатели отпускают язвительное замечание: «Относительно же к пересмешникам можем сказать, что они ругаются над чужим или из привычки, или из того, что их испорченный желудок часто и здоровой пищи варить не может»⁴.

Из благодарности, изъявленной издателями «трудящимся в издании онаго Журнала», известно, что в его создании принимали участие такие студенты, как Михайло Иванович Антоновский, Лев Максимович Максимович, Лаврентий Яковлевич Давыдовский, Петр Петрович Брауншвейг, Андрей Васильевич Могилянский, Иван Андреевич Фабиан, Федор Львович Тимонович, Александр Федорович Лабзин и Петр Афанасьевич Пельской⁵. Все они являлись активными участниками Собрания университетских питомцев. М.И. Антоновский так вспоминал о создании этого общества и начале его литературных трудов: во время своей учебы в университете (1780–1783) он «согласил...

¹ Московское ежемесячное издание М., 1781. Ч. 1. С. X.

² Там же. С. XI.

³ Покоящийся трудолюбец. М., 1784.

⁴ См.: Словарь русских писателей XVIII в. Т. 2. С. 369.

⁵ Вечерняя заря. М., 1782. Ч. 1.

¹ Вечерняя заря. М., 1782. Ч. 1. С. I, III.

² Там же. С. III–IV.

³ Там же. С. IV.

⁴ Там же. С. V.

⁵ Там же. С. VI.

нескольких своих соучеников, студентов Московского университета, составить учное общество для упражнений, во время, остающееся от слушания профессорских лекций, в сочинениях и переводах, а после для издания трудов своих в печать, словом для приучения себя рассуждать и чувствовать хорошо. Сочинил обществу оному устав, правилам коего соображаясь члены сего общества столь хорошо образовались, что, по выходе их из университета и по вступлении в государственную службу, тогда же оказались самыми способнейшими людьми к оной, так что редкий из них ныне служит без отличия (кроме одних гонимых завистию и злобою), менее 4-го класса. Сие общество издало в свет на Российском языке немалое число весьма полезных книг»¹.

Содержание журналов «Вечерняя заря» и «Покоящийся трудолюбец» главным образом состояло из написанных студентами стихотворений или «рассуждений» на нравственно-философские темы. Так, в «Рассуждение о истинном человеческом благе» говорится, что «истинное наше благо состоит в просвещении и добродетели»². И Благая Весть выполняет задачу просвещения и освобождения от незнания:

*Чтоб тьму невежества и скверных дел пресечь,
Бог свет Евангельский благоволил возжечь*³.

В «Вечерней заре» приводится «египетское учение о познании душевного безобразия и красоты»: «Кто, исторгаясь из-под законов материи, украшает себя добродетелями, как духовным украшением, тот наконец бывает от высочайшего Существа так освещаем, что в величайшем восторге, зря благолепие души, познает и своего Создателя, и получает те высокие откровения, которые непросвещенный человеческий разум ни изобрести, ниже постигать не может. Такового счастья кто достиг, тот не станет смотреть, сколько кто по телу или платью красив, но по духу. Ибо нет такой красоты, которая могла бы сравниться с красотой душевною. Хотя сие для упоенных и оглушенных материею духов непонятно»⁴. Таким образом, этика выводится из мистики.

¹ Записки Михаила Ивановича Антоновского. С. 151.

² Вечерняя заря. М., 1782. Ч. 1. С. 198.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 262–263.

В «Рассуждении о познании самого себя» проводится просвещенческая идея о том, что «познание самого себя и нашего состояния научает нас, что мы, будучи члены общества, к соделанию себя счастливыми имеем средством то, чтобы стараться о благополучии и других». «Ежели бы основатели обществ и Государи вникнули бы в сию важнейшую истину, то бы законы и обыкновенно были везде одинаковы. Но мы еще далеко от сего отстоим, и оно убегает от нас; поелику всяк из Государей предписывает законы по своему произволению и склонности»; «всяк частный человек благополучия свое почерпнуть должен из общего. Хотя же Ликург, следуя по особеннейшей от всех дороге, подходит к сему совершенству весьма близко: однако со всем тем план его законов имел естественные недостатки. Сие весьма вероятно, что частное благополучие есть и всеобщее, однако каждый в особенности не может онаго сыскать и получить, ни мало не стараясь о благополучии общественном; ибо одно частное благополучие есть счастье тех ограниченных духов, которые думают быть в безопасности и в огне, обнявшем дом их соседа»¹.

«Покоящийся трудолюбец» выпускался не ежемесячно, а по несколько частей в год. Согласно предуведомлению, журнал заключал «в себе богословские, философические, нравоучительные, исторические и всякого рода как важные, так и забавные материи, к пользе и удовольствию любопытных читателей, состоящие из подлинных сочинений на российском языке и переводов с лучших иностранных писателей в стихах и прозе»². Посвящался этот журнал «любезнейшему Отечеству и всем верным сынам его» и был украшен эпиграфами из Вергилия: «О Patria!» и «Отечество драгое! И самые птенцы цветы тебе приносят». «Если ты, любезный читатель, из числа любителей своего отечества, ежели ты небесплодный член его, ежели усердное твое о благе общем ревнование делает тебя достойным дражайшего имени Сына отечества – тебе, достойный Патриот, в числе других, посвящается книга сия»³, – писали в предисловии издатели.

¹ Вечерняя заря. М., 1782. Ч. 2. С. 250–251.

² Покоящийся трудолюбец. М., 1784. Ч. 1.

³ Там же. С. I.

Впрочем, за безобидным фасадом скрывалась явно выраженная оккультно-мистическая направленность журнала. Об этом говорит то, что там помещались такие статьи, как «О науке, называемой Кабале»¹, а также давалась положительная оценка известному мистiku Сведенборгу: «Положим на пр., что духовидение Шведенбургово преисполнено фанатизмом; однако всегда остается много истинного в том, что принадлежит до непосредственного духов между собой общения. Мужи, всякую доверенность к себе заслуживающие, ручаются единогласно в том, что Шведенбург был человек честный и подлинно разумный и что он действительно открыл такие вещи, которых не мог бы он открыть обыкновенными путями»².

Столь явная пропаганда мистицизма не могла не обратить внимания властей. Особенно после того как летом 1784 г. московские мартинисты лишились своего влиятельного покровителя – графа З.Г. Чернышева, московского главнокомандующего и подписчика «Утреннего света». В указе Екатерины II от 23 декабря 1785 г. говорилось, что в типографии Новикова печатаются «многие странные книги». Было предписано составить им роспись, а архиепископу Платону (Левшину) – рассмотреть книги и испытать Новикова в Законе Божиим. Статс-секретарь Екатерины II А.М. Грибовский отметил в своих «Записках» «предубеждение ея против Московского университета», а также против мартинистов, которых она «считает... якобинцами»³. В результате кружок Новикова подвергся преследованиям: в 1786 г. были закрыты Филологическая семинария и Дружеское ученое общество. Попытки в 1789 г. открыть при университете новое общество (любителей учености) и издавать с его помощью журналы научного содержания, в чем должны были участвовать студенты и Общество университетских питомцев, не увенчались успехом. В результате студенческая литературная деятельность замерла на несколько лет.

¹ Покойщийся трудолюбец. М., 1785. Ч. 4.

² Там же. М., 1784. Ч. 1. С. 62.

³ *Грибовский А.М.* Записки об императрице Екатерине Великой. М., 1864.

Студенческие общества начала XIX в.

Студенческие кружки начала XIX в. были пропитаны духом романтизма. В кружке А.Ф. Мерзлякова были достаточно демократичные отношения между преподавателями и студентами. Его члены собирались на университетских квартирах, где в свободной обстановке вели между собой общение. Кружок посещали С.П. Жихарев и поэт З.А. Буринский. Известен также кружок, собиравшийся в доме Щербатовых на Кузнецком, куда ходили князь И.Д. Щербатов, братья П.Я. и М.Я. Чаадаевы, а также А.С. Грибоедов¹.

В своих воспоминаниях М.А. Дмитриев рассказывает, как студенты Московского университета решили завести у себя «подражание Арзамасскому обществу» и учредили Общество громкого смеха, которое существовало до 1822 г. Председателем был избран Дмитриев, секретарем – А.Д. Курбатов. Членами общества были П.А. Новиков, М.А. Волков, поэт и переводчик С.Е. Раич (он принимал участие в заседаниях со своим воспитанником Ф.И. Тютчевым), Д. Панчулидзе, Философов, Попов и другие, которых Дмитриев не запомнил². Кстати, Раич и Волков были упомянуты на следствии по делу декабристов в 1826 г. как члены Союза благоденствия. Участники Общества громкого смеха писали сатирические, шутливые произведения, в которых высмеивались чаще всего университетские профессора, граф Хвостов и др. При этом кружку покровительствовали Мерзляков и И.И. Давыдов. «Наше общество, – вспоминал Михаил Александрович, – получило в университете известность: профессора Мерзляков и Давыдов брали нашу тетрадь для прочтения; мы дали, несмотря на то, что тут было и о Мерзлякове. Они посмеялись и рукопись нам возвратили!»³

Но если в начале александровского царствования кружки не вызывали подозрений правительства, то с 1820-х гг. положение изменилось. О неудачной попытке организовать литературный кружок писал в своих воспоминаниях Ф.Л. Ляликов: «В 1820 году

¹ См.: *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. С. 244.

² См.: *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 140.

³ Там же.

мы задумали в среде своей основать общество литературное, т.е. читать заготовляемые сочинения и разбирать их критически. Нашлось с десятков охотников, в том числе и я. Для наших заседаний предложил просторную свою квартиру И.В. Титов». «Мы сходились раза три; потом слышим, что квартальные с буточниками за нами наблюдают, а дальше и хозяин дома объявляет Титову, что он держать его в своем доме, если не прекратятся сборища, не может... Таким образом, самое невинное, чистое дело погасло не от беса полуденного, а от неотесанного алгвазилы»¹.

В конце 1822 г. Семен Егорович Раич (Амфитеатров), будучи преподавателем Московского университетского пансиона, создал Общество молодых любителей литературы (так называемый кружок Раича), который собирался на Большой Дмитровке. Объединение было создано главным образом с целью пробудить у А.Н. Муравьева, воспитателем которого был тогда Раич, вкус к литературной деятельности. «С.Е. Раич, – вспоминал Н.В. Путьята, – для поощрения ученика завел у себя литературные вечера, на которые раз в неделю собирались молодые люди, большую частью из воспитанников Университета и его пансиона, и некоторые из принадлежащих к учебному заведению Н.Н. Муравьева. В числе их были: М.Н. Погодин, С.П. Шевырев, Д.П. Ознобишин, В.П. Титов, А.И. Кошелев, кн. В.Ф. Одоевский, магистр или кандидат В.И. Оболенский, П.И. Колошин, Н.П. Крюков, С.Д. Полторацкий и др. На этих вечерах они познакомились с новыми произведениями русской словесности и читали собственные опыты сочинений и переводов»². Рассказ Путьяты подтверждается мемуарами А.Н. Муравьева, который вспоминал: «Чтоб еще более во мне развить вкус к словесности, он (С.Е. Раич. – А.Ф.) составил в Москве небольшое литературное общество, которое собиралось у него по вечерам для чтения лучших русских авторов и для критического разбора собственных наших сочинений, а это чрезвычайно подстрекало наше взаимное соревнование»³.

Раич, по оценке К. Полевого, был «посредственный стихотворец, отличавшийся множеством оригинальных сторон и в раз-

говорах и в обращении... Неудивительно, – пишет он, – что такой человек придал смешной характер литературному обществу молодых людей, избравших его своим председателем. Общество имело, кроме председателя, секретаря, который вел *протоколы* заседаний, читало в своих собраниях стихи и прозаические статьи членов, словом, по-детски подражало официальному Обществу Российской словесности, собиравшемуся у Антонского»¹. Общество молодых любителей литературы, по словам Полевого, было «в последнее время под покровительством И.И. Дмитриева и кн. Дмитрия Владимировича Голицына». К перечисленным у Путьяты членам общества Полевой добавил следующих: М.А. Дмитриева, А.И. Писарева, А.С. Норова, Ф.И. Тютчева, М.А. Максимовича, А.А. Шаховского и самого Путьяту.

А.И. Кошелев уточнял, что обществ было два: «...одно литературное, а другое философское. Первое, под председательством переводчика “Георгин” С.Е. Раича (Амфитеатров)». «Другое общество было особенно замечательно. Оно собиралось *тайно*, и об его существовании мы никому не говорили. Членами его были: кн. Одоевский, Иван Киреевский, Дмитрий Веневитинов, Рожалин и я. Тут господствовала немецкая философия, т.е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Горрес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочитанных нами творениях немецких любомудров. Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед; христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров»². Впрочем, история общества любомудров, которое лишь условно можно отнести к университетским, лежит уже вне пределов данной работы. Объединявшее же воспитанников Московского университета общество Раича существовало недолго. «В конце апреля 1825 г. уехал я в Малороссию с Г.Н. Рахмановым, – писал Раич. – ...В августе 1826 г. возвратился я в Москву; общество мое рассеялось и не собиралось более...»³

¹ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания. С. 385.

² Путьята Н. Заметки об А.Н. Муравьеве // Русский архив. 1876. Т. 2. С. 357.

³ Муравьев А.Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 5.

¹ Полевой К. Записки. СПб., 1888. С. 100–101.

² Кошелев А.И. Записки. Берлин, 1884. С. 11–12.

³ Раич С.Е. Автобиография // Русская библиотека. 1913. № 8. С. 28–29.

Итак, студенты Московского университета принимали самое деятельное участие в общественно-литературной жизни России второй половины XVIII – начала XIX в. Многие из них были талантливыми писателями, поэтами, публиковавшимися в литературных журналах своего времени; некоторые из них по окончании университета стали издателями. Важно, что первые в Москве журналы появились именно в среде университета. С ним был неразрывно связан и важнейший процесс формирования русского литературного языка. Литературный язык развивался, в частности, в ходе переводческой деятельности студентов, благодаря которой Москва и вся Россия знакомились с западной литературой. Процесс образования и воспитания продолжался вне стен университетских аудиторий, на частных или университетских квартирах. Студенческие кружки и общества формировали новые взгляды, закладывали систему ценностей – так проходил процесс вхождения студента в общественную жизнь.

ГЛАВА 5

Карьера выпускников Московского университета

Очевидно, что образование является одной из важнейших социальных характеристик. Питирим Сорокин «показывает несомненную связь социального продвижения и образовательного механизма. Успешное прохождение образовательных “тестов” во многих обществах облегчало проникновение в его высшие слои, хотя исторические вариации этого процесса очень многообразны»¹. «Однако любая, даже самая демократичная система образования, по мысли Сорокина, выполняя тестирующие и распределительные функции, объективно является фактором “аристократизации” и стратификации общества, а не “выравнивания” и “демократизации”»². Из советских историков это явление отмечал М.М. Штрэнге, несколько недоумевая, почему выходцы из разночинцев не всегда несли передовую идеологию и часто «одворянивались».

П. Сорокин «рассматривает образование как один из механизмов социальной селекции, один из факторов формирования страт... Система образования выступает “фильтром”, пройдя через который люди либо поднимаются, либо опускаются по общественной лестнице. От устройства “фильтра” зависит, какие “человеческие частицы” останутся в верхних, а какие проскользнут в нижние слои, поскольку стандарты хорошего и плохого, желательного и нежелательного для общества ярче всего проявляются в организации образования. В этом смысле образование играет очень важную роль в формировании типических черт личности»³.

¹ Сохраняева Т.В. Образование как фактор культурной динамики (опыт прочтения Питирима Сорокина) // Вестник Московского университета. 1998. № 6. С. 83–93. (Философия).

² Там же.

³ Там же.

Кем же становились студенты по выходе из Московского университета? Сказывалось ли то, что они получили университетское образование, на их дальнейшей судьбе и как это влияло на их карьерный рост?

Распределение воспитанников Московского университета

Результатом обработки составленной мной базы данных по студенчеству XVIII – первой четверти XIX в. и применения про-сопографического метода стали следующие выводы. Небольшая часть студентов вообще не смогла начать карьерный путь – эти люди умерли во время обучения в университете: А.А. Бугров застрелился, В.Я. Колокольников скончался в сумасшедшем доме, другие умерли в нищете или крайней бедности. П. Илл. Страхов указывает, что часто «самые благонаправленные, прилежнейшие и благоразумнейшие» студенты «подолгу, даже лет по десяти, оставались в Университете» и университет их «не только не по-нуждал к выходу на службу, но еще и приудерживал их у себя, обнадеживая местами лучшими, выгоднейшими, потому что таковые Студенты, по примерному своему поведению, служили образцами для Студентов младших, притом же они и без дела не оставались, но всегда были занимаемы разными обязанностями. Они были камерными надзирателями и репетиторами при казенных воспитанниках и пансионерах, им препоручалось преподавание в гимназических классах во время законного отсутствия учителей; по препоручениям Начальства занимались переводами чужестранной корреспонденции либо разных любопытных и полезных статей для повременных изданий при Университете и проч.; а все это вместе для пользы общественной составляло почти ту же государственную службу»¹.

Значительное число студентов, не окончивших еще курса учения, по инициативе сверху забирали на службу в государственные учреждения: Уложенную комиссию, Сенат и другие, назначали учителями в гимназии. Так, например, в мае 1764 г. 25 студентов были взяты в Медицинскую коллегию, несмотря на

¹ Страхов П.И. Указ. соч. С. 40–41.

жалобы профессоров. В 1767 г. в Уложенную комиссию забрали 42 студента (после этого во всем университете осталось только 5 студентов: 4 на юридическом и 1 на медицинском факультетах)¹. Из Уложенной комиссии они перешли в местные органы власти, что, очевидно, связано с проведением губернской реформы Екатерины II.

Массово определять студентов на государственную службу продолжали и при Павле I. В 1797 г. при Сенате была учреждена юнкерская школа, и ее директор О.П. Козодавлев обратился к куратору университета кн. Ф.Н. Голицыну с просьбой прислать туда учителей. Были отправлены М.Н. Цветков и И.Ф. Тимковский, которые зарекомендуют себя в этой школе как отличные преподаватели, за что Козодавлев в письме к Голицыну принесет свою благодарность². И.Ф. Тимковский вспоминал, как после своего определения на службу в Сенат экспедитор князя А.Б. Куракина «потребовал у меня записки, кого может он еще вызвать в канцелярию свою из университета, человек на шесть. Из них вошли четыре, прочие два поступили на другие места. За то новых князь принял четырех»³. С 1767 г., отмечает Илья Федорович, «от того времени едва ли был год, подобный 1797-му, чтоб разом столько выбыло из университета по разным начальствам»⁴. В «Записке о студентах, вышедших из Университета по разным требованиям с показанием, в какие места оные выбыли с 1798 года», приложенной к «Записке о Московском университете и его нуждах», сообщается, что за это время в канцелярию генерал-прокурора Сената было определено 10 студентов, в Практическую школу земледелия – 6, в Казанскую гимназию – 6, к инженер-генералу Князеву – 8, к действительному статскому советнику Львову – 3; к барону Васильеву – 5, в Кригс-комиссариатскую экспедицию по требованию генерал-кригс-комиссара – 2, «ко другим уволено поодиночке» – 10. Итого ровно 50 учащихся были направлены на службу в течение года с небольшим⁵.

¹ См.: Документы и материалы... Т. 3. С. 86.

² См.: Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 309.

³ Тимковский И.Ф. Мое определение в службу. Стб. 1446.

⁴ Там же. Стб. 1447.

⁵ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2698.

Очень многие студенты учились в университете весьма небольшое время и сами спешили поступить на службу. Большинство определялось на статскую службу, немалое число – на военную. Из служащих по гражданской части больше других принадлежало ведомству Министерства народного просвещения (они служили учителями, профессорами, работали в университетской типографии и т.д.). Вторыми по численности были медики.

Студенты из дворян часто были записаны в службу в раннем возрасте. Они обучались в университете, числясь на военной или статской службе, иногда уже имея классные чины. Ф.П. Ключарев значился на службе в конторе Берг-коллегии в Москве в должности копииста с 1766 г. (с 11- или, по другим данным, с 15-летнего возраста). В 1776 г. он был переведен в Могилевскую губернию, где служил секретарем у генерал-губернатора З.Г. Чернышева. Федор Петрович, имея с 1780 г. чин титулярного советника, а с 1782 г. должность прокурора в Московском губернском магистрате, был в том же 1782 г. произведен в студенты Московского университета. Довольно скоро, в декабре 1783 г., он был переведен в Вятский верхний земский суд, где продолжил службу прокурором. Сенатор, мемуарист Ф.П. Лубяновский был сыном священника, но из дворянского рода. В 1790 г. по окончании Харьковского коллегіума он был записан подпрапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка, в 1791 г. вышел в отставку с чином поручика. В 15 лет был отпущен один в Москву и с 1793 г. учился в Московском университете. После окончания учебы в конце 1795 г. определен на службу к генерал-аншефу Н.В. Репнину (в 1796 г. – инспекторский адъютант). Е.В. Карнеев учился в Харьковском коллегіуме, затем в Московском университете (студент с 1793 г.). 1 января 1789 г. был записан сержантом в Семеновский полк, а с 1796 г. состоял армейским капитаном при фельдмаршале Н.В. Репнине.

В виде исключения Сенатом могли присваиваться студентам (прежде всего дворянам) классные чины даже до определения на действительную службу. Павел Александрович Левшинов (сын протоиерея Успенского собора Московского Кремля Александра Левшина и племянник митрополита Платона) 22 марта 1784 г. по его прошению был награжден «за означенные понесенные им в

науках труды (курсив мой. – А.Ф.) чином губернского секретаря», хотя еще не был определен на службу. Какие могли быть покровители у некоторых студентов и как осуществлялась протекция, показывает переписка генерал-прокурора А.Б. Куракина с братом Александром. Последний в письме (22 апреля 1797 г.) сообщал, что «здешнего Университета студенты Андрей, Владимир и Лев... будут иметь честь вручить вашему Сиятельству сие письмо. Желая споспешествовать благополучию их, каковое себе ожидают от вступления в Гражданскую службу с награждением подобающего им по Университетским аттестатам чина, покорно прошу вас, Милостивый Государь мой, сотворить сим молодым людям благодеяние доставлением им ожидаемого благополучия. Таковым на начальную стезю их счастья постановлением ваше Сиятельство чувствительно меня обяжет»¹. Упомянутые студенты были родными братьями П.А. Левшинова.

Недворянам приходилось гораздо тяжелее. В XVIII в. многие студенты-разночинцы вынуждены были поступать в число канцелярских служителей, т.е. без получения классного чина. Положение несколько изменилось в 1790 г., когда именным указом от 16 декабря «О правилах производства в статские чины» было велено «студентов, которые, приобрев успехи в науках, пожелают вступить в гражданскую службу, оных по одобрениям и испытаниям определять в чины Регистраторов и тому подобных, из которых уже они далее будут производимы»². Что же касается «медицинских чинов и Профессоров» из «тех, кто в подданство Наше вступили, полагая таким кои не меньше 10 лет Докторами Медицины, или Профессорами других факультетов служили», то они награждались чинами надворных советников, магистры – титулярными советниками³.

Несмотря на этот указ, далеко не всегда студенты по выходе из университета получали классный чин. В павловское царствование об указе «забыли». Об этом свидетельствует переписка по поводу ходатайства куратора Московского университета кн. Ф.Н. Голицына о награждении студентов, добропорядочно

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 308.

² ПСЗ. Т. 23. № 16 930.

³ См. там же.

окончивших курс, обер-офицерскими чинами, дабы они «по аттестату своему получали четырнадцатого класса чины». Павел I студентов из дворян велел награждать званием коллегии юнкера, а разночинцев определять в канцелярские служители. Генерал-прокурор кн. А.Б. Куракин во всеподданнейшем донесении Павлу I о ходатайстве кн. Голицына напомнил, что уже «указом 1790 года повелено их (студентов. – А.Ф.) вообще награждать чином коллежского регистратора при вступлении в службу», и в случае принятия новой нормы дворяне «воспользуются награждением вдвое, а другие, несмотря на способности и успехи учения, должны будут лишиться и прежней награды»¹. Смелость Куракина, дерзнувшего поправить императора, возымела действие: он получил высочайшее соизволение, «дабы награждение... оставалось на прежнем основании»².

О том, с какой суровой реальностью приходилось сталкиваться выпускникам, красноречиво свидетельствуют воспоминания Ф.П. Лубяновского: «В университете никто из нас, за исключением медицинского факультета, не имел определительной цели, хотя и то правда – не знаешь, куда Бог поведет. Все мы просвещались, готовили себя, думали и не на шутку, – к государственной службе, и, чем более хвалили нас за прилежание и успехи, тем более мечтали мы о себе... В жар бросало не одного меня, когда, бывало, наши профессора – мастера на это немцы, – вызывая тени греков и римлян, с силою и властью, славословили их высокую мудрость, их несравненные, в бессмертный пример человечеству, доблести, сами приходили и нас приводили в восторг, отчего в воображении нашем зарождались пустые надежды, безрассудные притязания, а сердце между тем оставалось без пищи. Так, один из моих товарищей студентов уведомлял меня в декабрь 1796 г. о царской милости университету: последовало высочайшее повеление пригласить на службу 12 из казенных студентов и немедленно прислать их в Петербург. Вызвались отличнейшие по успехам в науках и поведению, в том числе и корреспондент мой, по письму которого приглашение на службу по высочайшему повелению обещало им горы золотые. Приехав в

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1080. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

столицу, я отыскал шестерых из них, – где же? в холодных, сырых и темных подвалах огромного здания: то была канцелярия С.-Петербургского тогда коменданта барона А.А. Аракчеева. Унылые, бледные, в унтер-офицерских доспехах, они переписывали набело формулярные списки нижних воинских чинов, и не забыть мне отчаяния, с которым они, не смея оторваться от дела, под надзором старого беспощадного капрала, томными глазами высказывали все, что было у них на сердце; недолго и прожили на белом свете».

Сведения Лубяновского подтверждает Н.И. Греч: «Аракчев, получив какую-то должность, помнится С.-Петербургского коменданта, и чувствуя свою неграмотность, вытребовав себе в писцы лучшего студента Московского университета, обещая сделать его счастье. К нему прислан был Петр Николаевич Шарапов (бывший потом учителем в Коммерческом училище), человек неглупый, кроткий, трудолюбивый и сведущий. Аракчев обременял его работой, обижал, обходился с ним, как с крепостным человеком. Исключенный из службы по капризу Павла, Аракчев почувствовал сожаление к честному труженику и поручил его покровительству Александра, сказав: “Наследник мне друг, и тебя не оставит”. Действительно, Шарапов получил хорошее место: впоследствии сгубила его чарочка».

После 1804 г. положение изменилось. Отныне любой студент, покидающий университет с аттестатом (а не только дворянин, как раньше), мог записываться в любой род службы с чином 14-го класса. Так как это вызвало злоупотребления и многие студенты, не выслушав полного курса, определялись на службу, то, согласно «Положению о производстве в ученые степени» (1819), чин 14-го класса присваивался лишь с получением звания действительного студента, которое было возможно по окончании полного курса учебы и сдачи экзаменов. В особые условия были поставлены казеннокоштные студенты. В их число принимались прежде всего те, кого правительство готовило к службе в качестве врачей или учителей; для зачисления на казенное содержание требовалось предъявить свидетельство о бедности. По окончании университета они должны были в качестве компенсации государству за обучение прослужить не менее шести лет по ведомству Министерства народного просвещения.

Впрочем, даже после нового устава у некоторых представителей администрации возникали вопросы по поводу правомочности награждения студентов классными чинами. В 1814 г. генерал-губернатор Сибири И.Б. Пестель известил попечителя П.И. Голенищева-Кутузова, что студент Михаил Виноградов был определен в штат его канцелярии Иркутской губернии. При этом Виноградов предоставил свой аттестат, но Пестель счел, что «нужно упомянуть в аттестате, что он, по окончании полного курса учения, был испытан в оказанных им успехах сословием профессоров» «и за оказанные успехи в науках получил степень студента». В ответ от университета последовало объяснение, что выданный Виноградову аттестат есть «совершенно полный», таковой, «по которому долженствует он быть произведен в обер-офицеры», «ибо в нем, кроме того, что он назван Студентом, именно означены науки, каким он обучался». Кроме того, Пестелю напомнили, что «были бесчисленные примеры, что подобные аттестаты выдавались всегда студентам, окончившим в Университете науки, и они при вступлении их в службу переименовывались Правительствующим Сенатом в чин 14 класса», «поелику всемилостивейше дарованной Московскому Университету Грамоте в 16-й статье сказано по прочем сими словами: Студенты, по принятии в Университет, имеют право носить шпагу и отличившиеся успехами в науке и похвальным поведением при вступлении в службу получают чин 14 класса»¹.

Особенно охотно поступали в университет выходцы из духовного сословия в надежде поступить на светскую службу. Например, Лев Павловский, стремясь расширить свои знания, кроме учебы в Нижегородской семинарии хотел слушать лекции в Московской славяно-греко-латинской академии и университете. Разрешение обучаться в академии он получил, а поступить в университет оказалось сложнее. В 1787 г. нижегородский епископ Дамаскин (Семенов-Руднев, кстати сам в свое время слушавший лекции в Геттингенском университете) обратился к Платону (Левшину) с жалобой на Павловского и Василия Богородского: «Здесь семинаристы, обучавшиеся в Московской академии, на сих днях явились ко мне и просили дозволения, чтоб еще им поучиться в Академии, а потом

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 456.

в Московском университете, но как я приметил из их речей, что им хочется посредством университета выйти в другое звание, то и рассудил оставить их здесь»¹. Павловскому, правда, удалось поступить в университет с помощью П.И. Фонвизина, которому он посвятит свой перевод книги Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта «Рассуждение о древних россиянах» (1791) «с благодарностью за “отеческое покровительство” “при вступлении” в университет».

Митрополит Платон (Левшин) в своей автобиографии сообщает, что отказался от поступления в Московский университет только потому, что был «склонен к духовному званию, а паче к монашеству», в то время как другие учащиеся духовных учебных заведений «не только... хотели, но и искали» поступления на гражданскую службу². Но не всем удавалось перейти в светское звание для продолжения наук: духовное начальство неохотно отпускало своих студентов, особенно талантливых и подающих надежды. Например, в 1769 г. студент Троицкой семинарии Сокольский просил уволить его в университет «для продолжения наук». Митрополит Платон дал отрицательную резолюцию на это прошение, так как, по его мнению, «склонность к каковой-либо должности не есть непременимая, но зависит от собственного к должности понятия. Почему, если он будет (как то и должно), себя уверять, что духовная должность, по его от духовного родителя происхождения, также и по учению, какое он в духовной семинарии снискивает, ему есть следственна, полезна и пристойна, то по таковому рассуждению он к духовной должности может и склонность получить»³. То есть студенту предлагалось просто пересмотреть свои жизненные ориентиры, согласовав их со своим социальным происхождением, а не интеллектуальными запросами. Яркой иллюстрацией служит пример М.М. Сперанского: в 1788 г. он в письме просил протоиерея Андрея Самборского, наставника вел. кн. Александра Павловича, посодействовать своему переходу в университет для изучения математики и французского языка, так как имел «охоту к

¹ Смирнов С.К. История Московской СГЛА. С. 351.

² См.: Платон (Левшин), митрополит. Автобиография // Москвитянин. 1849. № 1.

³ Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001. С. 583.

познанию сих наук»¹. Но даже это не помогло, и Сперанский остался продолжать свое обучение в синодальном ведомстве.

И все же многие студенты духовных училищ слушали лекции в университете, особенно в 1780-х гг., находясь на содержании Дружеского ученого общества. Для того чтобы такие студенты не вышли из духовного звания, с них брали подписку, что они непременно останутся в нем. Они продолжали числиться в списках академий или семинарий «наличными студентами»².

Некоторые студенты из духовного сословия все же выбрали для себя служение в духовном чине. Те, кто перешел в университет из духовных учебных заведений, впоследствии, закончив слушать университетские лекции, могли продолжить духовную карьеру и стать известными церковными деятелями (это явление встречается среди студентов конца XVIII в., но полностью исчезает в первой четверти XIX в.). Среди них в списках студентов мы встречаем, к примеру, Павла Ивановича Каменского (впоследствии архимандрит Петр, начальник 10-й российской миссии в Пекине), который до поступления в 1791 г. в Московский университет учился в Нижегородской семинарии. Степан Васильевич Глаголевский (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский Серафим) учился в Калужской семинарии, откуда в 1782 г. был зачислен в студенты на иждивении Дружеского ученого общества, в 1785 г. перешел в Троице-Сергиеву семинарию, в 1787 г. начал преподавать в Славяно-греко-латинской академии. Вместе с ним в филологической семинарии Дружеского ученого общества занимался Матвей Михайлович Десницкий (в будущем митрополит Санкт-Петербургский Михаил), поступивший в университет из Троице-Сергиевой семинарии³.

Карьерные достижения

Возникает общий вопрос: насколько вообще успешной была карьера выпускников Московского университета? Ответ будет

¹ Томсинов В.А. Сперанский. М., 2006. С. 43.

² Там же. С. 668.

³ См.: Московские ведомости. 1782. № 97.

разным в зависимости от исторического периода. Из около полутора тысяч студентов, поступивших в университет до 1812 г., дослужились до чина полного генерала (2-й класс по Табели о рангах) 6 человек: Евгений Александрович Головин, Николай Николаевич Анненков, Павел Николаевич Игнатъев, Николай Федорович Плаутин и Лев Алексеевич и Василий Алексеевич Перовские. Нам известны три человека, получивших чин генерал-лейтенанта (3-й класс) (возможно, на самом деле их было больше): Егор Васильевич Карнеев, князь Семен Иванович Салагов и Владимир Иванович Филиппович. Из них первые два стали сенаторами, последний – губернатором. Генерал-майорами (4-й класс) стали Николай Осипович Лаба, сын французского офицера, генерал-провиантмейстер, член Военного совета; Николай Емельянович Лачинов, исправляющий должность генерал-интенданта Кавказского корпуса; Михайло Андреевич Петровский.

На статской службе нам известно гораздо больше примеров успешной карьеры. До чина действительного тайного советника (2-й класс) дослужились 8 человек: Федор Павлович Врончонок, Василий Васильевич Коховский, Федор Петрович Лубяновский, Аркадий Иванович Морков, Петр Иванович Озеров, Иван Федорович Шамшин, Александр Максимович Княжевич и Денис Иванович Фонвизин (получил этот чин при отставке). Спускаясь ниже по Табели о рангах, мы видим все больше бывших студентов университета: 25 человек стали тайными советниками (3-й класс), 44 – действительными статскими советниками (4-й класс).

Если говорить о важнейших государственных должностях, то воспитанников университета можно обнаружить среди министров. П.Н. Игнатъев был председателем Совета министров, Л.А. Перовский – министром внутренних дел, А.М. Княжевич и Ф.П. Врончонок – министрами финансов. Н.М. Гамалея был назначен товарищем министра государственных имуществ, а А.И. Карасевский – исправляющим должность обер-прокурора Святейшего Синода. 8 человек стали членами Государственного совета: В.А. Перовский, Е.А. Головин, П.Н. Игнатъев, И.Ф. Шамшин, Н.Н. Анненков, А.И. Морков, П.И. Озеров и Н.Ф. Плаутин. Из сенаторов можно назвать 10 человек, в их

числе естествоиспытатель Карл Людвиг Габлиц, А.Д. Боровков, Н.М. Гамалея, попечитель Виленского учебного округа Г.И. Карташевский, Ф.П. Лубяновский, Д.И. Фонвизин. Губернаторами стали И.П. Голенищев-Кутузов (сын куратора Московского университета, служил кутаисским гражданским губернатором), П.И. Аверин, А.А. Бехтеев, Булдаков, князь И.М. Долгоруков, В.Ф. Тимковский, А.П. Устимович, В.И. Филиппович.

Что касается студентов, обучавшихся в 1814–1825 гг., то из них высоких чинов достигли П.А. Тучков (генерал от инфантерии), М.К. фон Цеймерн и Ф.Ф. Брок (действительные тайные советники), Ф.И. Гильфердинг (тайный советник). Брок стал министром финансов, Гильфердинг – управляющим Государственным архивом Министерства иностранных дел и членом совета этого министерства). Членами Государственного совета были назначены Тучков и А.И. Войцехович, И.А. Вейдемейер и А.И. Морков, сенаторами – Гильфердинг, фон Цеймерн, Брок, А.Ф. Малиновский и А.И. Болгарский.

Чтобы оценить карьерные успехи студентов, необходимо рассмотреть общие характеристики чиновничества России того времени. Для высшей бюрократии Российской империи в дореформенное время характерен относительно низкий уровень специализации, «своеобразный бюрократический дилетантизм», по выражению Н.П. Ерошкина. В своем фундаментальном труде «Социальная история России периода империи» Б.Н. Митронов провел сравнение характеристик русского чиновника с идеальным типом «рационального бюрократа» Макса Вебера. Вебер указывал на значение профессиональной подготовки как признак перехода от патримониальной к рациональной бюрократии. Он «отмечает также роль образовательной подготовки чиновников, уровень которой должен проверяться экзаменами или удостоверяться соответствующим дипломом, что в значительной мере определяет рациональный характер бюрократии. С точки зрения Вебера, специфическую рациональность придает бюрократии то, что она действует в соответствии с четко сформулированными правилами и обладает специальными знаниями, которые применяются ею в процессе управления».

Одной из главных особенностей российского чиновника было то, что он не имел специального образования. При этом «возникновение нового типа чиновника в 1840–1850-е гг. в результате реформы образования и быстрого развития министерской системы правления фиксируется многими исследователями и является уже аксиомой в американском социологии»¹.

Ричард Уортман в работе «Властители и судии» пришел к выводу, что российскому государству не были нужны корпорации юристов, которые использовались западными монархами для консолидации власти и ущемления привилегий местных феодалов. В России преобладали военные интересы, и российское дворянство разделяло военный склад мышления. Поэтому, в отличие от Европы, в России не было ни мощной традиции юридического обучения, ни корпораций привилегированных судей.

Следует отметить, что проблема была не только в нехватке специальных юридических знаний. В XVIII в. многие дворяне были попросту безграмотными. Л.Ф. Писарькова обратила внимание, что в 1761 г. из 435 недорослей, явившихся в Герольдию на смотр, 74 человека (17 %) не умели читать и писать². «Материалы Герольдмейстерской канцелярии, – указывает И.В. Фаизова, – содержат уникальные массовые сведения об образовании дворянства. Как отмечалось выше, они имеются в среднем в 12 % дел и, представляя собой естественную выборку, позволяют судить об уровне образования как дворянства в целом, так и его отдельных групп»³. В 1760-е примерно 8 % отставных дворян были неграмотными. Около половины (47,2 %) получили начальное образование («читать и писать умели и арифметику знали»). Проведенный Р. Джонсом анализ депутатских наказов в Уложенную комиссию показал, что 160 депутатов из 951 были неграмотными, что составляет 16 %. Следовательно, в целом один из шести не знал грамоты, а по отдельным уездам процент поднимался

¹ Бюрократия и великие реформы. М., 1996. С. 9.

² См.: Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи, составленный в царствование Екатерины II. СПб., 1897. С. 137.

³ Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 52–53.

выше половины от общего числа. В мае 1767 г., путешествуя по России, Екатерина II нашла в Казани неграмотного предводителя дворянства¹. Кн. И.М. Долгоруков (с 1791 г. пензенский вице-губернатор) вспоминал: «Между членами Казенной палаты... один в 60 лет надворный советник, не учившийся грамоте; подъячий водил его руку по бумаге, которую по форме доводилось ему подписывать»². В Нижегородской губернии в 1796 г. в ходе ревизии присутственных мест среди канцелярских служителей уездных учреждений встречались люди, которые, «будучи уже многие годы в приказном звании, не только не знают в делах порядка, но и писать не умеют, следственно к штатской службе неспособны»³. Общее положение резюмирует Ерошкин: «До начала XIX в. для чиновников в России не требовалось никакого образовательного ценза; гражданский правительственный аппарат был переполнен малограмотными служащими. В начале XIX в. даже в столичных Заемном и Ассигнационном банках встречались чиновники, которые с трудом могли поставить свою подпись»⁴.

Куратор Московского университета кн. Ф.Н. Голицын так оценивал создание университета: «Сие полезное и напистойных правлению нашему правилам основанное учреждение принесло России немалую пользу, образовав множество людей способных к употреблению в службе: ибо до сего времени, в штатской или гражданской, мы имели токмо в нижних чинах, что называлось, подъячих, едва умеющих читать и писать, и то без порядочного расположения речи и слогу, и без всякого притом почти правописания, от чего запутывались дела и немало судьям причиняли затруднения в их разбирательстве. Сверх того обучившиеся в университете молодые люди, и получив кроме наук хорошее нравственное воспитание, умели себя вести добропорядочно и достигали до больших чинов. Равным образом и некоторые дворяне, получивши также свое просвещение в университете, с от-

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 368. Оп. 1. Д. 7. Л. 20 об. Цит. по: *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М., 2007. С. 452.

² *Долгоруков И.М.* Записки. Пг., 1916. С. 228.

³ Архив князя Вяземского. Князь Андрей Иванович Вяземский. М., 1881. С. 79.

⁴ *Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М., 2006. С. 101.

личностию отечеству служили. Я умалчиваю об их именах, хотя бы мне и приятно было оные здесь поставить»¹.

Чтобы понять вклад, внесенный выпускниками университета в повышение образовательного уровня российского чиновничества, необходимо хотя бы приблизительно представлять общую численность последнего. На 1755 г. насчитывалось 3–3,5 тыс. классных чиновников. В.П. Степанов в справочнике «Русское служилое дворянство» с 1764 по 1795 г. насчитал более 36 тыс. лиц, состоявших на государственной службе за этот промежуток времени². По подсчетам Ерошкина, в 1804 г. было 13 260 табельных чиновников (5580 в высшем и центральном аппарате, 7680 в местном), Г.И. Торке определяет численность чиновников в 1805 г. в 12 370 человек (соответственно 4790 и 7580).

Зная, что всего до 1812 г. Московский университет выпустил около полутора тысяч студентов и на порядок более гимназистов и воспитанников Благородного пансиона, можно представить себе влияние университета на служилую массу. Это будет всего несколько процентов от общего числа людей, имеющих классный чин на гражданской службе, и еще меньшей будет доля людей с университетским образованием среди офицеров. Легче и наглядней нарисовать картину образованности высшей бюрократии Российской империи, поскольку это можно сделать практически поименно. Итак, насколько образованной была элита российского общества?

Анализ Русского биографического словаря и адрес-календарей дает следующую картину. Из 20 сенаторов на начало царствования Екатерины II (по данным адрес-календаря на 1765 г.) данные об образовании имеются у 11 человек. 4 получили военное образование, 2 окончили Сухопутный шляхетский корпус и 2 – морские учебные заведения. В.Е. Адодуров учился в Академическом университете, за границей учились 2 сенатора и 3 воспитывались дома. Из 52 сенаторов конца царствования Ека-

¹ [Голицын Ф.Н.] Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. № 6. Кн. 2. Отд. 4. С. 87.

² См.: *Степанов В.П.* Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). СПб., 2003. С. 6.

терины II (по данным адрес-календаря на 1796 г.) данные об образовании имеются у 21. В Сухопутном шляхетском кадетском корпусе училось 5 сенаторов, в Европе получили образование 8 человек. Артемий Иванович Воронцов, как указано в Словаре русских писателей XVIII века, возможно, учился в Московском университете.

Как уже говорилось, правительство пыталось переломить ситуацию с образованием чиновников. Указ 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» предупреждал, что через пять лет лица, не предоставившие свидетельства об окончании учебных заведений, не будут назначаться на чиновничьи должности. Так что указ от 6 августа 1809 г., устанавливавший прямую связь между образованием и производством в чин, не был неожиданностью для чиновников России. Но, несмотря на это, например, Вигель был произведен в 1825 г. в статские советники, не имея свидетельства из университета.

Из 135 сенаторов конца царствования Александра I (1823–1825) в Русском биографическом словаре данные об образовании указаны у 72 человек. Из них в Московском университете учились Алексей Федорович Малиновский и Василий Иванович Болгарский. Последний происходил из духовного звания, получил образование в Московской славяно-греко-латинской академии, а потом обучался в Московском университете и поступил на службу в 1785 г. Очевидно, он был воспитанником Дружеского ученого общества. 7 из числа сенаторов учились в Благородном пансионе. Итого мы видим 9 воспитанников Московского университета, что в два раза меньше числа сенаторов, получивших образование в европейских университетах. У остальных 25 человек указано домашнее обучение. Таким образом, 47 сенаторов получили систематическое образование, что составляет более трети от общего числа.

Общее число министров и членов Государственного совета александровского царствования составляло 50 человек. Двое членов Государственного совета учились в Московском университете: Иван Андреевич Вейдемейер и Аркадий Иванович Морков, кроме того, воспитанником Благородного пансиона был Иван Иванович Дмитриев. Дмитрий Прокофьевич Троцинский, судя по данным формулярного списка, умел лишь читать

и писать по-русски. По некоторым источникам, он учился в Киевской академии, хотя это вызывает большие сомнения. Будучи в отставке, зимой 1800–1801 гг. он слушал лекции в Московском университете (в возрасте 50 лет).

Таким образом, для высшей бюрократии в екатерининское царствование после домашнего образования на первом месте по популярности стояло обучение за границей, а затем шли военно-учебные заведения. В первой четверти XIX в. произошел перелом: количество людей, получивших образование в российских университетах, стало сравнимым с числом обучавшихся на Западе и в кадетских корпусах.

Прослеживается связь сословной принадлежности с успешностью карьеры. Дворянам, разумеется, было легче достигнуть высоких чинов. Впрочем, многие из них уже числились на службе как до поступления в университет, так и во время учебы. Для разночинцев же университетское образование было реальным шансом получить дворянство, поскольку выслуга в канцелярских чинах требовала гораздо большего времени, чем учеба в университете.

В воспоминаниях М.Л. Назимова (бывшего студентом в 1824–1827 гг.) описано, как его брат, уже учившийся в университете, «возмутил» его спокойствие, «убеждая... оставить столь незавидную и малообещающую подьяческую карьеру и поступить в университет, откуда, получив через три года ученое звание или степень с правом на классные чины 12 или 10 класса, я смогу вполне надеяться на занятие должности, которая даст мне возможность проложить верную дорогу к лучшей и почетной гражданской деятельности»¹. «Помню, что профессор Василевский неоднократно говорил нам, что мы и учимся и служим, так как с университетским аттестатом чрез три года получим чин, который установленным порядком можно заслужить не прежде шести, девяти и более лет, смотря по сословию»². «Мы сознавали, что вынесенные нами из университета познания должны быть для нас опорой и руководством при поступлении в госу-

¹ В провинции и Москве с 1812 по 1826 год: Из воспоминаний старожила М.Л. Назимова. С. 124–125.

² Там же. С. 150.

дарственные или общественные должности. Это будущее было мрачно: кто мог знать, как и куда поведет его судьба в житейское море? Но я вполне убежден, что все мои сверстники, где бы они ни служили, с любовью и благодарностью вспоминают бывших своих наставников в университете, которые по мере своих сил и дарованных им правительством средств исполняли добросовестно свой священный долг руководить юношество к приобретению полезных знаний, возбуждая их к чувствованию истины, правды, добра»¹.

¹ В провинции и Москве с 1812 по 1826 год: Из воспоминаний старожил М.Л. Назимова. С. 160–161.

Заключение

Данное исследование охватывает проблемы возникновения и развития студенчества Московского университета с 1755 по 1825 г. За этот период студенчество претерпело значительные изменения как в количественном, так и в качественном отношении. Количественный рост прослеживается от первых 30 казеннокоштных студентов, стоявших у истоков Московского университета, до 800 человек в первой четверти XIX в. Приток студентов в университет во второй половине XVIII в. являлся хотя и регулярным, но весьма небольшим, в среднем составляя около 20 человек в год. Можно выделить два периода увеличения численности студентов. Первый заметный скачок связан с деятельностью в университете Дружеского ученого общества, Н.И. Новикова и И.Г. Шварца в 1780–1784 гг., а второй – с преобразованиями начала XIX в. и новым обликом, который приобрел университет при попечителе М.Н. Муравьеве и его преемниках. Вследствие того стимула к учебе, которым для многих стал указ об экзаменах на чин от 6 августа 1809 г., количество студентов начиная с рубежа 1800–1810-х гг. начинает расти ускоренными темпами. К началу 1820-х гг. ежегодно поступали в университет 140–160 человек (не считая тех, кого тогда же принимали в вольные слушатели).

Университет второй половины XVIII – первой четверти XIX в. являлся поистине всесловным учебным заведением, в которое поступали выходцы из самых разных слоев населения. При этом социальный состав студентов значительно менялся – в сторону все большей доли дворян, что говорило об укреплении общественного признания университета и его роли в обучении служилого сословия. Первые студенты в 1755–1757 гг. все сплошь перешли в университет из духовных учебных заведений и были разночинцами, но уже в 1760-х гг. количество дворян среди студентов составляло одну четверть. В динамике роста числа дворян

среди студентов можно выявить два рубежа: первый приходится на грань 70–80-х гг. XVIII в. и связан с созданием Благородного пансиона, второй – на начало XIX в., когда реформы Муравьева придали университету привлекательность в глазах дворянского общества.

С начала XIX в. преобладание окончательно перешло к дворянским юношам. Иллюстрацией этого факта стало участие университета в формировании дворянской культуры, в литературном процессе, а также выход на сцену замечательных людей из поколения декабристов, учившихся в это время в стенах университета. Доминирование дворян среди студентов было особенно заметно в 1810-х гг. После 1819 г. в связи с оттоком дворян в Благородный пансион и другие привилегированные заведения для высшего сословия, а также с ужесточением условий приема и выдачи ученых степеней численность студентов-дворян и разночинцев становится примерно одинаковой. Последующее влияние на ее характер окажут уже университетские реформы 1830-х гг.

Численность и социальный состав студентов напрямую зависели от отношения государства и общества к университету. Он был создан государством и в государственных интересах, но без заинтересованности общества в получении образования его существование было, разумеется, невозможно. Первоначально университет рассматривался государством почти исключительно как учебное заведение для подготовки чиновников, которых можно забирать по мере надобности, не дожидаясь даже, пока закончится период их обучения. Российские дворяне второй половины XVIII в. также рассматривали университет в качестве ступеньки для начала будущей служебной карьеры, причем использовали для этого в основном университетскую гимназию (где получали аттестаты, необходимые для производства в чин), а в студенты записывались редко. Именно поэтому изначально студенчество университета имело в основном разночинский характер.

Но ситуация менялась – в том числе благодаря неоднократно реформированию организации учебного процесса в университете. Уже в 1760-х гг. она претерпела изменения по сравнению с исходным «Проектом об учреждении», ориентируя студентов к длительному слушанию наук. В то же время готовых к этому учащихся насчитывалось единицы, поэтому «выпускни-

ков», т.е. молодых людей, прослушавших полный курс лекций и удостоенных от университета определенных отличий (в частности, первых ученых степеней для будущих преподавателей), в XVIII в. было очень мало. В начале XIX в. слушание университетских лекций стало рассматриваться как один из элементов дворянского воспитания, но и в это время сложно говорить о потоке выпускников, так как молодые дворяне проводили в университете лишь два-три года и спешили поступить на службу с чином 14-го класса. Правильный ход учебы в университете был налажен только в 1810-х гг. Этому способствовало, во-первых, введение в 1817 г. обязательного вступительного экзамена, а во-вторых, установление в 1819 г. обязательного условия к получению чина – прослушать полный курс лекций. Наконец, введение ограничений на возраст поступающих в целом прекратило практику записывания в университет «студентов-мальчиков», которая бытовала в начале XIX в.

Если в XVIII в. казеннокоштные составляли большинство студентов, то после реформ Муравьева численное преобладание переходит к своекоштным. Теперь студенты поступают в университет, пройдя через вступительный экзамен с решением добиться аттестации по итогам курса. По ее результатам они могли получить классные чины для вступления в действительную службу.

Условия жизни и быта казеннокоштных и своекоштных студентов заметно отличались друг от друга. Своекоштные пользовались большей свободой, их жизнь была менее жестко регламентирована. Как правило, своекоштные были лучше обеспечены материально, но и среди них была прослойка студентов с небольшими доходами, которая приближалась по уровню жизни к казеннокоштным. Повседневная жизнь студентов университета еще несла на себе отпечаток быта тех сословий, из которых они вышли, и о существовании единого «корпоративного» знаменателя в рассматриваемый период пока не могло быть речи. В то же время общение сближало юношей из различных социальных групп, способствовало обмену взглядами между ними, формировало под руководством университетских наставников единое пространство идей, которое отразилось в литературной деятельности студентов.

Несмотря на довольно жесткие бытовые условия большинства студентов, они вели достаточно напряженную духовную жизнь. И казеннокоштных, и своекоштных студентов объединяла любовь к чтению и обсуждению литературы, музыке и театру. Общим признаком были студенческий мундир, являвшийся знаком принадлежности к университетской общности, и шпага, право ношения которой разночинцами поднимало их престиж, как бы уравнивая их с дворянами в глазах общества. В результате начальная история студенчества Московского университета, рассматриваемая в контексте общей истории российского студенчества, свидетельствует о происходившем процессе формирования студенческой корпорации, осознания общности интересов и жизненных задач, что во многом стало характерно уже для студентов середины XIX в.

Глядя на судьбы университетских воспитанников после окончания ими учебы, неизбежно приходишь к выводу, что высшее, да и вообще систематическое образование еще не стало ценностью в глазах большей части общества. Процесс включения молодых людей в общественную, «взрослую» жизнь проходил часто небезболезненно, особенно для разночинцев и вообще тех, кто был лишен дополнительных возможностей помимо полученных знаний. Само по себе университетское образование не давало преимуществ для карьерного роста. Говоря в терминах М. Вебера, в это время в России еще не совершился переход от традиционного к легальному (бюрократическому) типу образования, и гораздо большее значение для карьеры имели не профессиональные качества, а связи, происхождение и то, что называлось тогда случаем. Большее внимание обращалось на *воспитание*, чем на собственно *образование*, на умение себя держать в обществе, а не на квалификацию. Характерной является реакция дворянства на указ 1809 г., устанавливающий экзамены на чин. Были возмущены даже сановники, достигшие «вожде ленных чинов» (т.е. указ им уже не угрожал), замечая, что они сами «и без аттестатов вышли в люди», «что все это выдумки выскочек и что дело не в учении, а в терпении и прилежании»¹. Тем не менее не без помощи государства процент образованных

людей в России постепенно рос. Получившие воспитание в университетских стенах, даже те, кто учился только в гимназии и не был произведен в студенты, старались дать хорошее образование (необязательно в Московском университете) и своим детям.

Обобщая то, что для студентов значил университет в целом и какое место занимало время обучения в нем в их жизненном пути, лучше всего процитировать М.А. Дмитриева: «Здесь началась для меня новая жизнь, сначала, с непривычки, довольно скучная, но вскоре самая веселая из всей моей жизни. Здесь вступил я, так сказать, в новое семейство студентов университета; здесь сделал новые, самые приятные знакомства; здесь узнал дружбу, продолжавшуюся до старости. Студенты университета и в мое время, и ныне сохраняют к Московскому университету какое-то родственное чувство, сладостное и в самой старости. Московской университет – это вторая наша родина!»¹

В ходе нашей работы впервые было создано комплексное исследование, в котором проблемы возникновения и развития студенчества Московского университета с 1755 по 1825 г. проанализированы с различных сторон: социальной, учебной, бытовой. Впервые в научный оборот были введены массовые источники, содержащие данные о социальном составе и учебном процессе студентов второй половины XVIII – первой четверти XIX в., в том числе проведено систематическое исследование студенческих дел, хранящихся в архивном фонде Московского университета, за 1813–1825 гг. На основе именных списков студентов, опубликованных в газете «Московские ведомости», была создана база данных, дополненная архивными и опубликованными источниками, анализ которой и послужил основой для этой работы.

¹ Сафонович В.И. Воспоминания. С. 116.

¹ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 111.

Архивные фонды

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. 159 – Департамент личного состава и хозяйственных дел.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (ОРК НБ МГУ)

Книга регистрации студентов и слушателей Императорского Московского университета за 1810–1815 гг. 5 Те 335.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОРРГБ)

Ф. 178 – Музейное собрание рукописей.

Ф. 231/I – Фонд М.П. Погодина.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 17 – Наука, литература и искусство.

Ф. 248 – Канцелярия Правительствующего сената.

Ф. 342 – Комиссия о сочинении нового Уложения.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 733 – Департамент народного просвещения.

Ф. 1349 – Коллекция формулярных списков чинов гражданского ведомства.

Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ)

Ф. 418 – Канцелярия Московского университета.

Ф. 459 – Канцелярия попечителя Московского учебного округа.

Ф. 4 – Дворянское собрание Московской губернии.

Государственный архив Владимирской области (ГАВО)

Ф. 243 – Дворянское собрание Владимирской губернии.

Ф. 449 – Дирекция народных училищ Владимирской губернии.

Государственный архив Рязанской области (ГАРО)

Ф. 4 – Рязанское губернское правление.

Ф. 98 – Рязанское губернское дворянское депутатское собрание.

Библиография

Источники

Сборники и периодические издания общего характера

Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1960–1963. Т. 1–3.

Московские ведомости. 1759–1828.

Реэстр публичных лекций, которые в Императорском Московском университете Августа с 13 дня 1758 г. продолжаться имеют. М., 1758.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1.

Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1.

Состав чинов Московского университета в 1772 г. // Временник ОИДР. 1852. Кн. 15. С. 1–10.

Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787.

Литературные издания университета

Вечерняя заря. М., 1782. Ч. 1–6.

Покоящийся трудолюбец. М., 1784. Ч. 1–4.

Полезное увеселение. М., 1760. Ч. 1–2.

Речь, разговор и стихи, читанные в публичном акте, бывшем в Благородном пансионе. М., 1817.

Речь, разговор и стихи, произнесенные на публичном акте Университетского Благородного пансиона 1819 года Сентября 14-го дня. При сем Акте отчет Пансиона с 1817 по 1-е Июля 1819 г.

Утренний свет, ежемесячное издание. М., 1779. Ч. 1.

Воспоминания, письма и дневники

Антоновский М.И. Записки // Русский архив. 1885. Кн. 1. Вып. 2. С. 145–178.

Аполлон Александрович Григорьев: Материалы для биографии. Пг., 1917.

Аргилландер Н.А. Виссарион Григорьевич Белинский // Московский университет в воспоминаниях современников М., 1989. С. 97–101.

- Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 11: Письма. 1829–1840.
- Беркут Н.К. Записки // Исторический вестник. 1911. Т. 126. № 10. С. 57.
- Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников М., 1989.
- Галахов А.Д. Записки человека. М., 1999.
- Георгиевский А. Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. № 9.
- Григорьев А.А. Воспоминания. М., 1988.
- Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
- Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1868.
- Долгоруков И.М., князь. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. СПб., 2004. Т. 1.
- Жихарев С.П. Записки современника. М., 2004.
- Колокольников В.Я. История жизни и дел моих // Сборник Русского исторического общества. 1868. Т. 2.
- Кошелев А.И. Записки. Берлин, 1884.
- Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 10.
- Лубяновский Ф.П. Воспоминания // Русский архив. 1872. Кн. 1. Вып. № 1–6.
- Лыкошин В.И. Из записок // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 32–38.
- Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания, 1818–1822 // Русский архив. 1875. Кн. 3. № 11. С. 376–387.
- Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 89–96.
- Назимов М.Л. В провинции и Москве с 1812 по 1826 год // Русский вестник. Т. 124. Июль. С. 423.
- Пирогов Н.И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 80–88.
- Подшивалов В.С. Автобиография // Москвитянин. 1842. № 1. С. 178–180.
- Показания доктора Багрянского // Сборник Русского исторического общества. 1868. Т. 2. С. 130–133.
- Полевой К. Записки. СПб., 1888.
- Полуденский П.С. Заметки о старом Московском университете // Москвитянин. 1853. № 24. С. 17–22.
- Прозоров П.И. Белинский и Московский университет в его время // Московский университет в воспоминаниях современников М., 1989. С. 109.

- Пулята Н. Заметки об А.Н. Муравьеве // Русский архив. 1876. Т. 2. С. 357.
- Раич С.Е. Автобиография // Русская библиотека. 1913. № 8. С. 28–29.
- Речи, произнесенные М.П. Погодиным. 1830–1872. М., 1872. С. 33.
- Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.
- Снегирев И.М. Воспоминания // Русский архив. 1866. № 4.
- Тимковский Е.Ф. Записки // Киевская старина. 1894. № 4. С. 8.
- Тимковский И.Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову // Москвитянин. 1851. Ч. 3. № 9/10. С. 1–49.
- Тимковский И.Ф. Записки // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 6. Стб. 1377–1466.
- Третьяков М.П. Императорский Московский Университет в 1799–1830 гг. // Русская старина. 1892. № 7. С. 105–131; № 8. С. 307–345; № 9. С. 533–553; № 10. С. 123–129.
- Тургенев Н.И. Дневники и письма. СПб., 1911. Т. 1.
- Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Соч.: В 2 т. М., 1956.
- Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. 1887. № 9. С. 642.
- Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. М., 1951.

Литература

- Андреев А.Ю. Грибоедов в Московском университете // А.С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Смоленск, 1998. Вып. 1.
- Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. М., 2001.
- Андреев А.Ю. «Мистический» друг Чаадаева: Жизнь и творческая судьба Д.А. Облеухова // Русская литература. 1997. № 2. С. 103–123.
- Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000.
- Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
- Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – начала XIX в.: опыт социального анализа // Социальная история: Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 283.
- Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. СПб., 2000.
- Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1.

- Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.
- Биографический словарь питомцев Московского университета. М., 1855.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. М., 1855. Т. 1–2.
- Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи. М., 2002.
- Змеев В.А. Российское студенчество XVIII в. // Российское студенчество на рубеже веков. М., 2001.
- Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в: Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.
- Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в.: Социально-историческая судьба. М., 1999.
- Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М., 1994.
- Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь. М., 2010.
- Кириичников А. Антоний Погорельский // Исторический вестник. 1890. Т. 42. С. 45–82.
- Краснобаев Б.И. Начальный период деятельности Московского университета // История СССР. 1980. № 3.
- Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2002.
- Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.
- Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000.
- Марголис Ю.Д. Академический университет // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. М., 1994. Т. 1. С. 40.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003.
- Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.
- Пенчко Н.И. Основание Московского университета. М., 1953.
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2002. Т. 1–3.
- Пономарева В.В. Хорошилова Л.Б. Университет для России. М., 2006. Т. 3: Университетский Благородный пансион. 1779–1830 гг.

- Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Человек Александровской эпохи: взгляд с Моховой // Университет для России. М., 2001. С. 10–14.
- Попов С. «И в театре, и в собрании появились студентские мундиры»: О мундирах студентов и учащихся первой половины XIX века // Старый Цейхгауз. 2010. № 3 (35). С. 10–16.
- Попов С. «Мундир был необходим для актов университета...». О мундирах студентов и учащихся в первой половине XIX века // Старый Цейхгауз. 2010. № 2 (34). С. 10–17.
- Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902.
- Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1902.
- Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 9. Отд. 2. № 5. С. 13–26.
- Рубинштейн Е.И. Новый источник по истории Московского университета 70-х гг. XVIII в. // Вестник Московского университета. 1986. № 2. (История).
- Свет Христов просвещает всех: Св. Татиана и Московский университет. М., 1996.
- Сивков К.В. Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII в. // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 288–290.
- Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII в. М., 2000.
- Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX в. М., 2001.
- Страхов П. Илл. Краткая история академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете. М., 2000.
- Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование Александра I. СПб., 1865.
- Сушков Н.В. Московский университетский благородный пансион и его воспитанники. М., 1858.
- Томсинов В.А. Алексей Артемьевич Артемьев // Зерцало. Журнал юридической библиографии. 1997. Вып. 2. С. 20–22.
- Университет для России. М., 1997. Т. 1: Взгляд на историю культуры XVIII столетия.
- Университет для России. М., 2001. Т. 2: Московский университет в Александровскую эпоху.
- Феофанов А.М. Классическая словесность в Московском Университете в 1755–1825 гг. // Новый Гермес. 2008. № 2. С. 15–56.

- Феофанов А.М. Социальный состав и численность студентов Московского университета во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. // Отечественная история. 2006. № 6. С. 119–125.
- Феофанов А.М. Студенты казеннокоштные // Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 699–700.
- Феофанов А.М. Учащиеся из духовного сословия в Московском университете. 1755–1825 годы // Вестник ПСТГУ. 2007. Вып. 3 (24). С. 42–53.
- Феофанов А.М. Учебный процесс в Московском университете второй половины XVIII – первой четверти XIX века // История не учительница...: Сборник статей преподавателей и выпускников Исторического факультета ПСТГУ. М., 2008. С. 62–93.
- Хорошилова Л.Б. Студенты // Университет для России. М., 2001. Т. 2.
- Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. М., 1998.
- Якушкин В.Е. Из первых лет жизни Московского университета // Русский филологический вестник. 1902. № 3–4. С. 140–162.

Именной указатель

Аверин П.И.	Бекетов Н.А.
Адогуров В.Е.	Белинский В.Г.
Аксаков К.С.	Белявский М.Т.
Александр I	Беркут Н.К.
Алексеев И.А.	Беспалов С.
Алексеев П.А.	Бехтеев А.А.
Альфонский А.А.	Блудова Ф.С.
Андреев А.Ю.	Богданович И.Ф.
Андреев К.Ф.	Богородский А.В.
Андреевский И.С.	Богородский В.А.
Анитов П.	Болгарский А.И.
Аничков Д.С.	Болдырев А.В.
Анненков Н.Н.	Бомарше П.-О.
Антоновский М.И.	Бонифацио Н.
Алексеев И.	Борзов И.К.
Апрелев Е.	Боровков А.Д.
Аракчеев А.А.	Бражников П.
Аргаматов М.И.	Брауншвейг П.П.
Аргилландер Н.А.	Брок Ф.Ф.
Арзанов Д.Н.	Брянцев А.М.
Арзанов Я.Н.	Бугров А.А.
Армфельд А.О.	Булатницкий Е.
Арсений (Троепольский)	Булгаков Я.И.
Артемьев А.А.	Буринский З.А.
	Буслаев Ф.И.
Бабушкин Ф.	
Багрянский М.И.	Вакаев И.Н.
Бардовский С.И.	Васильев С.
Барсов А.А.	Васюхнов Д.М.
Барсов А.Д.	Вахнов И.
Барсук-Моисеев Ф.И.	Вебер М.
Басов В.А.	Вейдемейер И.А.
Баталзин М.В.	Вейсгербер Ф.
Баузе Ф.Г.	Веневитинов Д.В.
Башилов С.С.	Вениаминов П.Д.

Веницеев С.Н.
Венсович А.И.
Венсович И.Ф.
Вергилий
Верещагин И.
Веселовский Ф.П.
Вигель Ф.Ф.
Виктор (Прокопович-Антонский), архимандрит
Виноградов И.Д.
Виртшафтер Э.
Вистенгоф П.Ф.
Вишленкова Е.А.
Войцехович А.И.
Волкенштейн А., граф
Волков М.А.
Волконский М., князь
Волосов И.
Вольтер
Воронцов А.И.
Воскресенский П.Г.
Вронченко М.П.
Вронченко Ф.П.

Габлиц К.И.
Гагарин Т.И., князь
Галахов А.Д.
Гамалея Н.М.
Гаретовский А.М.
Гаретовский Г.А.
Гарднер Н.Ф.
Гвоздиковский Р.
Гейдеке В.В.
Гейдеке Л.В.
Гейлер Д.
Гейм И.А.
Гильтебрандт И.Ф.
Гильфердинг Ф.И.
Георгиевский А.И.
Герцен А.И.
Геско Г.Б.

Гете И.В.
Глаголев А.
Гмелин С.Г.
Гнедич Н.И.
Голицын Н., князь
Горенков Г.
Греч Н.И.
Грибовский А.М.
Григорьевский П.И.
Гоголь Н.В.
Гоголь-Яновский А.Д.
Гоголь-Яновский В.А.
Голенищев-Кутузов И.П.
Голенищев-Кутузов П.И.
Голицын А.Н.
Голицын С.М.
Голицын Ф.Н.
Головин Е.А.
Голубцов В.В.
Горюшкин З.А.
Грамматин Н.Ф.
Грановский Т.Н.
Грибоедов А.С.
Григорьев А.А.
Грузинский Л.Б., князь
Гульковский М.К.
Гюго В.

Давидовский Л.Я.
Давыдов И.И.
Дамаскин (Семенов-Руднев),
епископ
Дашков Д.В.
Дашкова Е.Р.
Данилевский А.П.
Двигубский И.А.
Дельсаль П.Г.
Денисов Ф.А.
Десницкий С.Е.
Державин Г.Р.
Дефорж В.И.

Дефорж П.И.
Джонс Р.
Дильтей Ф.Г.
Дмитриев М.А.
Доброхотов И.
Долгоруков Д.И.
Долгоруков И.М.
Долгоруков М.И.
Долгоруков П.Д.
Домашнев С.
Дьячков Н.В.

Екатерина II
Елизавета Петровна
Елисеев М.
Ерошкин Н.П.

Жихарев С.П.
Журавлев Г.

Загорский В.А.
Запальский Г.М.
Затравкин С.Н.
Зернов Н.Е.
Злов П.В.
Змеев Л.Ф.
Знаменский П.И.
Золотницкий В.
Зыбелин С.Г.

Иванов А.
Иванов А.Е.
Иванов В.Е.
Ивашковский С.М.
Игнатъев П.Н.
Иерофей (Малицкий),
митрополит
Ильин И.
Ильин Н.П.
Иовский А.А.
Игинский Я.

Кайсаров А.С.
Каверин П.П.
Казаков М.Ф.
Калайдович К.Ф.
Калиновский И.
Каменецкий Т.А.
Кант И.
Капнист В.В.
Карасевский А.И.
Карин А.
Карин Ф.Г.
Карнеев Е.В.
Качановский К.
Кельнер Х.Г.
Керштенс И.Х.
Киреевский И.В.
Кистер Ф.И.
Клаудий Х.
Климов И.
Ключарев Ф.П.
Книгин И.Д.
Княжевич А.М.
Княжнин Я.Б.
Козлов В.И.
Козлов И.К.
Козловская А.Л., княгиня
Козодавлев О.П.
Колокольников В.Я.
Колошин П.И.
Кольрейор А.
Коновалов П.С.
Костров Е.И.
Костровский А.Ф.
Коховский В.В.
Коховский Г.В.
Коцебу А.
Кошанский Н.Ф.
Кошелев А.И.
Крапп И.Я.
Красовский А.И.
Кропоткин Д.

Крылов И.А.
 Крупеников Г.П.
 Крюков Н.П.
 Кужелевич П.П.
 Куракин А.Б., князь
 Курбатов А.Д.
 Курика Ф.К.

Лаба Н.О.
 Лабзин А.Ф.
 Лаконте А.И.
 Лангер Г.К.
 Лапин И.Ф.
 Лачинов Н.Е.
 Левицкий Ф.
 Левшин А.
 Левшинов А.А.
 Левшинов В.А.
 Левшинов Л.А.
 Левшинов П.А.
 Лессинг Г.Э.
 Лобанов С.
 Лобанов-Ростовский А.Б.
 Ломоносов М.В.
 Лопухин П.В., князь
 Лопухина Д.Н., княгиня
 Лубяновский А.Л.
 Лубяновский Ф.П.
 Лыкошин А.И.
 Лыкошин В.И.
 Львов П.К.
 Любий Ф.
 Любинский А.
 Люценко Е.П.
 Лятошевич А.
 Ляликов Ф.Л.

Майков В.И.
 Макаров В.И.
 Максимович Л.М.
 Малиновский А.Ф.

Малиновский С.
 Марков А.Г.
 Матинский М.А.
 Медокс М.
 Мелиссино И.И.
 Мерзляков А.Ф.
 Милонов М.В.
 Милютин Д.А.
 Миронов Б.Н.
 Миславский К.
 Михаил (Десницкий),
 митрополит
 Михайлова А.М.
 Могиланский А.В.
 Модзалевский В.Л.
 Мольер Ж.-Б.
 Морков А.И.
 Мочалов П.Д.
 Мошенский Б.
 Мудров М.Я.
 Муравьев А.Н.
 Муравьев М.Н.
 Мурзакевич Н.Н.
 Мухин А.Е.
 Мухин Е.О.
 Мухин И.

Назимов М.Л.
 Назон О.
 Наропинский А.
 Нарышкин А.
 Нарышкин С.
 Насонкина Л.И.
 Невзоров М.
 Непышневский А.
 Неронович И.
 Никитенко А.В.
 Никитин А.А.
 Николай I
 Николай Михайлович,
 великий князь

Николев Н.П.
 Новиков Н.И.
 Новиков П.А.
 Новицкий Г.А.
 Норов А.С.

Облеухов Д.А.
 Оболенский А.П.
 Оболенский В.И.
 Обольянинов П.Х.
 Овер А.И.
 Одоевский В.Ф.
 Озеров П.И.
 Ознобишин Д.П.
 Окен Л.
 Орлов А.Г., граф
 Орлов Е.
 Орлов И.

Павел I
 Павлов М.Г.
 Павловский Л.
 Панкевич М.И.
 Панчулидзе Д.
 Папафило Н.
 Пашков В.А.
 Пельский П.А.
 Перевощиков Д.М.
 Перелогов Т.И.
 Перовский А.А.
 Перовский В.А.
 Перовский Л.А.
 Петров П.Н.
 Петров Ф.А.
 Пенчко Н.А.
 Пермский М.
 Пестель И.Б.
 Петр (Каменский), архимандрит
 Петров П.И.
 Петровский М.А.
 Пирогов Н.И.

Писарев А.А.
 Писарев А.И.
 Писарькова Л.Ф.
 Платон (Левшин), митрополит
 Плаутин Н.Ф.
 Погодин М.П.
 Погорельский Д.Н.
 Погорельский П.Н.
 Подшивалов В.С.
 Подшивалов С.
 Покровский Г.Ф.
 Полевой К.
 Полимасовский Д.
 Политковский Ф.Г.
 Полонский П.
 Полторацкий С.Д.
 Полуденский П.С.
 Попов Г.А.
 Попов И.
 Поповский Н.Н.
 Потемкин Г.А.
 Преснухин П.
 Приклонский В.А.
 Приклонский М.В.
 Прозоров П.И.
 Прохоров Н.
 Прокопович-Антонский А.А.
 Протасов И.В.
 Пургольд И.
 Путята Н.В.
 Пушкин А.С.
 Пушкин Ф.С.

Разумовский А.К.
 Раич С.Е.
 Рауль В.
 Рахманов Г.Н.
 Рейхель И.Г.
 Репнин Н.В., князь
 Репнин П.И., князь
 Репьев А.

Ржевский А.
 Ридигер Х.
 Рихтер В.М.
 Рихтер М.В.
 Рихтер Ф.В.
 Рожалин Н.М.
 Рубан В.Г.
 Рубан Я.А.
 Рубиновский Н.
 Рудаков А.
 Руммель В.В.
 Румянцев Н.П.
 Русановский П.И.
 Рыкачев Д.М.
 Рылеев К.Ф.

Савва (Желтухин), игумен
 Савич Д.В.
 Садовский И.
 Саитов В.И.
 Салагов С.И.
 Самборский А.
 Сандунов Н.Н.
 Сапожников М.
 Сафонович В.И.
 Сведенборг
 Сverbеев Д.Н.
 Семенов И.
 Семенов П.С.
 Серафим (Глаголевский),
 митрополит
 Серебряков Д.С.
 Сибирский И.А.
 Синковский Д.Н.
 Скиадан М.А.
 Скороспелов А.М.
 Смирнов Н.
 Смирнов С.А.
 Снегирев И.М.
 Соколов П.Т.
 Соломон И.

Сорокин П.
 Сохацкий П.А.
 Соц В.И.
 Сперанский М.М.
 Сточик А.М.
 Снегирев И.М.
 Соколов И.Я.
 Срезневский И.Е.
 Стакельберг Р., граф
 Старынкевич Н.А.
 Степанов В.П.
 Стоун Л.
 Страхов П.Ив.
 Страхов П.Илл.
 Сумароков А.П.
 Сушков Н.В.
 Сырейщиков Е.Б.

Тейлс И.И.
 Теплов А.
 Тер-Гукасов С.А.
 Террасон, аббат
 Тимковский Е.Ф.
 Тимковский И.Ф.
 Тимковский Р.Ф.
 Тимонович Ф.Л.
 Титов В.П.
 Тихомиров М.
 Торке Г.И.
 Травкин И.
 Третьяков М.П.
 Троепольская Т.М.
 Троепольский В.А.
 Трощинский Д.П.
 Трубецкая А.И., княжна
 Трубецкой И.Д., князь
 Тургенев А.И.
 Тургенев И.П.
 Тургенев Н.И.
 Тучков П.А.
 Тютчев Ф.И.

Уортман Р.
 Уросов П.В.
 Урываев А.И.
 Успенский М.
 Устимович А.П.

Фабиан И.А.
 Фаизова И.В.
 Федоров И.
 Филиппович В.И.
 Фишер фон Вальдгейм А.Г.
 Фишер фон Вальдгейм Г.И.
 Фихте И.Г.
 Фонвизин Д.И.
 Фонвизин М.А.
 Фонвизин П.А.
 Франкер Л.-Б.

Хвостов Д.И., граф
 Херасков М.М.
 Хоге К.М.
 Хорошилова Л.Б.
 Хрущов С.В.

Цемш И.
 Цветаев Л.А.
 Цветков М.Н.
 Цветков Н.Е.
 Цеймерн М.К.

Чаадаев М.Я.
 Чаадаев П.Я.
 Чеботарев А.Х.
 Черепанов П.Н.
 Черепанов Н.Е.

Чернышев З.Г., граф
 Черняев В.М.
 Чиколитин А.И.

Шамшин И.Ф.
 Шарапов П.Н.
 Шаховской А.А., князь
 Шварц И.Г.
 Шевырев С.П.
 Шеллинг Ф.В.Й.
 Шереметев П.Б., граф
 Шестаков П.Д.
 Шиллер Ф.
 Шишатский В.О.
 Шнейдер Ф.Д.
 Шпиноль Ф.Д.
 Штамер И.
 Штранге М.М.
 Штрубе де Пирмонт Ф.-Г.
 Шувалов И.И.
 Щепкин П.С.
 Щербатов И.Д.
 Щербатов М.М.

Щуровский Г.Е.

Юдин Ф.С.

Языков Д.Д.
 Яковлев И.Ф.
 Якушкин И.Д.
 Ярт Г.
 Ястребов Д.Я.
 Яценко Г.М.

Учебное издание

Феофанов Александр Михайлови

**Студенчество Московского университета
XVIII — первой четверти XIX века**

Художественное оформление
Верстка *Е. В. Комарова*
Корректор *О. В. Хвостова*

Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
115184, Москва, Новокузнецкая ул., 23б
E-mail: verlag@pstbi.ru

Подписано в печать 00.00.2010. Формат 60х90/16, Объем 16 п.л.
Бумага офсетная. Тираж 000 экз. Заказ №

